

прѣдѣша цр҃кви , гла
при коѡкразѣ ст҃кѣмъ
Дѣлаже г҃авлѣюшѣ
чл҃вч҃ство кохр҃стѣ
менокаши набоже живѣ
ст҃и хр҃тоука , и҃жед
къа шп҃инаі .

Игорь Родинков

СТАРООБРАДЧЕСТВО И ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

Древнее цр҃ковное преданіе ст҃ихъ апл҃к , неши
оцѣ . како вѣкѣ подокатиши православныи
нома слагаша перети и҃жеднѣша , таишоме
словацти арх҃ерѣомѣ , и҃жеомѣ . о томѣ зѣл҃ски

12+

Игорь Аркадьевич Родинков Старообрядчество и церковный раскол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39957685

SelfPub; 2018

Аннотация

Церковный раскол 17 в. был вызван не столько изменением некоторых обрядов, хотя внешне выглядел именно так, «Умрем за единый аз!» – вещали старообрядцы, сколько разностью взглядов на смысл русской жизни и истории. Старообрядцы – приверженцы теории «Москва – третий Рим», а православные – Россия это часть Вселенского православия. «Я русский, но вера моя греческая» – говорил патриарх Никон. А в результате при Петре I Россия пошла по третьему пути – светской империи. Русь Великая победила Русь Святую. Книга состоит из 2 частей: «Раскол как явление русского самосознания» и «История старообрядческой Церкви». Обложка оформлена автором.

Содержание

Часть I. Раскол как явление русского самосознания	5
В преддверии Раскола	5
Никоновская реформа	24
Ниспровержение Никона	43
Раскол Русской церкви	65
Смысл Раскола с точки зрения русского самосознания	91
Часть II. История старообрядческой Церкви и ее взаимоотношения с Московским патриархатом	108
Преследование старообрядцев царской властью и их уход в пустынные места и леса	110
Борьба старообрядцев с Московским патриархатом и царской властью	125
Размежевание внутри старообрядчества.	136
Поповцы	
Беспоповцы и их согласия	160
Западное влияние. Псевдохристианские секты	201
Старообрядцы: купцы и предприниматели	220
Смягчение позиции царской власти и Московского патриархата по отношению к старообрядцам. Современное состояние старообрядчества	232

Список научной литературы	259
Список художественной литературы	261
Примечания	262

Часть I. Раскол как явление русского самосознания

В преддверии Раскола

Во второй половине XVII века в истории Русского государства и Церкви произошло событие, получившее название *Раскол*. «Его значение в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности», – писал митрополит Иоанн Снычев.¹

Об этом же писал и Николай Бердяев в своей работе «Русская идея»: «Раскол XVII века имел для русской истории гораздо большее значение, чем принято думать... С него началось глубокое раздвоение в русской жизни и русской истории, внутренняя расколотость, которая будет продолжаться до русской революции. И многое тут находит свое объяснение. Это кризис русской мессианской идеи... Раскол подорвал силы русской церкви, умалил авторитет иерархии и сделал возможной и объяснимой церковную реформу Петра».²

Раскол начался в царствовании второго царя из династии Романовых – Алексея Михайловиче (1645 – 1676). До тех

пор не было на Москве такого царя. Добродушный, ласковый, приветливый ко всем, Алексей Михайлович получил недаром прозвище «Тишайшего». Добродушие царя особенно сказывалось в домашней жизни: он был прекрасным семьянином и жил со своей супругой Марией Ильиничной Милославской душа в душу. Он был из тех людей, которые хотели, чтобы не только у них, но и у всех близких было на душе светло и радостно. Набожен и благочестив был он в высшей степени, любил читать священные книги, проводил каждый день часов по пяти в церкви, клал усердно поклоны, посты соблюдал очень ревностно. Редкие душевные качества царя пленяли даже иностранцев. Их отзывы говорят, что он «такой государь, какого бы желали иметь все христианские народы, но немногие имеют». Однако царь Алексей Михайлович по своей мягкой природе постоянно нуждался в советниках; он всем сердцем привязывался к людям, близко стоявшим к нему, легко поддавался их влиянию. Такими близкими к нему людьми были в начале царствования боярин Морозов, а потом патриарх Никон. Возможно, этим и можно объяснить, почему в его царствование мы видим столь много бед и неурядиц.

Однако совсем не тишайшим было царствование Алексея Михайловича. Оно явилось страшно тяжелой полосой для Русского государства: долгая и трудная война за Украину, постоянные внутренние смуты и беспорядки, безденежье – вот что представляет это время. Царствование Алексея

Михайловича было самым бунташным: соляной и медный бунт в Москве, восстания во Пскове и Новгороде, Соловецкое восстание и, наконец, восстание Степана Разина (1670 – 1671). Однако этот период ознаменовало и немало славных дел. Одно лишь знаменитое «Уложение» 1649 г., именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы «составить славу целого царствования». Именно при Алексее Михайловиче окончательно возвращаются России земли Малороссии, отторгнутые от нее враждебными соседями в годину татарского нашествия. При нем Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношении с Русью на роль обороняющейся стороны.

Но, пожалуй, главным событием царствования Алексея Михайловича был церковный Раскол. Непосредственным поводом для раскола послужила так называемая «книжная справа» – процесс исправления и редактирования богослужебных текстов. Но начался он задолго до Никона.

В Древней Руси все книги переписывались монахами от руки. Когда вследствие монгольского ига просвещение на Руси упало, в церковно-богослужебные книги малограмотными переписчиками было внесено много ошибок, иногда искажавших смысл известного места в книге. Давно высшее русское духовенство замечало эти ошибки. Первая попытка

их исправить были предприняты при великом князе Василии III. Он поручил заняться этим Максиму Греку. Тот был афонский монах, весьма образованный, начитанный. Максим Грек приехал в Москву в 1518 году и приступил к разбору и переводу некоторых греческих и русских рукописей. Греки в ту пору уже не внушали к себе на Руси особого доверия. Византия уже тогда находилась под властью турок (1453 г.), а еще раньше греки подписали унию с Римским папой (Флорентийская уния, 1439 г.). На Руси говорили, что греки стали не тверды в истинной вере. Поэтому, когда Максим стал исправлять славянские книги по греческим рукописям, в русском обществе поднялся ропот, мол, он якобы портит церковные книги. Ему пришлось оставить исправление книг, а он сам при митрополите Данииле был осужден церковным судом и отправлен в ссылку в тверской Отрочь-монастырь. Более 20 лет провел Максим Грек в заточении, пока в 1551 г. царь Иоанн IV не освободил его из заточения и позволил ему жить в Сергиевой лавре, где он и скончался в 1556 г.

Сам царь Иоанн IV решил упорядочить церковную жизнь и для этого в 1551 г. созвал Стоглавый собор. Предметом обсуждения на нем, среди многих других, стал и вопрос о церковных книгах. Их порча через переписывание неподготовленными писцами, допускавшими ошибки и искажения, была очевидна для всех. Собор горько жаловался на неискренность богослужбных книг и вменил в обязанность протопопам и благочинным исправлять их по хорошим спискам,

а книг непересмотренных не пускать в употребление. Тогда же возникло убеждение, что надо завести вместо писцов типографию и печатать книги. Однако существенных исправлений книг не произошло. Единственное, чего удалось достигнуть, было предупреждение новых ошибок, – патриарх Гермоген установил для этого при типографии даже особое звание книжных справщиков.

В Смутное время печатный дом сгорел, и издание книг на время прекратилось, но, как только обстоятельства позволили опять, за издание взялись с завидным рвением. При патриархе Филарете (1619 – 1633), Иоасафе I (1634 – 1641) и Иосифе (1642 – 1652) труды, предпринятые по этой части, доказали необходимость сверки не по славянским спискам, а по греческим оригиналам, с которых когда-то и делались первоначальные переводы.

В ноябре 1616 года царским указом поручено было архимандриту Сергиевской лавры Дионисию, священнику села Климентьевского Ивану Наседке и канонархисту лавры старцу Арсению Глухому заняться исправлением Требника. Книгу они исправили, но себе на беду. В Москве огласили их еретиками, и на соборе 1618 года постановили «отлучить от церкви Божией». Дионисия держали под стражей, а в праздничные дни в кандалах водили по Москве в назидание народу, кричавшему: «Вот еретик!» – и бросавшему в страдальца чем попало. Восемь лет он томился в заточении, пока патриарх Филарет не получил в 1626 году письменный отзыв

восточных первосвященников в защиту исправлений, произведенных Дионисием.

Дело, начатое Максимом Греком и Дионисием, продолжилось при патриархе Иосифе и царе Алексее Михайловиче, когда по государеву указу от 1649 г. келарь Арсений Суханов отправился на Восток за поиском древних достоверных списков. Он исколесил в поисках таковых не одну сотню верст и вывез в Россию около семисот рукописей, 498 из которых были собраны им в Афонских монастырях, а остальные обреты в «иных старожитных местах».

В начале царствования Алексея Михайловича ряд выдающихся церковных деятелей создали «Кружок ревнителей благочестия». В него вошли священники Иван Неронов, Иван Наседка, Логгин, Лазарь, Даниил, Гавриил, духовник юного царя Стефан Вонифатьев, знаменитый Аввакум и будущий патриарх Никон, тогда архимандрит Новоспасского монастыря. В кружок входил и сам царь. Представителей этого кружка часто еще называли боголюбцами. Они действовали по двум направлениям. Во-первых, занимались устной проповедью благочестия, закрытием кабаков, устройством богаделен, приютов для сирот. Во-вторых, – исправлением обряда и богослужебных книг.

В то время в храмах Великокороссии для экономии време-

ни практиковалось многогласие, т. е. одновременная служба разным святым и разным праздникам, ибо службы были очень длинными, и выстаивать их целиком москвитам было недосуг. В предшествующие времена многогласие никого не волновало. Иначе взглянули на него в эпоху бунтов и самозванцев. Ревнителям православия стало ясно, что многогласные службы выводят прихожан из-под влияния Слова Божия, и они стали бороться за единогогласные службы. Однако патриарх Иосиф, человек малообразованный и слабый в делах управления Церковью, запретил единогогласные службы, мотивируя это тем, что прихожане будут игнорировать длинные службы. Он разрешил лишь единогогласные службы по монастырям и в отдельных приходах. Свое решение патриарх объяснял решением архиерейского собора 1649 года, где епископат выступил против введения единогогласия и начала полного литургического обновления.

Однако у введения единогогласия в Русской церкви было немало влиятельных сторонников – это Никон, ставший к тому времени Новгородским архиепископом, духовник царя Стефан Вонифатьев, и наконец, сам царь – Алексей Михайлович. Под давлением царя и по совету Константинопольского патриарха Парфения Иосиф решил временно отложить вопрос о единогогласии. В конце концов, членам «Кружка ревнителей благочестия» удалось на соборе 1651 г. добиться решения о введении в церквях Московской Патриархии единогогласного пения, которое совершалось в основном

по малороссийскому распеву. Наряду с ним в церквах совершалось пение древнегреческим многоголосовым знаменным напевом.

Вообще период раннего царствования Алексея Михайловича с 1645 по 1652 год отличался определенными успехами в борьбе с пороками в церковной жизни. Последовал ряд указов патриарха Иосифа о соблюдении постов, о прекращении работ в праздничные и воскресные дни, правительственный указ о закрытии кабаков, лавок и других питейных заведений в большие церковные праздники.

Особые грамоты и указы правительства и патриарха призывали население не работать по воскресеньям, а посещать храмы; запрещали заниматься колдовством, гаданием, игрой в карты и кости. Особенно ополчилось правительство и духовенство против скоморохов, начиная с 1648 г. последовал ряд грамот, запрещающих зрелища скоморохов, дрессировку медведей, собак и д. т.

Одновременно, проводя в жизнь программу боголюбцев, царь и правительство старались показать не только примеры строгости, но и проявлять чувство христианского милосердия и прощения. Например, в день поминовения своего отца, покойного государя Михаила Федоровича, царь амнистировал целый ряд преступников, наказанных за мелкие проступки.

Но все это было лишь началом большой церковной реформы в Русской церкви, которая, к сожалению, привела к ее

расколу.

В связи с событиями Раскола интересна биография двух ее лидеров – протопопа Аввакума и патриарха Никона, бывших когда-то единомышленниками по «Кружку ревнителей благочестия».

Об Аввакуме мы узнаем из им же составленного «Жития» («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное») в период 1672-1673 гг. и представляющего собой первый в русской литературе опыт автобиографии.

Аввакум Петрович Кондратьев родился в 1620 или 1621 г. в селе Григорово Княгининского уезда, что в «нижегородских пределах». Земляками Аввакума были еще два видных деятеля Раскола – Павел, епископ Коломенский, и Никон, патриарх Московский. Родился он в семье сельского священника, который «прилежаша пития хмельнаго» и матери «постницы и молитвеницы». Аввакум рано лишился отца и много вытерпел от своего сиротства. Только в выборе жены ему очень посчастливилось. По указанию матери женился он девятнадцати лет на обедневшей купеческой дочери Анастасии Марковне, которая была ему истинной «помощницей ко спасению», верным другом во всех его невзгодах. После женитьбы Аввакум был посвящён в диаконы.

Когда Аввакуму исполнилось 24 года, его посветили в по-

пы и поставили священником села Лопатищи Макарьевского уезда (Нижегородская губерния). Уже здесь резко определилось в нём незнающее ни малейших уступок церковное рвение, которое делает его жизнь рядом непрерывных мучений. Строгий к самому себе Аввакум столь же строго относился и к своей пастве и ко всякому беззаконию, с которым ему приходилось встречаться. Это вызвало череду конфликтов с местным воеводою, неким Иваном Родионовичем, и другими начальными людьми. Так, в 1648 г. плыл Волгою мимо Лопатищ воевода Шереметев. Ему пожаловались на самоуправство Аввакума. Шереметев призвал его к себе, попенял и хотел было уже отпустить, велел только «на прощание благословить сына своего Матвея, брадобрейца». Но приверженец старины, «видя блудоносный образ» молодого боярина, не убоялся гнева воеводы и наотрез отказался благословить боярича. Шереметев, взбешённый отказом, бросил упрянца в Волгу, так что протопоп еле спасся от неминуемой гибели.

После того как Аввакуму два раза пришлось бегством спастись из Лопатищ в Москву, он был назначен протопопом в городок Юрьевец (ныне Ивановской области). И здесь строгий к самому себе, он беспощадно преследовал всякое отступление от церковных правил («попы и бабы, которых унижал от блудни»). За что его жители Юрьевца-Повольского едва не убили. В результате чего около 1651 года Аввакум опять был вынужден бежать от возмущённой паствы в Моск-

ву.

Здесь Аввакум Петрович, считавшийся учёным и лично известный царю, находившийся в самых дружеских отношениях с царским духовником Стефаном Вонифатьевым, участвовал в проводимой при патриархе Иосифе «книжной справе». Проживал он у своего друга, тоже знаменитого впоследствии расколоучителя, протопопа Казанского собора Григория Неронова. Не имея своего прихода, он служил и проповедовал в Казанском соборе, что на Красной площади. В этот же период Аввакум входил в «Кружок ревнителей благочестия» и был в приятельских отношениях с Никоном.

Никон, в миру Никита, родился в 1605 году в селе Вельдеманове Княгининского уезда Нижегородской губернии (это недалеко от села Григорово, где родился Аввакум). Детство его прошло весьма печально, так как он рано лишился матери, а мачеха его сильно притесняла. Несмотря на это, он выучился грамоте и развил свой ум чтением священных книг. Двенадцати лет от роду он тайно ушел в Макарьевский Желтоводский монастырь и восемь лет пробыл там послушником, готовясь принять монашеский постриг. За это время отрок хорошо изучил церковные службы, в монастырской библиотеке приобрел обширные познания, набрался духовного опыта, удивляя братию силой своего характера и строгостью

жизни.

Тем не менее, Никите пришлось покинуть обитель: уступая просьбам родственников, он вернулся домой и женился. Вскоре его пригласили священником в соседнее село Макарьев. Отец Никита был высокого роста – 204 см, крепкого телосложения. Он выглядел богатырем, был приятен лицом и имел весьма выразительные глаза. Его величавая наружность, прекрасное служение и ум привлекли к нему любовь московских купцов, приезжавших в Макарьев на ярмарку. Они уговорили его переехать в Москву. В Москве отец Никита прослужил около восьми лет. Когда прижитые в браке дети умерли, он убедил жену принять постриг, а сам удалился в Анзерский скит Соловецкого монастыря, который находился на острове в Белом море.

Постригшись там с именем Никона, он предался суровым подвигам благочестия. Но из-за ссоры с настоятелем скита старцем Елеазаром Никон был вынужден покинуть Анзерский скит. При переправе с острова на материк Никон с местным поселенцем попали в страшную бурю и едва не погибли. Буря унесла их лодку к далекому Кийскому острову в Онежской губе. На этом острове Никон впоследствии во исполнение своего обета построит Крестовый монастырь. После путевых мытарств Никон добрался до Кожеозерского монастыря, где его приняли в число братии. В 1643 году Никона там изберут игуменом. Будучи тремя годами позже в Москве по монастырским делам, Никон впервые встре-

тился с царем Алексеем Михайловичем. Величественная наружность игумена, его умные речи и широкое образование произвели на молодого, искренне прилежавшего Церкви государя неизгладимое впечатление. С того времени началось их сближение, перешедшее вскоре в тесную дружбу.

Желая иметь своего «собинного» друга возле себя, царь повелел перевести его архимандритом московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых. Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь, Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Совместная благотворительность сблизила их еще сильнее. В это же время Никон активно занимался исправлением обряда и богослужбных книг.

В 1649 году Никону было определено стать митрополитом Новгородским. От царя он получил особые полномочия – наблюдать за всем управлением и освобождать, по своему усмотрению, узников из темниц. На втором году его архиерейства в городе вспыхнул бунт: народ по незнанию принял хлеб, вывозимый в Швецию (в счет выкупа за православных беглецов, искавших у России защиты), за признак боярской измены. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам, вразумляя бунтовавших сперва кротко, а затем со всей силой митрополичьей власти и архипастырского дерзновения. Чернь избивала его до полусмерти. Очнувшись, Никон со-

брал последние силы, отслужил литургию в Софийском соборе и крестным ходом пошел на бунтующих. Пораженные его твердостью, они смирились, просили прощения и ходатайства перед царем.

В начале 1652 г. по просьбе царя Никон был послан на Соловки за мощами св. Филиппа. Алексею Михайловичу пришла мысль перенести в московский Успенский собор мощи трех бывших московских святителей, пострадавших от мирских властей за правду, за веру и отечество, – митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря, патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря. Самой дальней и трудной была миссия Никона. Но трудна она была не дальностью расстояния и не желанием соловецких насельников отдавать мощи своего бывшего игумена, но тем, что, прославляя Филиппа, второй царь новой династии, как бы укорял царя Иоанна Грозного в излишней жестокости и несправедливости и тем самым как бы противопоставлял Дом Романовых династии Рюриковичей.

В то время, когда Никон ездил на Соловки, в Москве произошло важное событие: скончался патриарх Иосиф. Аввакум с Нероновым и еще рядом священников предложили в патриархи кандидатуру Стефана Вонифатьева.

В каждом политическом или религиозном конфликте, как

правило, не бывает только двух сторон, двух цветов (белого и красного) противоборства, но есть и их оттенки. Так и во времена мятежа протопопов (боголюбцев) против епископата в середине XVII века в русской религиозной жизни были и различные течения.

Как писал С. Зеньковский в своей книге «Русское старообрядчество», «движение боголюбцев было наиболее значительным и заметным, но не единственным проявлением религиозного пробуждения Московской Руси середины семнадцатого века. Наряду с этим, по преимуществу городским и только отчасти сельским движением, в бесконечных лесах Верхнего Поволжья, расположенных вокруг Костромы, Ярославля, Владимира и Нижнего Новгорода, в тех же 1630-1640-х годах развилось другое, гораздо более аскетическое и радикальное направление. Лесные старцы, как нередко называли руководителей этого радикального в его отношении к миру направления, – так же, как и боголюбцы, имели прочные корни в русской духовной традиции. Но, если боголюбцев вдохновляла оптимистическая любовь к миру и вера в светлое будущее Руси – Нового Израиля, то лесные старцы, наоборот, были пессимистами, охваченными страхом перед грехами мирского общества. Не веря в возможность спасения в миру, они старались уйти подальше от него, в глушь лесов, где перед ними не было вечного соблазна светской жизнью.

Заволжье всегда было благодатной областью для мона-

хов-пустынников, стремившихся спасти свою душу и найти спокойствие в бесконечных лесах севера. Но, уходя от мира, эти монахи не осуждали его и не считали жизнь в мирском обществе за погибель. Лесные же старцы середины семнадцатого века, наоборот, не только видят соблазн в жизни с миром, но, видимо, и совершенно исключают возможность спасения в нем».³

Далее С. Зеньковский писал: «К сожалению, сведения об этом движении еще более скудны, чем о боголюбцах, так как, уходя из мира, эти пустынники не оставили никаких письменных материалов о своем учении. Данные о них можно найти только в отдельных правительственных документах, в произведениях их более поздних последователей, писавших уже в конце семнадцатого века, да и в писаниях их современников-противников. Судя по этим данным, основателем и первым возглавителем этих лесных аскетов был некий монах Капитон, уроженец того же Вологодского края, из которого вышел и Неронов»⁴.

Родился Капитон неизвестно когда в крестьянской семье в селе Даниловском, Костромского уезда. Он постригся в монахи и несколько лет провел в Колесниковой пустыни того же уезда. В 1630-е годы из монастыря он ушел и стал бродячим монахом. После нескольких лет бродяжничества обосновался в глухих лесах к северу от Вязников, куда к нему вскоре стали стекаться люди, прельщенные его постничеством, обличением священноначалия и учением о ско-

ром конце света. Постился он с явными нарушениями Церковного Устава и того же требовал от других. Так, в Светлое Воскресение и сам не употреблял, и ученикам не позволял употреблять ничего, кроме хлеба, семян и ягод, а вместо красных пасхальных яиц христосовался луковицами. Начав как постник, Капитон стал отвергать священство и церковные таинства. Он придерживался двуперстного крещения и запрещал своим приверженцам ходить в Церковь, бросать хозяйство и готовиться к Страшному суду.

Некий священник из Вязниковского уезда Василий был первый, кто обратил внимания властей на деятельность Капитона. Он не раз писал донесения в Москву о его разрушительной проповеди. Но не получая ответа, сам отправился в Москву, однако на обратном пути был убит. Хотя капитоны (так называли сторонников учения Капитона) начали распространяться еще в царствование Михаила Федоровича, то есть ранее 1644 г., борьба с «церковными мятежниками» началась только в 1651 г., т. е. за три года до начала Раскола. Царь Алексей Михайлович «велел взять в келиях старца Капитона» в Костромском уезде, но тот скрылся. Куда скрылся Капитон, когда и где умер, точно неизвестно (по некоторым сведениям, в конце 1650-х или начале 1660-х годов). Его учение еще до вступления Никона на патриарший престол распространилось в центре России, охватывая Костромской, Владимирский, Ярославский, Суздальский и другие уезды.

Некоторые исследователи истории Русской Православной Церкви и, в частности, митрополит Макарий (Булгаков) в «Истории русского раскола» так же, как и церковные писатели XVIII века, видели в деятельности Капитона «начатки» беспоповства, одного из течений старообрядчества.

Об этом же писал и С. Зеньковский: «Вполне вероятно, что на учение Капитона повлияли и более ранние русские ереси, которые сначала, на переломе четырнадцатого и пятнадцатого столетий (ересь стригольников), а затем на переломе пятнадцатого и шестнадцатого веков (жидовствующие), стали распространяться на северо-западе России. В своем скептическом отношении к иерархии, священству и иконам и в сомнениях в силе таинств, учение Капитона очень напоминает учение стригольников.

Сама идея бунта против церкви могла выйти, может быть, из еще сохранившихся где-нибудь в лесах до конца шестнадцатого века групп новгородцев или псковитян, оставшихся верными учению своих отцов. На возможную связь пережитков этих ранних ересей указывает распространение так называемой нетовщины, которая уже с конца семнадцатого и начала восемнадцатого века стала хорошо известна как раз в тех местах, где проповедовал Капитон, а именно: вокруг Данилова, в Заволжье, около Костромы и Ярославля, в районе Вязниковских лесов. Нетовцы, которые занимали самое крайнее левое крыло раскола, учили, что «нет ныне в мире ни православного священства, ни таинств, ни благодати»,

так как антихрист уже пришел в мир. Они вели свое происхождение от некоего Кузьмы, вероятно, ученика Капитона, упоминаемого Евфросинием. Этот Кузьма несколько ослабил учение об умерщвлении плоти и даже разрешил брак, но не как таинство, а просто как регистрацию семьи. В отличие от других старообрядцев, нетовцы не почитали и не имели икон и молились, просто обратившись на восток, как бы поклоняясь востоку. Так же, как Капитон и его более поздние ученики, нетовцы постятся по субботам. Среди них сохранился обряд исповеди земле, который был распространен и среди стригольников четырнадцатого века. Правда, он был известен и на востоке, но, кажется, что проще вести филиацию этого обычая от русских стригольников Новгорода, колонии которых на севере могли сохранить этот обычай до времени Капитона и Кузьмы, чем от столь отдаленного от России Ближнего Востока.

Каковы бы ни были корни Капитоновской ереси, но уже в годы гармоничного сотрудничества боголюбцев с государством и церковью, она внесла первые семена раскола в русский народ».⁵

Никоновская реформа

После сорока дней со дня смерти патриарха Иосифа в Москве был созван церковный собор по выбору нового патриарха. 22 июля 1652 г. съехавшемуся на собор священству было предложено возвести достойнейшего из них – «мужа благоговейного и преподобного» – на патриарший престол. Для порядка было предложено 12 кандидатов. Основным выбором в итоге совершался между Никоном и царским духовником Стефаном Вонифатьевым, однако протопоп Стефан отказался от патриаршества и сам порекомендовал Никона. И Освященный собор без жеребьевки в угоду царю Алексею Михайловичу избрал Патриархом Никона. Митрополит Казанский Корнилий известил об этом царя.

Но согласие Никона последовало далеко не сразу. Разумея тяготы предстоящего служения, зная о враждебном отношении к нему со стороны боярства, Никон долго отказывался. Даже приведенный против воли в Успенский собор Кремля, он не сразу дал свое согласие. Лишь когда царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами просили его не отречься вновь, он, умиленный, согласился, но потребовал от присутствующих обязательства «содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и законы благочестивых царей». «Если обещаетесь слушаться меня, – просил Никон, – как вашего главного архипастыря и

отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию, не стану больше отрекаться от великого архиерейства». Царь, бояре и освященный собор произнесли пред святым Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никоном, после чего он занял место патриарха всея Руси.

Оценивая начало деятельности Никона на посту патриарха, С. Зеньковский писал: «Новый патриарх энергично, планомерно и успешно продолжал проводить программу боголюбцев по поднятию нравственного уровня духовенства и народа, распространению проповеди и единогласного богослужения и охране русской церковной культуры от иноверных влияний. Теперь, после смерти патриарха Иосифа, консервативная оппозиция не могла уже остановить процесс оздоровления церкви. Обещание, данное царем и боярами на соборе, вырывало почву из-под ног противников усиления церковного влияния из высшего правящего класса, которые так упорно сопротивлялись проповеди боголюбцев. Никон и царь, Вонифатьев и Неронов направляли все свои усилия на оздоровление страны и церкви и усиление православия. Церковная дисциплина часто возрождалась сама по себе уже при одном воспоминании, что новым патриархом является суровый, аскетический и не останавливающийся перед строгим наказанием Никон. Ряд новых достойных иерархов вроде Павла Коломенского и Макария Новгородского, которые были друзьями боголюбческого движения, были назна-

чены на свободные епископские кафедры. Под бдительным надзором боголюбцев и патриарха единогласие завоевывало все более и более прочные позиции в русском богослужебном обиходе». ⁶

Далее Зеньковский пишет: «Оставаясь верным стремлениям боголюбцев повысить нравственность и благосостояние народа, патриарх продолжал борьбу с пьянством, бывшим одним из важнейших социальных зол России. Во время управления новгородской епархией он в этом отношении приобрел значительный опыт и теперь предложил правительству новую программу. Он указал, что потери от налогов по продаже алкоголя с успехом покроются доходами от вывоза хлеба, который будет сэкономлен от уменьшения винокурения. Под его давлением уже через семнадцать дней после его поставления в патриархи, 11 августа 1652 года, был издан указ, ограничивавший и даже совершенно запрещающий продажу водки по праздникам и некоторым постным дням. На каждый город оставлялся только один питейный дом, но и в нем продажа ограничивалась одной бутылкой на человека. В небольших деревнях питейные дома были совсем закрыты и продажа водки монахам и духовенству была запрещена. Через четыре недели новый указ запрещал открывать новые и предписывал закрывать уже существующие кабаки в вотчинах и поместьях, и в результате этих указов деревня должна была быть почти что совершенно очищена не только от питейных домов, но и от ростовщиков, так как

содержатели кабаков нередко сами одалживали крестьянам деньги для покупки водки.

Не менее энергично боролся Никон с возможным проникновением иноверных влияний и секуляризационных идей в среду русского народа, продолжая политику изоляции масс русского населения от иностранцев, уже начатую боголюбцами и Вонифатьевым.

Недовольство иностранным соседством уже давно высказывалось москвичами, и в 1642 году около десятка московских приходов района Мясницкой и Прохоровской слобод подали челобитную о том, чтобы протестантские церкви, построенные в их районе, были закрыты и чтобы иностранцы, жившие в их приходах, были переселены в другое место, так как своим поведением они часто оскорбляли религиозные чувства русских людей... Действительно, указ от 4 октября того же 1652 года запрещал иностранцам-иноверцам проживать в самой Москве и предписывал им переселиться в особую слободу на берегу реки Яузы, где им были отведены обширные участки. Эта слобода, вскоре ставшая известной под именем «немецкой», позже выросла в значительный центр средоточия западноевропейцев в России и стала широко известна в ранние годы царствования Петра»⁷.

Став патриархом Никон стал управлять Церковью доста-

точно жестко и даже деспотично. Невежественных и порочных священников он без всякой пощады лишал мест, сурово наказывал за проступки. Но самым важным делом, на которые Никон направил свои силы, стало исправление богослужебных книг и обрядов.

Как пишет С. Зеньковский: «Мероприятия патриарха Никона по исправлению книг почти невозможно понять, не принимая во внимание его интерес к внешней политике Московской Руси и ко вселенскому православию. Уже неприязнь к иноверцам и Западу неизбежно приводила патриарха к вмешательству в международные отношения России. Неоднократно он старался направлять московскую дипломатию на защиту православия, выступая как вселенский покровитель единоверцев, находившихся под гнетом поляков, турок и шведов».⁸

Никон стал патриархом в самый разгар национально-освободительной борьбы на Украине. Решение московского правительства помочь Хмельницкому и принять под свое подданство Малороссию было принято после долгих колебаний и не без прямого участия патриарха Никона. Новый Земский Собор, собравшийся 1 января 1653 года, на котором Никон играл очень значительную роль, постановил принять Малую Русь под высокую руку царя Руси Великой и «за государя стояти против литовского [и польского] короля войну вести».

Кстати, решительная позиция Никона взять под держав-

ную руку Москвы Малороссию вызвала его первую размолвку с влиятельным боярином Борисом Морозовым и боголюбцами. Морозов, Неронов и Вонифатьев боялись очутиться в одном государстве с подозрительными, с их с религиозной точки зрения, южноруссами.

Но Украиной интересы нового патриарха и царя не ограничивались. Как писал С. Зеньковский, «решение выступить в защиту православного населения Польши обратило глаза Никона и Алексея Михайловича дальше, на православный Восток, о котором им так много говорил патриарх Паисий и который, по словам Паисия, был готов отделиться от турок в случае войны Турции с Россией. Воссоединение всей Южной Руси с Русью Московской могло сделать Россию непосредственным соседом балканских провинций Турции, и Россия, в случае успеха, могла бы со своих границ сравнительно легко помочь православному населению Балкан... Паисий... и многие другие иерархи Балкан и Ближнего Востока неоднократно уговаривали царя и Хмельницкого объединиться в одно сильное государство, которое могло бы освободить православное население Турции. Со времени учреждения московского патриархата православный Восток привык видеть в России своего защитника и поэтому неудивительно, что слухи о выступлении России в пользу греков и югославян не переставали циркулировать в течение всего XVII века. Эти слухи стали особенно упорными во время восстания Хмельницкого, и после первых же успехов пра-

вославных против католиков на Балканах начали говорить, что «Цареградом будет владеть великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович». Бывший константинопольский патриарх Афанасий Пантеллярый, приехавший в Москву вскоре после избрания Никона, прямо называл царя Алексея Михайловича «столпом твердым и утверждением веры, помощником в бедах, прибежищем нашим и освобождением», а Никону говорил, что он, Никон, предназначен судьбою «освещати соборную апостольскую церковь, Софию премудрость Божию», то есть, говоря проще, войти в Царьград и сделаться вселенским патриархом, вернув православную храму св. Софии»⁹.

Как писал далее С. Зеньковский, «панправославный экспансионизм Никона не ограничивался западнорусскими землями, православным Востоком и единой Грузией. Его глаза так же пристально присматривались к тем берегам Балтийского моря, которые перешли к шведам в результате неудач Смутного времени. Но его вряд ли прельщало окно в Европу или перспективы морского владычества, столь близкие сердцу Ивана IV и Петра I. Гораздо ближе его сердцу лежала судьба православия в этих еще недавно русских владениях, где теперь шведы старались перевести все население в лютерскую веру»¹⁰.

«Эти старания и надежды Никона, – писал далее С. Зеньковский, – объединить под скипетром русского царя и под престолом московского патриарха всех православных хри-

стиан, превращая Россию в панправославную империю, уже превосходили по размаху планы его учителя патриарха Пасия и горько отразились на судьбах русской церкви и даже русского государства. Желание сделать все поскорее, не считаясь с реальными возможностями технически и экономически еще очень слабого московского государства, привело к тому, что ни один из планов, намеченных царем и патриархом, не был осуществлен полностью, а увлечение «греческим проектом» выразилось в пренебрежении к старой русской церковной традиции и идеологии. Никон умел видеть далеко и широко, но был слишком неподготовлен и нетерпелив, чтобы, добиваясь новых ценностей, не причинить ущерба старым. Поэтому, опасаясь, что некоторая разница между русским обрядом и обрядом греков, который в 1640-х годах был введен Петром Могилей и в православных церквях Украины и Белоруссии, может скомпрометировать его возможное будущее положение как главы всех православных Востока, он стал задумываться над тем, как приблизить русский обряд к обряду новогреческому»¹¹.

Мысль, что церковная реформа Никона проводилась в угоду политическим интересам царя и боярской верхушки высказывалась не только С. Зеньковским. Так, статье «Сохраним и укрепим древлеправославную веру!», из календаря Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 год мы читаем: «Тишайший» царь Алексей Михайлович, пожелав Византийского престола, решил в угоду грекам, под воздей-

ствием иезуитов, делать церковную реформу, но не своими руками, а прячась за спиной гордого и своенравного патриарха Никона, который вскоре после своего назначения на патриарший престол, стал вводить новшества»¹².

Таким образом, увлечение Никоном политической деятельностью в начале своего патриаршества, стремление встать во главе вселенской православной церкви, а саму Россию поставить во главе панправославной империи привели его к мысли о необходимости проведения церковной реформы.

В 1652 и 1653 годах вся основная церковная деятельность Никона была сосредоточена на исправлении богослужебных книг. Не могла же Москва, по мнению Никона, со своими «ошибками» в уставе, встать во главе вселенского православия.

Первым делом Никон заменил на Печатном Дворе старых справщиков книг на новых. Так, были отстранены Иван Наседка и Сила Григорьев, вовремя умер Шестак Мартьянов. Вместо них пришли верные Никону монахи-грекофилы Евфимий и Матфей, а во главе их был поставлен Арсений Грек. Пытавшегося воспротивиться этому князя Михаила Львова отправили в ссылку.

Перед Никоном встал вопрос, что взять за образец при

проведении «книжной справы» – московские «старые книги и уставы» или греческие оригиналы. Никон выбрал греческие оригиналы, и подтолкнула его к этому найденная им грамота об утверждении патриаршества на Руси, составленная еще в 1589 г. при царе Федоре Иоанновиче.

В ней содержалось следующее: «Так как православная церковь получила совершенство не только в догматах, но и в священноцерковном уставе, то справедливость требует, чтобы мы истребляли всякую новину в ограде церкви, зная, что новины всегда бывают причиной церковного смятения и разделения, и чтобы мы уставам св. отцов, и чему научились от них, то хранили неповрежденным, без всякого приложения или отъятия...». Прочитав это, Никон впал в страх, что Московский Патриархат живет не по греческим обрядам. Он решил, используя свое патриаршие положение, уничтожить всякие «новины» в богослужебных книгах и обрядах.

Но в помощники себе он взял не прежних друзей по «Кружку ревнителей благочестия», а некоего киевлянина Епифания Славенецкого и грека Арсения. Вскоре их стараниями был выпущен новый Служебник (чин св. литургии), исправленный по греческим оригиналам. Как указывал С. Зеньковский, ошибка Никона в исправлении богослужебных книг была в том, что он не взял за основу старые славянские и греческие книги. Вместо них, отмечает исследователь, патриарх приказывает попросту следовать современным греческим книгам венецианского издания конца XVI и начала

XVII века.

Приступая к «книжной справе», Никон одновременно взялся и за изменение обрядов. Так, в Великий пост 1653 года он разослал по всем московским церквям «памятную грамоту», где указывалось, что по правилам в иных случаях можно поясным поклоном заменять земной, хождение посо-лонь, то есть по солнцу, заменялась хождением против солн-ца, а главное двуперстное крещение заменялась троеперст-ным крещением.

Когда эту грамоту прочли Иван Неронов, протопоп Казан-ского собора, и юрьевский протопоп Аввакум, то, по словам последнего, они «задумались, увидели, что зима хочети бы-ти; и сердце у них озябло и ноги задрожали...». Они и еще ряд их сторонников подали царю челобитную, умоляя защи-тить Церковь. Про греков, считавшихся источниками «нов-шеств», они говорили, что те под турецким игом изменили Православию и предались латинству. Никона ругали измен-ником и антихристом.

Никон, пользуясь доверием царя, ответил репрессиями. Павел, епископ Коломенский, отказавшийся безоговорочно подписать соборное определение, одобрявшее исправления, был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь, дру-гие вожди Раскола (протопопы Аввакум, Иоанн Неронов, Логгин, Лазарь, Даниил, князь Львов и др.) также были разо-сланы по дальним обителям.

Так, в сентябре 1653 года Аввакума бросили в подвал Ан-

дрониковского монастыря, где он просидел 3 дня и 3 ночи «не евши и не пивши», а затем стали увещевать принять «новые книги», однако безуспешно. Не таков был протопоп, чтобы отступить от того, что считал истиной. «Журят мне», – писал он, – «что патриарху не покорился, а я от писания его браню, да лаю», «за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют». Непокорного протопопа Никон велел расстричь, но заступился царь, и Аввакум Петрович был сослан в Тобольск.

При Никоне с приверженцами старой веры в основном боролись ссылками и снятием сана. Кроме коломенского епископа Павла, которого «Никон напоследок огнем сжег в новгородских пределах» никто из приверженцев старой веры не был казнен. Иное дело было после Никона.

В делах проведения начавшейся церковной реформы Никон был неумолим, но был отходчив и легко прощал покаявшимся. Допускал он и компромиссы. В частности, при условии послушания Церкви он разрешал желающим, например, Ивану Неронову, служить по старым книгам и обрядам, допуская, таким образом, разности мнений и практики в церковных делах, не затрагивающих существа веры.

Прежде чем в дальнейшем исследовать историю Раскола, хотелось бы пролить свет на одну из главных причин разно-

гласий – крестное знамение.

Двумя перстами в середине XVII века крестились только на Руси. Греки, сербы и болгары крестились тремя перстами. Даже в Малороссии, в Киевской митрополии принято было трехперстное крестное знамение.

Однако утверждение старообрядцев, что предки наши всегда крестились двумя перстами, было совершенно справедливым. Доказано (в частности, Е.Е. Голубинским), что в Киеве при Владимире крестились двумя перстами – точно так же, как крестились в Москве до середины XVII века.

Дело было в том, что в эпоху христианизации Руси в Византии пользовались двумя служебными уставами: Иерусалимским и Студийским, которые в обрядовом отношении разноречили. Оба устава появились в результате споров о трех лицах Божества, в так называемых христологических спорах (IV–V вв.). Три перста символизировали веру в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, как Единую и нераздельную Троицу, а два перста означали, что Сын Божий, по сошествии Своем на землю, будучи Богом, стал человеком, т. е. обладал двумя природами – Божественной и человеческой. При одном догмате разница была в том, как складывать персты – три перста для крестного знамения и два пригибать к ладони, или наоборот.

Восточные славяне приняли Иерусалимский устав, где было распространено двухперстное крестное знамение. У греков, а вслед за ними и у других православных народов, в

том числе у малороссов, со временем возобладал Студийский устав. Но в то время, когда Русь приняла крещение от Византии в 988 году, у греков преобладал Иерусалимский устав, иначе от кого бы русские переняли двуперстное крестное знамение. На этом основании историк Церкви Николай Каптерев писал в начале XX века: «Древние наши церковные чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменных».

Но и в Великороссии было различие обрядов. Так, митрополит Киприан, грек по происхождению, пытался ввести на Руси трехперстное крестное знамение. В 1551 г. Стоглавый собор утвердил правильным двуперстное крещение и понудил псковичей, употреблявших троеперстие, вернуться к двуперстию.

Обряды не догматы. Догматы святы и нерушимы, обряды могут меняться, что на Руси происходило не раз, и притом без особых потрясений. Но для многих приверженцев старых обрядов реформа Никона была не приемлема, для них изменение обрядов было равносильно измене Христу. «Умрем за единый аз!» – говорили они, и действительно были готовы идти на смерть.

Сейчас в Московском Патриархате в употреблении существует и троеперстие (для осенения себя крестным знамени-

ем) во имя Святой Троицы, и двуперстие (для благословения священниками паствы) во имя Господа Иисуса Христа в ознаменование его человеческой и Божественной природы, не слитной и не раздельной. Двуперстное благословение иначе называется именованным.

Вначале новшества коснулись в основном лишь одной Москвы, где большинство жителей легко приняла перемены, но остальная Русь продолжала жить по старым обрядам. Для закрепления своей реформы Никон предпринял ряд соборов.

Весной 1654 года в царских палатах в присутствии царя происходил собор высших духовных лиц. Присутствовали пять митрополитов, четыре архиепископа и многие другие, всех – тридцать четыре человека. Никон открыл собор речью, прочел грамоту патриархов о том, как следует блюсти церковь от всяких новин; затем указал на некоторые из них, вкравшиеся в новопечатные русские служебники, и поставил вопрос, как исправить их, – только ли по старым русским рукописям или следовать греческим и старым русским (харатейным), которые согласны с первыми.

Царь и Собор единогласно отвечали согласиём на исправление по греческим и старым русским рукописям.

Собор так же подтвердил никоновскую реформу обнов-

ления обрядов. А именно: замену двуперстия троеперстием, земных поклонов – поясными, двукратного пения «аллилуйя» – трёхкратным, написанию «Иисус» вместо древнерусского «Исус». Собор так же подтвердил изменение некоторых правил богослужения и иконописных канонов. В частности, во время крещения, венчания и освящения храма делать обхождение не по солнцу, а против солнца, божественную литургию вести на пяти просфорах, а не на семи. «Неканоничные» иконы и старые церковные книги предлагалось уничтожать и заменять новыми.

Никон на соборе предложил изменения и в Символе веры. Так в 8 символе «И в Духа Святаго Господа Истиннаго и Животворящаго», после же исправлений слово «Истиннаго» было исключено. Вместо «Его царствию несть конца» писалось «Его же царствию не будет конца» (7 символ), вместо «рождена, а не сотворена» – «рождена, не сотворена» (2 символ).

Собор 1654 г. обвинил «ревнителй благочестия», которых стали называть раскольниками, позже старообрядцами, в расколе и отлучил их от церкви. Все, бывшие на соборе, своими подписями утвердили это соборное уложение; только коломенский епископ Павел не во всем был согласен и высказал свое особое мнение; несколько лиц разделяло его взгляды, за что и были подвергнуты опале.

Сразу после собора Никон отдал распоряжение Печатному Двору немедленно приступить к исправлению русских

богослужебных книг по новым греческим изданиям. 1 апреля 1654 г. начинается печатание нового Служебника, а 25 апреля сдается в печать совершенно новая книга Скрижаль, или свод церковных законов. Эта книга печатается на основе венецианского издания греческого текста 1574 года, экземпляр которого был послан Никону патриархом Паисием.

Таким образом, дело исправления книг было решено. Когда первая часть этой работы была проделана, то для рассмотрения ее Никон созвал в 1656 году новый собор, на котором вместе с русскими святителями присутствовали два патриарха – Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил. Собор одобрил новоисправленные книги и повелел по всем церквам вводить их, а старые отбирать и сжигать. На этом же соборе Макарий Антиохийский, Гавриил Сербский и еще никейский митрополит Григорий от имени собора прокляли тех, кто крестится двумя перстами.

К тому времени все главные противники Никона по церковной реформе были или в тюрьме, или в ссылке. Но волнение против никоновской реформы не только не унималось, но разжигалось пуще. Когда патриарх велел служить по новым богослужебным книгам и стал рассылать их – во многих местах поднялся сильный ропот. Некоторые из прежних справщиков, обиженные тем, что их труд признан негодным, возбуждали народ к сопротивлению. Почти вся братия Соловецкого монастыря отказалась служить по новым книгам. Пошли толки и споры не только о сложении перстов при

крестном знамении, но стали винить новых справщиков в ереси за то, что в их книгах напечатано Иисус, тогда как надо писать Иус, как в старых; корили Никона за то, что он ввел трегубое (троекратное) аллилуйя, тогда как правильное держаться прежнего сугубого (двойного); начались препирательства о том, какой крест правильное – восьмиконечный или четырехконечный. Смута все росла и ширилась по всей Русской земле.

Никон нашел новшества не только в служебных книгах и церковных, но и усмотрел их в иконописи, которое стало отступать от древних византийских образцов; иконописцы явно подражали польским и франкским (западноевропейским) живописцам. Никон, большой ревнитель православной старины, восстал против этих «новых» икон. Он посылал своих людей отбирать иконы нового письма по домам даже у знатных сановников... Один очевидец-грек рассказывал, будто патриарх даже велел своим служителям на этих «еретических» изображениях выколоть глаза и в таком виде носить их по городу и объявлять всем царский указ, грозивший строгим наказанием тому, кто осмелится впредь писать подобные иконы. Москвичи увидели в этом, конечно, поругание святыни и с негодованием говорили, что патриарх тяжко грешит, – является иконоборцем. Скоро после этого началось моровое поветрие (чума), которая в Москве и по многим городам унесла тысячи жизней. Вдобавок случилось еще солнечное затмение. Заговорили, что это Божие наказание за

нечестие патриарха. На него стали так злобиться, что его жизнь оказалась в опасности.

Ниспровержение Никона

Патриарх Никон был человеком великого ума, но при этом крайне тщеславным и властолюбивым. Тесная дружба соединяла его с царем. Вместе они молились, рассуждали о делах, садились за трапезу. Патриарх был восприимчивым царских детей. Ни одно государственное дело не решалось без участия Никона. Его державные заслуги велики и несомненны. Он сыграл чуть ли не решающую роль в деле присоединения Малороссии, благословив царя на войну с Польшей ради воссоединения русских земель. Отправляясь в 1654 году в поход, Алексей оставил Никона правителем государства, несмотря на очевидное недовольство родовитых бояр. По возвращении с войны, встреченный патриархом в Вязьме, царь на радостях наградил Никона титулом «Великого Государя», которым до этого обладал только патриарх Филарет, отец и соправитель первого царя династии Романовых – Михаила.

Первоначально Никон был выразителем русского взгляда на «симфонию властей» – основополагающую идею православной государственности, утверждающую понимание власти духовной и светской как самостоятельных религиозных служений. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 года по его благословению, говорится, что Господь даровал России «два великия дара» – благочестивого и хри-

столюбивого великого государя-царя и святейшего патриарха. «Богоизбранная сия и богомудрая двоица», как вытекает из текста, есть основа благополучия и благоденствия Руси.

Но постепенно Никона стала одолевать идея теократического государства. Он был суров и строг как к себе, так и к царю там, где дело касалось авторитета Церкви и ее способности благотворно влиять на государственные дела. Но Никону было мало стоять во главе Церкви, ему нужно было непременно вмешиваться в государственные дела, даже брать на себя дела явно не церковные. Так, патриарх завел себе собственных стрельцов (патриаршие стрельцы); увеличивал церковные имения вопреки Уложению 1649 года, запрещавшему делать это; фактически упразднил Монастырский приказ, который должен был ведать духовенством по гражданским делам. Но в то же время никогда еще в казну государства не поступало столь великих церковных сборов, как при Никоне. На случай войны сам патриарх выставял в поле 10 тыс. ратников; еще столько же воинов давали монастыри.

Никон не раз в беседах с патриархами Востока и русскими архиереями высказывал мысль, что Священство выше Царства, и эта мысль по мере его возвышения, по всей видимости, становилось его убеждением.

Трепетали перед Никоном и государевы люди. Его требовательность и непреклонность казались гордым боярам оскорбительными. «Неколи-де такого бесчестья не было,

чтобы ныне государь выдал нас митрополитам», – роптали недовольные сановники. Сделавшись вторым «Великим Государем», Никон заставлял даже родовитых бояр стоять перед собою и с покорностью выслушивать его волю, публично обличал их за то или другое, не щадя их имени и чести.

Бояре, кроме очень немногих, не выносили Никона за его независимый и решительный нрав, за вмешательства в государственные дела. При этом Никон не знал никаких компромиссов, он считал себя вправе участвовать в управлении государственным кораблем и, естественно, не допускал никого в церковные дела. На патриарха царю не раз подавали челобитные, где всячески обвиняли Никона в том, что «он возлюбил стоять высоко и ездить широко». Но пока Никона связывала дружба с царем (он называл его «собинный друг», т. е. как бы своим домашним другом, другом царской семьи) никакие обвинения ему были не страшны. Кроме того, царь нуждался в Никоне, как в умном советчике.

Однако постоянные наветы и клевета сделали свое дело: в душу царя вкралось мало-помалу недовольство и недоверие к Никону. Крутой нрав патриарха и резкое отношение к людям были не по душе «тишайшему» царю. Мягкий и податливый Алексей Михайлович был в то же время ревнив к своей власти, он нуждался в совете, но не во вмешательстве в свои дела, а Никон хотел стать таким же «государственным» патриархом, каким был Филарет, а это не нравилось царю.

Как писал С. Зеньковский: «Облик Алексея Михайлови-

ча, созданный историками, как мягкого и не очень волевого государя далеко не соответствует действительности. Правда, еще при жизни этого второго царя Романова называли «Тишайшим», но этот спокойный и не любивший крайностей государь в зрелом возрасте стал опытным и умелым тактиком, умевшим без громких слов и внешних эффектов добиваться своих целей. Вполне естественно, что, вступивши в шестнадцатилетнем возрасте на престол, он в течение нескольких лет, пока сам не научился ремеслу правителя, слушался своих близких советников Морозова, Вонифатьева, Ртищева, Никона и других. Но уже и в юные годы за внешней мягкостью проступает точный расчет, большая деловитость и аккуратность, склонность к порядку и гармонии»¹³. Не могли нравиться Алексею Михайловичу убеждения Никона в превосходстве церковной власти над светской. Как замечал С. Зеньковский, «мнение Никона о власти патриарха и его роли в управлении государством не соответствовали ни византийской, ни русской государственной традиции и явно стояло в конфликте с тем ростом абсолютизма и секуляризации, которые были характерны для большей части Европы II половины XVII века».¹⁴

Перемена отношений царя к патриарху стала сказываться со времени возвращения царя из похода, в 1657 году. Алексей Михайлович на войне с Польшей больше освоился со своими властными полномочиями, окреп духом, возмужал, отвык от подчинения своему «собинному другу»; а Никон,

в свою очередь, заправляя в отсутствие царя всеми делами церковными и мирскими, свyksя с властью, полюбил ее, в грамотах, которые подписывал, он именовал себя «Государем». Враги Никона не преминули, конечно, разными ловкими намеками и внушениями навести царя на мысль, что патриарх стал могущественнее его.

Война со шведами, начатая отчасти по совету Никона, кончилась неудачно. Безденежье и затем выпуск медной монеты вместо серебряной породили новую смуту и мятеж («медный бунт»). В эту печальную пору Никон строит свои монастыри (Воскресенский и Крестный) и просит у царя для них земель. Когда же потребовались средства на нужды государства и царь пожелал хотя бы несколько воспользоваться монастырскими богатствами, патриарх решительно восстал против этого.

Это очень не понравилось царю, но он вместо того, чтобы откровенно объясниться с патриархом, как сделал бы на его месте человек более решительный, стал отдаляться от Никона, избегать встречи с ним. А Никон, заметив холодность государя и не чувствуя за собой никакой вины, тоже обиделся, показывал вид, что не хочет заискивать милости. Боярам, врагам патриарха, на этом фоне удалось Монастырский приказ опять вернуть в лоно государства. Никон, не выносивший никаких ограничений и стеснений, начал писать царю резкие письма, называя нечестием вмешательство мирских властей в церковные дела. В ответ царь отменил некоторые

распоряжения патриарха, стал назначать священников и игуменов без согласования с Никоном.

Рознь между царем и патриархом усиливалась. Наконец, летом 1658 г. произошел окончательный разрыв. 6-го июля при дворе был большой церемониал по случаю приезда в Москву грузинского царя Теймураза. Во время его окольный Хитрово ударил палкой патриаршего посланца. Когда об этом узнавал Никон, едкое чувство обиды заговорило в его сердце. В досаде Никон посылает царю письмо, где просит учинить сыск и наказать виновного за обиду. Государь в ответ сам написал: «Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду...».

Но прошел день, другой, а обещанной встречи не было. 8-го июля был храмовый праздник в церкви Казанской Божией Матери. Патриарх со всем собором торжественно совершал богослужение. В таких случаях государь с именитыми боярами обыкновенно присутствовал в церкви; но на этот раз его не было. Через два дня в Успенском соборе было празднование Положения ризы Господней, принесенной из Персии в Москву при Михаиле Феодоровиче. На этом празднике государь всегда бывал в соборе; но теперь прислал сказать, что не будет.

Никон понял, что добродушный и набожный государь сильно гневается на него, если даже отступает от прежнего благочестивого обычая присутствовать в праздничные дни на патриаршей службе. Наконец, дело вполне разъяснилось.

Царский посланец князь Ромодановский сказал ему:

– Царское величество гневается на тебя и потому не пришел ко всенощной, не велел ждать его и к обедне... Ты оскорбляешь царя – пишешься «великим государем», а у нас один великий государь – царь.

– Называюсь так не по своей воле, – отвечал Никон, – так желал и велел мне называться и писаться его царское величество. У меня есть на то грамоты, писанные собственной его рукой...

– Царское величество, – перебил Ромодановский, – тебя почтил как отца и пастыря, но ты не понял, и теперь государь приказал сказать тебе, чтобы ты впредь не писался и не звался великим государем.

Начавшийся разрыв между патриархом и царем можно было уладить при личной встрече, но оба впали в гордыню и предпочли общаться путем писем и посредников, которые только усиливали разрыв светской и царской власти.

Тогда Никон решил исполнить свое ранее задуманное дело. 10 июля 1658 г. в конце обедни в Успенском соборе Кремля он обратился к народу с поучением, – сначала прочел слово из Златоуста, затем заговорил о самом себе: «Ленив я был учить вас, не стало меня на это, окоростовел от лени, и вы окоростовели от меня... Называли меня еретиком, иконоборцем, за то, что я новые книги завел, камнями побить меня хотели. С этих пор я вам не патриарх...».

Слова эти поразили народ, поднялся говор, шум. Труд-

но было разобрано, что говорил дальше патриарх. Потом одни заявляли, будто он сказал: «Будь я анафема, если захочу быть патриархом»; но другие отвергали это показание.

Кончивши свою речь, Никон снял патриаршее облачение, надел мантию и черный клобук. Народ, наполнявший церковь, был сильно встревожен: многие плакали; другие кричали, что не выпустят его без государева указа. Некоторые из духовных лиц спешили к царю. Никон остался среди церкви; он был в большом волнении: то садился на ступени амвона, то вставал и направлялся к выходу; но народ его удерживал. Никон, конечно, ждал, что государь сам будет просить его остаться; ждал этого и народ. Но вышло не так. Когда царю дали знать о случившемся в Успенском соборе, он был сильно озадачен. «Я будто сплю с открытыми глазами!» – проговорил он и послал князя Трубецкого и Стрешнева узнать у патриарха, что все это значит, и кто его гонит.

Никон отвечал, что уходит по своей воле, что не хочет носить на себе царский гнев. Хотя ему и было передано от царя, чтобы он не оставлял патриаршества, но Никон, конечно, не того ждал: он надеялся от самого царя услышать ласковое слово примирения, ждал, что сам государь придет к нему, своему «собинному другу»; но этого не случилось... Никон снял с себя мантию, вышел из собора и пешком отправился на подворье Воскресенского монастыря. Здесь переждал еще два дня, быть может, все еще надеясь, что царь первый сделает шаг к примирению. Царь молчал. Тогда Никон уехал

в свой Воскресенский монастырь.

Никон сначала, казалось, искренне хотел отказаться от патриаршества, просил государя скорее избрать ему преемника, чтобы церковь не вдовствовала; снова подтвердил, что сам не хочет быть патриархом, и по желанию царя благословил Крутицкого митрополита на замещение вдовствующей патриаршей кафедры.

Как враги Никона ни хлопотали охладить чувства государя к Никону, добродушному Алексею Михайловичу, видимо, было жаль Никона, который словно хотел забыть о власти, трудился очень усердно в своем Воскресенском монастыре, занимался каменными постройками, копал пруды, разводил рыбу, расчищал лес. Жизнь Никона в монастыре полностью соответствовала монастырским наставлениям. Он возложил на себя железные вериги весом в 14 фунтов (5,5 кг), которые не снимал до самой кончины. Царь давал ему денежную помощь на украшение монастыря; даже в знак особенного внимания, в большие праздники, посылал ему в монастырь лакомые яства. Никон мог еще надеяться на примирение с царем; но, на его беду, случились события, которые усилили рознь.

В патриаршем жилище, конечно, по совету бояр, был произведен обыск в бумагах Никона. Это страшно обидело его, и он сгоряча написал царю крайне резкое письмо, сильно укоряя его. «Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения», — говорится, между прочим, в письме, тут же припоминаются

прежние обиды. Это письмо очень оскорбило царя, и он прекратил попытки к сближению. Никон между тем стал сожалеть о покинутой власти, – слишком он уже свыкся с нею и с широкой деятельностью.

Теперь боярство, сумевшее поссорить царя с патриархом, заявляло о намерении существенно усилить влияние государства в церковной жизни, одновременно сократив воздействие Церкви на светскую власть. Никон хорошо понимал губительность подобных притязаний. В то же время он ясно сознавал, что открытое междоусобие, «силовое» сопротивление царской воле со стороны духовной власти может вызвать в России очередную смуту, результаты которой станут трагедией для всей Руси, подорвать многовековые корни, питающие религиозную основу русского бытия.

Пока Никон отбывал в себе сотворенном «гонение» в Воскресенском монастыре, приверженцы старых обрядов переживали настоящие гонения, о которых мы наглядно узнаем из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанное».

«Послали меня в Сибирь с женою и детьми», – пишет он в своей автобиографии. После долгого и мучительного пути они приехали в Тобольск. Здесь Аввакум, покровительствуемый Тобольским архиепископом, служил в одной из церквей. Но недолго, ибо и здесь Аввакум придерживался ста-

рой веры. «Посему указ пришел: – пишет Аввакум, – велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову». Но когда приехал он в Енисейск, то пришёл из Москвы другой приказ: везти его к воеводе Афанасию Пашкову, посланному для завоевания «Даурской земли».

Пашков был «суров человек: беспрестанно людей жжет и мучит», а Аввакума ему прямо «приказано было мучить». Всякий другой при таких условиях старался, если не угождать воеводе, то, во всяком случае, не задевать его первым. Но Аввакум на первых же порах начал находить неправильности в действиях Пашкова. Тот, конечно, осердился и прежде всего велел сбросить протопопа и его семью с дощеника (большая плоскодонная лодка с палубой), на которой тот плыл по Тунгуске. Страшно было на утлом дощенике, а тут пришлось пробираться с малыми детьми по непроходимым дебрям диких Даурских ущелий. Аввакум не вытерпел и написал Пашкову послание, полное укоризны. Воевода совсем рассвирепел, велел притащить к себе протопопа, сначала сам избил его, а затем приказал дать ему 72 удара кнутом, а потом бросить в Братский острог.

Сидел Аввакум немало времени в «студеной башне: там зима в те поры живёт, да Бог грел и без платья! Что собачка в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было: я их скуфьею бил – и батошка не дадут! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много». Поколе-

бался было протопоп: «хотел на Пашкова кричать: прости!», но «сила Божия возбранила – велено терпеть». Перевели его затем в тёплую избу, и Аввакум тут с «собаками жил скован всю зиму».

По весне Пашков выпустил многострадального протопопа на волю, но и на воле страшно приходилось в диких местах, где Аввакум наравне с остальным «полком» Пашкова пролагал пути в «Даурскую землю». Приходилось ему голодать, тонуть на Байкале, спасаться от волков и лисиц. «Ах, времени тому!», – с ужасом вспоминал Аввакум, – «не знаю, как ум от него отступился». Два маленьких сына его «умерли «в нуждах тех». Так велики и страшны были эти «нужды», что мощный и телом и духом протопоп одно время «от немощи и от глада великого изнемог в правиле своем», и только бывшие ему знамения и видения удержали его от малодушия.

Шесть лет провёл Аввакум «в Даурской земле», доходил до Нерчинска, Шилки и Амура, терпя не только все лишения тяжёлого похода, но и жестокие преследования со стороны Пашкова, которого он продолжал обличать в разных «неправдах». Но не сломился духом Аввакум, а только сетовал: «Любил, протопоп, со славными знатца, люби же терпеть, горемыка, до конца». Вместе с ним бедствовала и его семья. «А протопопица кричит: «что ты, батко, меня задавил?». Я пришел, – на меня бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?». И я говорю: «Марковна, до самые смерти!» Она же вздохня, отвечала: «добро, Петро-

вич, ино еще побредем».

Когда Никон потерял влияние при дворе, Аввакум по царскому указу был возвращён в Москву, а вместе с ним и Пашков, заменённый другим воеводой. «Десять лет он [Пашков] меня мучил или я ево, – не знаю; Бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь»

Обратный путь был тоже страшен и длился он три года. Всё время пути Аввакум «по всем городам и по селам, в церквах и на торгах кричал, проповедуя слово Божие, и уча и обличая безбожную лесь», то есть никонианские новшества. Наконец, в 1663 году Аввакум прибыл в Москву, где Никон уже был низложен Поместным собором.

В феврале 1660 года, по желанию царя, составился Поместный собор из высшего русского духовенства и некоторых греков. Между духовными лицами было много врагов Никона, все помнили его властный крутой нрав. Собор обвинил Никона в гордости, в самовольном оставлении патриаршего престола и присудил его даже к лишению священного сана; только Епифаний Славинецкий и один архимандрит заявили о незаконности суда без допроса подсудимого. Епифаний также указал, что согласно IX правилу IV Вселенского собора Поместный собор не вправе снимать с кафедры своего патриарха, так как он не подлежит суду своих еписко-

пов. Впрочем, царь и не думал приводить в исполнение решение собора, а Никон назвал этот собор «жидовским сонмищем».

В это время прибыл в Москву Гаазский митрополит Паисий Лигарид, человек умный и весьма образованный, но способный кривить душой. К нему, как к лицу знающему, обращались часто за советами, и ему пришлось в деле Никона принять большое участие. Лишенный в свое время Иерусалимской кафедры за склонность к латинству, Паисий долго скитался по Греции и Италии; его еще раньше приглашал в Москву сам Никон, нуждавшийся при церковном исправлении в образованных людях. Теперь ловкий и угодливый грек смекнул, что ему гораздо выгоднее стать на сторону врагов патриарха. Когда ему предложили ряд вопросов о поведении патриарха и об отношении его к царю, Паисий отвечал полным осуждением действий Никона, винил его за гордость, за жестокое обращение с духовенством, за частое употребление отлучения от церкви и т.д.

Никону были доставлены эти вопросы и ответы. Он принялся горячо опровергать их, излил на бумаге весь свой гнев, смело и резко высказывал свои убеждения и взгляды на отношения церкви и государства, на власть. В 1662 году в качестве последнего аргумента Никон пишет «Разорение» – обширное сочинение, насчитывающее более 900 страниц текста, в опровержение мнений своих противников и в защиту своей позиции. Здесь в запальчивости патриарх дошел да-

же до того, что заговорил языком пап. «Не от царей, – писал он, – приемлется начало священства, но от священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давал нам царь прав, а похитил наши права: церковью обладает, св. вещами богатится; завладел он церковным судом и пошлинами. Господь двум светилам светить повелел – солнцу и луне, и чрез них нам показал власть архиерейскую и царскую: архиерейская власть сияет днем, власть эта над душами, царская в вещах мира сего».

А тем временем в Москву вернулся Аввакум. Первые месяцы по возвращению были временем большого личного торжества Аввакума. Ничто не мешало москвичам, между которыми было много явных и тайных сторонников старообрядчества, восторженно чествовать страдальца, по их просьбам возвращённого. Сам царь показывал расположение к нему, велел его «поставить на монастырском подворье в Кремле» и, «в походы мимо моего двора ходя», рассказывает Аввакум, «кланялся часто со мною, низенько таки, а сам говорит: «благослови де меня и помолися о мне»; и шапку в иную пору мурманку снимаючи, с головы уронил, будучи верхом. Из кареты бывало высунется ко мне», и все «бояре после царя челом, да челом: протопоп! благослови и молися о нас».

Однако уже вскоре все убедились, что Аввакум не личный враг Никона, а принципиальный противник церковной реформы. Через боярина Родиона Стрешнева царь посовето-

вал ему, если не присоединиться к реформированной церкви, то, по крайней мере, не критиковать её. Аввакум последовал совету: «И я потешил его: царь то есть от Бога учинен и добренек до мене». Однако нейтралитет Аввакума продлился недолго. Он ещё сильнее прежнего стал критиковать иконовскую реформу. В частности, он указывал, что Никон за образец перевода Служебных книг взял греческие книги, изданные в Венеции, и что, они не истинные, и полны искажений.

Горячая, искренняя и сильная проповедь Аввакума действовала на многих: ему удалось привлечь к своему учению нескольких боярынь, в том числе княгиню Урусову и боярыню Морозову, которые сильно помогали старообрядцам. Помимо Аввакума Никита Добрынин, получивший кличку Пустосвят, и Лазарь Муромский своими сочинениями тоже послужили «старой вере». Немало было и других поборников ее. Повсюду являлись разные странники, отшельники, блаженные, которые возвещали народу, что наступает кончина света, что скоро придет антихрист, грозили вечной гибелью всем, кто примет трехперстное сложение, трегубое аллилуйя, будет произносить и писать Иисус вместо Исус и проч.

Аввакум подал челобитную царю, в которой просил низложить Никона и восстановить иосифовские обряды: «паки заворчал, написал царю многонько таки, чтобы он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь от ереси оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря

православного учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика».

Это сильно рассердило царя, тем более, что челобитную Аввакум подавал через юродивого Феодора, который с нею «приступил к цареve корете со дерзновением». Алексей Михайлович жаловал Аввакума как человека много страдавшего, но вовсе не как ересиарха, и когда он из челобитной увидел, что протопоп восстаёт не только против Никона, но против всей вообще существующей церкви, он на него «кручиновать стал». «Не любо стало, – прибавляет Аввакум, – как опять стал я говорить; любо им, как молчу, да мне так не сошлось». Велел царь сказать протопопу: «власти де на тебя жалуются, церкви де ты запустошил: поедь де в ссылку опять».

В 1664 году Аввакум был сослан в Мезень, где он пробыл полтора года, продолжая свою проповедь и поддерживая своих приверженцев, разбросанных по всей России, посланиями, в которых именовал себя «рабом и посланником Иисуса Христа», «протоангелом российской церкви».

Для того чтобы окончательно решить дело Никона, Алексей Михайлович решил пригласить в Москву Восточных патриархов. Пока ожидался их приезд, Никон жил в своем Воскресенском монастыре, что на реке Истре, и занимался

его благоустройством. По его замыслу под Москвой должен был быть воссоздан комплекс святых мест Палестины, поэтому он позже получил название Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. Некоторые здания повторяют очертания сооружений Иерусалима, как, например, Воскресенский собор (1656-1685), созданный по образу и подобию Храма Гроба Господня. Царь, не смотря на ссору с Никоном, не отказывал ему в помощи при строительстве монастыря. Помимо Воскресенского монастыря, за Никоном сохранились еще Иверский на Валдае и Крестный на Онеге монастыри.

Никон, узнав, что по поводу его удаления с патриаршего престола царь хочет собрать собор патриархов в Москве, поспешил предупредить Константинопольского патриарха обо всем, как было. В длинном послании Никон откровенно рассказал о причинах своего удаления, жаловался, не стесняясь в выражениях, на самого царя, бранил Паисия Лигарида. Однако его послание не дошло по назначению: оно было перехвачено на дороге и послужило потом новым поводом для обвинения Никона.

Восемь лет столица оставалась без «настоящего» патриарха, обязанности которого самим же Никоном были возложены на Крутицкого митрополита Питирима. Положение становилось невыносимым, и, в конце концов, недоброжелатели первосвященника добились своего: в конце 1666 года под председательством двух патриархов – Антиохийско-

го и Александрийского, в присутствии десяти митрополитов, восьми архиепископов и пяти епископов, сонма духовенства черного и белого состоялся соборный суд над Никоном.

Все началось с того, что в ноябре 1666 года в Москву прибыли два патриарха Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий. Надо отметить, что Восточные патриархи томились под турецким игом, и их патриархаты были меньше некоторых епархий Русской церкви, но за ними стояло древнее благочестие, и они считались равными Московским патриархам. Среди них было сомнение, как судить грекофила Никона, который стоял горой за соединение в обрядах Русской церкви с Вселенской Православной церковью. Поэтому два ведущих патриарха (Константинопольский и Иерусалимский) не рискнули приехать в Москву судить Никона. Также никаких полномочий на суд над Никоном они никому не передавали, как утверждали Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский. Паисий Лигарид, которому было поручено исполнять обязанности докладчика, сумел настроить их против Никона. Главным его аргументом было то, что нужно угодить русскому царю, от которого за осуждение Никона можно было поручить богатые и щедрые подарки.

В начале декабря 1666 г. Никон был привезен в Москву. Перед отъездом из монастыря он приобщением и елеосвящением приготовился к собору, словно к смерти, выступил с поучением к братии и простился с нею. Никон явился на собор во всем величии патриаршего сана, с преднесением

креста, так что все и сам царь должны были встать при его входе... Царь указал ему на место наряду с архиереями. Никон огляделся и, увидев, что не было для него особенного почетного патриаршего места, сказал: «Благочестивый царь, я не принес своего места с собою; буду говорить стоя». Все восемь часов, пока продолжалось заседание, Никон простоял, опершись на свой посох.

На соборе дело приняло такой вид, как будто бы между царем и патриархом шла тяжба, а собор должен был совершить суд. Сам государь со слезами на глазах, взволнованным голосом начал жаловаться на самовольное удаление патриарха, на восьмилетнюю смуту в церковных делах и заявил, что никакой вражды не питал к Никону. Будь Никон уступчивее, смирись он, хотя немного, и, кто знает, быть может, тут же на соборе совершилось бы примирение между прежними друзьями. Но Никон, во всем блеске своего величия, опершись на посох, гордо стоял пред царем и собором. Много горечи и обиды накопилось в его душе; не смирение и любовь, а чувство обиды говорило в сердце его! На обвинения он отвечал обвинениями, объяснил, что ушел от гнева государя, а патриаршества не оставлял. Царь предъявил собору перехваченное письмо Никона к Византийскому патриарху и жаловался на обидные выражения. Никон отвечал, что послание писал он к своему собрату тайно и не виноват, что написанное тайно сделалось явным. Крайне раздраженный спором, он выразил тут же сомнение в достоинстве собора

и в праве собравшихся лиц судить его и даже усомнился в православии греческого Номоканона, напечатанного в Италии (странным образом здесь его критика совпала с критикой новопечатных книг старообрядцами).

12 декабря в патриаршей крестовой палате Никону были прочтены обвинения. Ему выставлялось на вид, что он смутил Русское царство, вмешивался в гражданские дела; что давал своему монастырю гордые названия Вифлеема, Голгофы, Иерусалима; что злоупотреблял анафемой, Номоканон называл еретической книгой; что мучил иноков мирскими наказаниями и пытками.

Его объявили лишенным патриаршества и священства, только иночество было оставлено за ним. Затем был исполнен обряд снятия сана. При этом Никон спросил: «Почему вы действуете здесь, в монастырской церкви, тайно, как воры? При всем народе в соборе умоляли меня принять патриаршество. Пойдем и теперь в ту же великую церковь». Патриархи сами сняли с него клобук и панагию. Не смог снести всего этого бывший всесильный владыка, не сдержал своего сердца. «Жемчуг-то с клобука поделите меж собою, – сказал он, – придется вам по несколько золотников. Бродяги!.. ходите повсюду за милостыней, чтобы султану заплатить дань!».

Решено было отвезти Никона в заточение в Ферапонтов монастырь. «Никон, Никон! – говорил он, садясь в сани. – Отчего все это тебе приключилось? Не говори правды, не

теряй дружбы сильных. Устраивал бы ты богатые трапезы да вечерял бы с ними – не было бы тебе этого!»

На этом и закончился первый этап так называемого Великого Московского собора 1666-1667 гг.

Раскол Русской церкви

Низложив Никона, через полтора месяца, а именно 31 января 1667 г., собор избрал на его место Иоасафа, архимандрита Троице-Сергиевой лавры. Престарелый и незаметный новый патриарх стал именоваться Иоасафом Вторым, патриархом Всея Великия, Малыя и Белья Руси.

При его патриаршестве восточные патриархи составили так называемые «Ответы патриархов» и «Правила касательно власти царской и власти церковной» (в составлении их участвовали все четыре Восточных патриарха). Последние, в отличие от мнения Никона о том, что церковная власть выше светской, провозглашали, что царская власть выше патриаршей. В частности, в этих правилах писалось, что «царь своею властью подобен Богу» и что он на земле «наместник Божий есть», «патриарху же бытии послушлива царю, яко же поставленному на высочайшем достоинстве и отмстителю Божию». Но эти правила, составленные восточными патриархами, благодаря сопротивлению русского епископата приняли, к счастью, лишь рекомендательный характер.

Как писал С. Зеньковский: «Это было новое и совершенно неожиданное утверждение господства царя и государства над церковью, основанного на принципе божественного права государя. Своими решениями восточные греческие прелаты наносили решительный моральный удар не только пла-

нам и теориям теперь ставшего простым монахом Никона, но и идеям боголюбцев, которые в своей борьбе за оцерковление общества хотели поставить церковь и веру выше политических соображений. Соблазненные царскими подачками, привыкшие к беспрекословному подчинению султанской власти и, вероятно, наслышавшиеся о новых веяниях абсолютизма в Западной Европе, греки теперь возносили власть русского царя на неведомую раньше высоту». ¹⁵ И далее: «Правила», выработанные патриархами, были результатом упорной работы Паисия Лигарида. Они открыли новую страницу в истории русского самодержавия, так как вслед за Западом русский государь освобождался от всякого влияния церкви и из «совестливого» православного царя превращался в абсолютного монарха в стиле Людовика XIV. Это был довольно неожиданный поворот в развитии теории власти в России, который не имел канонических precedентов в истории русского православия. Хотя эти правила не были подписаны участниками собора, но, тем не менее, они, конечно, стали весьма полезным документом в руках царя и давали ему сильное оружие в случае нового столкновения с патриархом и епископатом». ¹⁶

После двухмесячного перерыва в середине апреля 1667 г.

собор патриархов приступил к своему второму этапу – к делу «церковных мятежников» и решению вопросов, вызванных церковной реформой Никона.

Собор одобрил книги новой печати, утвердил новые обряды и чины и наложил страшные проклятия и анафемы на старые книги и обряды. Двуперстие собор объявил еретическим, а троеперстие утвердил как правильное. Собор проклял тех, кто в Символе веры исповедует Духа Святаго Истинным. Также он признал решения Стоглавого собора 1551 г. отмененными. Проклял и тех, кто будет совершать службу по старым книгам. В заключение собора говорится: «Если кто не послушает нас или начнет прекословить и противиться нам, то мы такового противника, если он – духовное лицо, извергаем и лишаем всякого священнодействия и благодати и предаем проклятию; если же это будет мирянин, то такового отлучаем от св. Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, и предаем проклятию и анафеме как еретика и непокорника и отсекаем, как гнилой уд. Если же кто до самой смерти останется непокорным, то таковой и по смерти да будет отлучен и душа его пребудет с Иудой-предателем, с еретиком Арием и с прочими проклятыми еретиками. Скорее железо, камни, дерево разрушатся, а тот да будет не разрешен во веки веков. Аминь».

Эти ужасные проклятия возмутили даже самого Никона, привыкшего жестоко осуждать своих противников. Он заявил, что они положены на весь православный народ, и при-

знал их безрассудными.

Собор пригрозил подвергнуть ослушников соборных определений «телесным озлоблениям», что выразилось в том, что христианам отрезали уши, носы, вырезали языки, отсекали руки; их били говяжьими жилами, ссылали, заточали в тюрьмы.

На соборе были допрошены главные противники церковной реформы. Одни из них (Александр Вятский, Феоктист, Никита, Ефрем и даже Неронов, основатель старообрядческого движения) покаяться и были прощены. А те, кто не раскаялся (Аввакум, Лазарь, Федор, Епифаний, Никофор) были преданы анафеме, расстрижены и сосланы в ссылку.

И после собора многие не отказывались от мысли переубедить Аввакума. Его расстрижение было встречено большим возмущением и в народе, и во многих боярских домах, и даже при дворе, где у ходатайствовавшей за Аввакума царицы было по этой причине «великое нестроение» с царём. Вновь уговаривали Аввакума уже перед лицом Восточных патриархов в Чудове монастыре («ты упрям; вся-де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Валахи, и Римляне, и Ляхи, все-де тремя персты крестятся; один-де ты стоишь на своем упорстве и крестишься двема персты; так не подобает»), но он твёрдо стоял на своём: «Вселенсии учителяе! Рим давно упал и лежит невосклонно и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианам, а у вас православие пестро; от насилия Турского Магмета немощни есте стали; и впредь при-

езжайте к нам учиться», «побранил их сколько мог» и, наконец, «последнее слово рек: «Чисть есмь аз и прах, прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лучше един, творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных».

В результате церковного суда Аввакум, Никофор, Епифаний и Лазарь были приговорены к ссылке на дальний север России в Пустозерск. Причем Епифанию и Лазарю отрезали языки и отсекали кисти правых рук.

Таким образом, деяния и определения Большого собора 1666-67 гг. внесли еще большую смуту в умы русских людей и окончательно определили Раскол в Русской церкви.

Реформа была выгодна многим. Восточным патриархам она была весьма по душе, так как проводилась в согласии с греческими новыми книгами и закрепляла их главенство в вопросах веры, утверждала их духовный авторитет, к тому времени на Руси сильно поблекший. Государственная власть тоже видела свою геополитическую выгоду в реформе. И Ватикан в реформе православной Церкви тоже имел свой интерес. С присоединением Украины к Москве в России стало сказываться юго-западное влияние. В Москву понаехало множество украинских и греческих монахов, учителей, политиков и разных дельцов. Все они были в различной степени пропитаны католицизмом, что не помешало им, а, может быть, даже и помогло, приобрести большое влияние при царском дворе. Паисий Лигарид, продолжая дело митрополита Исидора, вел в это время переговоры с католическим

Западом о соединении русской Церкви с римской. Он пытался склонить к этому и Восточных патриархов. Русские же архиереи во всем были послушны царю. Так, новый патриарх Иоаким, ставший им в 1674 г., после смерти Иоасафа II, заявил: «Я не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальницы, то я готов творить и слушать их во всем».

Несмотря на то, что на соборе 1666-67 гг. многие противники церковной реформы принесли покаяние, сопротивление икононовской реформе росло.

Сильнее всего сказалось противодействие реформе на дальнем севере – в Соловецком монастыре. Когда еще в 1657 году сюда были присланы новые книги – здесь их не хотели принимать, и началось «стояние за старую веру». Сначала в Москве не обратили большого внимания на это – были заняты вопросом о Никоне. В Соловках было много приверженцев старины. Главным коноводом явился архимандрит Никанор, живший здесь на покое; он был заклятый ревнитель старины и более всех побуждал братию «постоять за старую веру».

В Соловецком монастыре смелее, чем где-либо, раздались мятежные крики: «Не принимаем новоизданных книг; не хотим знать троеперстного сложения, имени Иисус, трегубого аллилуйя! Все это латинское предание, антихристово уче-

ние; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее!».

Когда же из Москвы были присланы новые увещания, соловецкие монахи повторяли то же самое, говоря, что они готовы умереть за старину, и прибавляли: «Вели, государь, на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития переселить нас на оное безмятежное житие».

После этого действительно оставалось только обнажить меч. В 1668 году под стенами Соловецкого монастыря явился небольшой отряд стрельцов. Со стен обители загремели пушки. Стены, построенные еще Филиппом, были крепки, на них стояло 90 пушек, запасов было много; в монастыре было человек пятьсот всякого люда, в том числе немало казаков с Дона. Мятежники думали «отсидеться» и «отбиться» от царской рати.

Только через восемь лет после упорной обороны, 22 января 1676 г., удалось уже третьему воеводе взять монастырь приступом. Главнейшие мятежники были повешены.

Другим очагом сопротивления церковной реформе стал Пустозерский острог в Архангельской губернии, куда тотчас после собора 1667 года были сосланы знаменитые защитники древнерусского благочестия протопоп Аввакум, священник Лазарь, диакон Благовещенского собора в Москве Феодор и инок Епифаний, а также протопоп Никифор, который вскоре умер. Все они были заточены в земляные тюрьмы.

Еще до ссылки и во время ссылки в Пустоозерск Лазарь, Аввакум и Епифаний писали царю челобитные, надеясь убе-

дить государя вернуться к старой вере. За это после ряда уговоров, они были подвергнуты, за исключением Аввакума, особой казни: им вырезали языки и отсекли, кому по кисть, кому по ладонь правые руки, чтобы они не могли ни говорить, ни писать в обличение своих гонителей. Когда же их языки чудесным образом исцелились, и они заговорили, их вырезали вторично.

Более четырнадцать лет пустозерские узники пробыли безвыходно в мучительном заточении – в сырой яме, но никто из них не поколебался в правоте своей веры. Отсюда они рассылали грамоты, послания, увещания к своей единой верной братии (а таковой была вся тогдашняя сермяжная Русь) с призывами хранить целой и неизменной древнеотеческую православную веру, стоять в ней до смерти.

«Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, – пишет Аввакум в своем «Житие» – еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить... волею зовет Христос, а не приказал апостолам непокоряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокарающихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел... Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассу-ж-

дай много! А я с тобою за сие о Христе умерети готов. Аще я и не смыслюя гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком!».

Еще одним апологетом Пустозерского сидения был дьякон Федор, который, как и Аввакум оставил свое старообрядческое завещание, так называемое «Ответ Православных», где он писал: «Нигде несть такая правая веры якоже в Московском государстве; аще и быша и еще есть в иных землях вера христианская, но много с ересыми смешашася; а такая уже под солнцем веры чистыя несть, какова в русстей земли». Однако на русское православие времен от Александра Невского до Смутного времени было много нападений. Отпали от истинной веры и другие земли, а теперь, после зловещего 1666 года, «последнее развращение веры наста. Нынешние златоусты, – иронизирует он, – греческие и русские... антихристу путь уготовляют».

Аввакум, Федор и другие идеологи русского старообрядчества резонно отмечали, что если старая вера была плохой, то в этом случае и прежние цари были отступниками от веры, а если они были вполне православны, то тогда нынешний царь стал гонителем истинного христианства. Кроме того, отступниками от веры становили и все русские святые, прославленные до собора 1666-67 гг.

Послания Аввакума и Феодора предназначались для всех

разбросанных по России старообрядцев и, конечно, в первую очередь для их московских групп, где главным центром сторонников старого обряда оставался дом боярыни Морозовой. Сама боярыня после короткого периода немилости в конце 1666 г. снова возвратилась к исполнению своих обязанностей при царице Марии Ильиничне. Ее дом превратился в настоящий небольшой старообрядческий монастырь, во главе которого была некая старица Малания, ставшая после принятия пострига также известной под своим монашеским именем Александры. Сюда стекались и приезжали из других частей страны ведущие приверженцы старой веры, которым удалось остаться на свободе после соборов 1666-1667 гг. Местным идеологом был юродивый Афанасий, принявший иночество под именем Авраамия.

Еще накануне Большого Московского собора 1666-1667 гг. москвичи наблюдали хвостатую комету, которую Никон назвал предвестником больших бед. И в самом деле, сразу после осуждения Никона и старообрядцев на царский дом и Русскую землю обрушились беды.

В 1670-1671 гг. на Дону и в Поволжье запылало восстание Степана Разина, в котором погибло около ста тысяч человек. На Украине опять началась смута. В начале 1668 года в городе Гадячеве была собрана новая рада, на которой гет-

маны Правобережной (Польской) и Левобережной (Московской) Украины Дорошенко и Брюховецкий вместе с войсковой старшиной решили отступить от Москвы, и перейти в подданство турецкого султана, призвать на помощь крымцев и выжить московских воевод из украинских городов. Опять на Украине полилась кровь единоверных братьев. Правда, простые казаки, постолитые крестьяне и мещане стояли за союз с Россией, и новый гетман Иван Самойлович взял сторону Москвы. Это вызвало в 1672 г. вступление турецкого и крымского войска в пределы Украины, а затем начало первой Русско-турецкой войны (1676-1681) за Украину. Только в результате сражений сначала с Польшей, а затем с Турцией Алексею Михайловичу удалось оставить за Москвой мятежную Левобережную Украину.

Грозящая анархия на юге и военная опасность на других рубежах страны – подсказали московскому правительству мысль о необходимости навести порядок внутри самой столицы и показать свою решимость в отношении все еще не смирявшихся церковных мятежников.

Первой жертвой новых репрессий стал апокалипсический проповедник Авраамий (юродивый Афанасий), которого правительство не без оснований считало за главного агента пустозерцев в Москве. Он был сожжен, а вскоре был повешен юродивый Федор, давний друг семьи Аввакума. «И прочих наших на Москве жарили да пекли, – пишет Аввакум в своем «Житие», – Исаию сожгли, и после Авраамия

сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!».

Ужесточалось и содержание пустозерских узников: их поместили каждого в отдельности в закопанные в землю сруб-землянки, выход из которых был забит и засыпан, чтобы узники не могли выходить из них и общаться.

Наступила очередь и боярыни Морозовой. После долгих уговоров, двух родных сестер из славного боярского рода Соковниных – боярыню Феодосию Прокопьевну Морозову и княгиню Евдокию Прокопьевну Урусову по указу царя в 1671 г. вывезли из Москвы и отправили в Боровск, где бросили в мрачное и сырое подземелье, в котором обитали всякие насекомые.

После смерти патриарха Иоасафа II (1667 – 1673) и 10-месячного патриаршества Питирима (1673 – 1674), в июле 1674 г. на патриаршую кафедру взошел Иоаким (1674 – 1690), ярый противник старообрядчества. Он решил окончательно истребить сожжением на кострах приверженцев старой веры. К жестким мерам он подбивал и царя, который, то принимал карательные меры, то отменял их.

При Иоакиме сразу же ужесточилось заключение Морозовой и Урусовой. Их вздергивали на дыбы, кости трещали от жестокой пытки, когда их с вывернутыми назад руками подвешивали к перекладине. Затем клали им на грудь мерз-

лую плаху и подносили связанных к огню, устрашая сожжением. Сестер-исповедниц томили голодом и холодом. Они все выдержали и не отреклись от старой веры. Силы их слабели, жизнь медленно угасала: 11 сентября 1675 г. скончалась княгиня Евдокия Урусова, а через 51 день (под 2 ноября) преставилась и боярыня Феодосия Морозова, успевшая еще до ссылки принять иночество с именем Феодоры. Вместе с ними была замучены Мария Данилова, жена стрелецкого головы Акинфы Данилова и инокиня Иустинья, она была сожжена у боровского подземелья.

Беды пронеслись и по царской семье. 2 марта 1669 г. скончалась нежно любимая супруга царя Марья Ильинична Милославская, которая всегда хлопотала перед супругом за Аввакума и старообрядцев. Алексей Михайлович впал в страшное горе. От нее у царя было 13 детей (5 мальчиков и 8 девочек). Трое детей скончались до смерти супруги. Девочки все были здоровы, как наливные яблочки, но ни одна из них не вышла замуж, самой известной была царевна Софья (1657–1704), а все мальчики были хворы, никто из них не дожил до 30 лет. Не успел царь опомниться от смерти супруги, как через три месяца умер царевич Симеон; затем через несколько месяцев новая тяжкая утрата – умер царевич Алексей, прямой наследник престола, самый умный и добрый из царских

детей.

В эту пору Алексей Михайлович сблизился с Артамоном Матвеевым, впоследствии он был назначен царем дьяком Посольского приказа, на место ушедшего в монастырь Ордин-Нащокина. Матвеев отличался европейским складом жизни. У него в доме было много картин, зеркал, мебели, книг на европейских языках. Его жена, Авдотья Григорьевна, взятая им из Немецкой слободы, была родом из Шотландии и приняла это имя при переходе в православие. После этого Матвеев, сохраняя вполне русское благочестие и добрые нравы, был уже открытым сторонником европейских порядков жизни.

В доме Матвеева воспитывалась дочь небогатого помещика Кирилла Полуектовича Нарышкина Наталья. Она была охочей до учебы и сызмальства освоилась с новыми порядками жизни. В 1670 г. овдовевший царь как-то навестил дом Матвеева, где увидел Наталью Кирилловну, которая была уже в возрасте невесты. Сильно приглянулась она государю, и уже 22 января 1671 г. совершилось бракосочетание Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной. А 30 мая 1672 года на Москве явился на свет «новый» Божий человек – родился царевич Петр.

В 1673 г. на 47 году жизни умер друг юности Алексея Михайловича – Федор Ртищев, истинно православный человек, много раз удерживающей его от необдуманных поступков. А царь все больше подпадал под влияние Артамона Матвеева,

завел свой театр в селе Коломенском, где актеры часто лицедействовали на западный манер.

Добродушие и мягкость Алексея Михайловича не мешали ему иметь такое же высокое понятие о царской власти, какое имел Иоанн Грозный. Но, не смотря на свою вспыльчивость, он не был сторонником репрессий, и, прежде чем принять решение о казни, или опале, всегда ждал раскаянья своих противников и не держал на них зла. Царь не держал зла и на Никона. По его воле положение узника в Ферапонтовом монастыре не было обременительным: ему позволено было иметь свою церковь, богослужения в которой совершали священноиноки патриаршего рукоположения, добровольно последовавшие за ним в заточение.

В монастыре Никон много трудился физически, он расчищал лесные участки, разрабатывал поле для посевов хлебов и овса. Толпы народа стекались к нему за благословением. Алексей Михайлович присылал опальному инокку подарки, они обменивались грамотами.

Однако Никон, по-прежнему считая себя незаслуженно низведенным с патриаршей кафедры, никак не хотел допустить мысли о том, что собор мог лишить его сана, и постоянно употреблял патриарший титул, вырезал его на крестах, которые ставились около монастыря по дорогам; вырезал его на стульях своей работы. На Никона делали доносы, будто он хочет бежать из монастыря и вернуть себе свой сан с помощью черни; а во время Разинского восстания доносили,

будто он был в сношениях с мятежниками; но дознание не подтвердило доноса.

Никон под старость заметно слабел и телом, и умом. Всякие мелочи и дразги гневили его; он постоянно вздорил с монахами, особенно не ладил с иноками соседнего Кирилловского монастыря, беспрестанно докучал царю жалобами, иногда даже нелепыми, жаловался, между прочим, на кирилловского архимандрита за то, что он насылает ему в келью чертей.

Во время заточения Никона в Ферапонтовом монастыре умер царь Алексей Михайлович, далеко не дожив до старости: ему было всего 47 лет, когда его постигла смерть. Чрезмерная тучность ускорила ее, в январе 1676 г. почувствовав упадок сил, царь благословил сына Федора на царство, а малолетнего царевича Петра поручил его деду Кириллу Нарышкину и еще нескольким боярам.

29 января, в 9 часов вечера раздался протяжный, унылый звон колокола в Успенском соборе, и народ узнал о кончине своего «тишайшего» государя.

Узнав о смерти монарха, Никон прослезился и сказал: «Воля Господня да будет... Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: Бог да простит покойного».

Большую семью оставил после своей кончины царь Алексей Михайлович: от первой жены двух сыновей (Федора и Ивана) и шесть дочерей, и от второй супруги сына (Петра) и двух дочерей. На престол вступил его старший сын Федор, которому в ту пору было всего 14 лет. Он был образованным, добрым, но болезненным отроком. Понятно, что малолетний царь нуждался в опеке. Его наставником стал Симеон Полоцкий, белорусский монах, известный своею ученостью, который обучил Федора польскому и латинскому языкам. При дворе приобрели силу боярин Хитрово и Милославские. Это привело к падению Артамона Матвеева. Он был удален от двора и сослан в Пустозерск вместе с сыном. Вслед за ним были отправлены в ссылку по ложным обвинениям двое Нарышкиных, братья царицы, а сама она с сыном Петром удалась в село Преображенское.

Когда царь Федор вошел в лета, он проявил большие способности в управлении государством. За его короткое царствование окончательно был решен вопрос о вхождении в состав России Восточной Малороссии и Запорожья. А главное он уничтожил местничество. Под местничеством в России понимался обычай московских бояр кичиться родовитостью и занимать в соответствии со службою предков места в военной и гражданской иерархии, в придворных церемо-

ниях и за царским столом. Московские цари во благо государства боролись с этим явлением. Уже во времена Грозного объявление службы без «мест» встречается все чаще и чаще. В последние годы царствования Алексея Михайловича это вошло в обычай. Теперь оставалось только раз и навсегда обратить обычай в закон. В 1682 году на заседании Боярской думы было решено уничтожить местничество. Разрядные книги, куда записывались все распоряжения правительства по военной и гражданской службе, были сожжены, а для памяти потомства знатные фамилии были записаны в особые родословные книги.

В начале царствования Феодора Алексеевича положение Никона ухудшилось. Это было связано с тем, что в опалу попал его доброжелатель Артамон Матвеев. Его перевели в Кириллов монастырь, где над ним установили более строгий надзор. Страдая от угара в дымных кельях, теряя остатки здоровья, старец едва не скончался от «невыразимого томления», помышляя лишь о вечности, оставив мирские попечения и житейскую суету. Однако мудрая тетка царя, царица Татьяна Михайловна, всегда относившаяся к Никону с большой любовью, убедила нового государя поставить перед Московским собором 1681 г. вопрос о дозволении старцу вернуться в Воскресенскую обитель, братия которой подала челобитную с мольбой о судьбе ссыльного первосвященника. Патриарх Иоаким долго не соглашался, но весть о принятии Никоном схимы и его плачевном телесном состоянии

решила дело: благословение на возвращение было дано.

День своего освобождения Никон предугадал заранее по тайному благодатному предчувствию. К всеобщему изумлению он вдруг велел своей келейной братии собраться и отдал распоряжение готовиться в путь. Путь этот, ставший его последним земным странствием, послужил одновременно дорогой его духовного торжества. Весь водный путь по рекам Шексне и Волге до города Ярославля народ с почестями встречал бывшего патриарха. В сретение старцу выходили насельники окрестных монастырей, стекавшиеся местные жители благоговейно просили архипастырского благословения. Но силы уже окончательно оставляли его, и 17 августа 1681 года в Ярославле, в обители Всемилоственного Спаса Никон мирно почил в кругу своих верных сподвижников и духовных чад. В день смерти ему исполнилось 76 лет 2 месяца и 24 дня, из коих низложенный патриарх Никон пробыл в ссылке 15 лет.

Царь велел перевести тело усопшего в Воскресенский монастырь. Патриарх Иоаким не пожелал приехать на погребение Никона, и погребальный обряд совершил новгородский митрополит Корнилий, причем Никона, по желанию царя, отпевали, как патриарха. После того царь написал Вселенским патриархам, чтобы они разрешили поминать его патриархом. Положительный ответ был получен уже после смерти царя, и Русская церковь так и поминает его сейчас.

Главным церковным вопросом в царствование Федора Алексеевича был Раскол. Царь хотел облегчить участь старообрядцев, но жестокосердие патриарха Иоакима не позволило ему это сделать. А Раскол тем временем быстро разрастался. Приверженцы старой веры убеждали в своей правоте народ и увлекали его за собой. Скрываясь от преследований, старообрядцы устраивали тайные скиты в лесах внутренних русских областей: костромской, брянской, керженской и др. Северное Поморье тоже сделалось приютом приверженцев старой веры; отсюда оно распространилось по Новгородской и Псковской областям. На юге Раскол распространился среди донских казаков, а на севере – в отдаленной Сибири.

Московский собор 1681 г. постановил усилить розыски раскольников, как их именovala официальная церковь, и придавать их сожжению на костре. Он также запретил продажу их сочинений и старых книг, учредил строгий надзор над домовыми церквями, молельнями, скитами и часовнями, где часто староверы совершали свои богослужения. Сила была, конечно, у правительства, но победить Раскол силой было невозможно, необходимо было духовное оружие, а его-то власти и недоставало. Вскоре после собора наступила развязка в судьбе пустозерских узников: Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания.

За 14 лет заключения в Пустозерском остроге Аввакум написал около 70 произведений и множество писем. Он, то обращался к властям с увещанием вернуться к старой вере, то писал к своим единомышленникам, ободряя их, возбуждая их фанатизм, призывая к страданиям за истинную веру. Аввакум обратился к царю Федору Алексеевичу с дерзкой челобитной, в которой устрашал сына загробными муками отца за потворство никонианам. Наконец, по его наущению в день Праздника Крещения 1682 г. московские старообрядцы ворвались в Архангельский собор в Кремле и вымазали дегтем надгробие царя Алексея Михайловича. Это было последней каплей. По настоянию патриарха Иоакима царь согласился предать пустозерских страдальцев сожжению в срубе.

Казнь последовала в пятницу – в день страстей Христовых, 14 апреля 1682 г. Всех их вывели на площадь, где был приготовлен сруб. Играло ясное весеннее солнце, точно приветствуя этих выходцев из ямы, в которой они так долго томилась. Более четырнадцати лет не видели они света Божия, ни неба, ни других красот природы. Бодро и радостно вошли они в сруб. Толпа людей, сняв шапки, молчаливо окружила место казни. Подожгли дрова, и сруб запылал. Протопоп Аввакум успел еще обратиться к народу с прощальным словом. Подняв высоко сложенную в двуперстие руку, он завещал: «Вот будете этим крестом молиться, вовеки не погибнете». Когда мученики сгорели, народ бросился собирать на память

их кости, чтобы разнести потом по всей русской земле.

Сжигание пустоозерских сидельцев как вида казни был выбран не случайно. Оно преследовало цель пресечения почитания их могил и останков. Но со временем на месте сожжения появился крест, называемый Аввакумовым, и власти его не посмели тронуть.

Аввакум предсказал, что царь умрет через две недели после казни старообрядцев. Так оно и получилось. 27 апреля 1682 г. хилый и болезненный с малых лет царь Федор Алексеевич скончался.

Но проблема Раскола осталась. Остро стояла она и в правление царевны Софьи (1682 – 1689). Патриархом при ней оставался Иоаким, человек крутой и жесткий, яро ненавидевший старую веру и ее последователей. Он не ограничился преследованием только живых исповедников древней святой веры. Так, он вычеркнул из лика святых княгиню Анну Кашинскую, скончавшуюся за триста лет до Раскола, запретил службу ей и самые мощи ее скрыл под спудом только потому, что руки святой были сложены в двуперстие. Запретил он и службу преп. Евфросина Псковского, потому что в ней, как и в его житии, удостоверялось древность сугубой аллилуйи.

Последней попыткой старообрядцев овладеть церковью стали стрелецкие восстания 1682 года. Первое восстание бы-

ло в мае 1682 г. Оно закончилось казнью некоторых, ненавистных стрельцам, бояр и воцарением на русском престоле Петра и Ивана при регентстве царевны Софьи. Второй стрелецкий бунт, получивший название «хованщины» был в июле 1682 года.

«Хованщина» была самым лучшим временем для восстановления старой веры. Начальником стрельцов был князь Иван Андреевич Хованский, тайный приверженец старообрядцев. Бунт поддержали не только стрельцы, но и многие посадские. Его целью было не только восстановление старой веры, но отмщение за соловецкую осаду и сожжение Аввакума, Лазаря и других вождей старообрядцев в Пустозерске.

Сторонники старой веры, опираясь на стрельцов, затеяли спор о вере. Это произошло 5 июля 1682 г. в Грановитой палате Кремля. Нововведения защищали патриарх Иоаким, ряд епископов и духовенства. На стороне старообрядцев был поп Никита Добрынин, прозванный Пустосвятом, инок Савватий Соловецкий, о. Сергей, Савва Романов и другие в сопровождении охраны и выборных от стрельцов и посада. При споре как посредники присутствовала царевна Софья, другие царские особы и знатные бояре. Упорство и страстность староверов произвели более сильное впечатление на присутствующих, чем богословская аргументация епископов и психологически победа склонялась в их пользу. Чтобы не дать староверам возможности воспользоваться начальным успехом и этим подорвать авторитет церковных и госу-

дарственных властей, Софья прервала прения и пригрозила, что в случае дальнейшего проявления неуважения к иерархии и власти она с царями уедет из Москвы.

Староверы покинули Грановитую палату торжествующими. Современники писали: «Победихом, победихом», – кричали они и поднимали руки, – «Тако слагайте персты, веруйте люди по-нашему. Тако веруйте. Мы всех архиереев перепрахом и пострамиша. Нам-де государи приказали по-старому креститься». Они пели церковные песнопения и благодарили Бога за победу.

Но их торжество продолжалось не долго. Следующий соборный диспут был назначен на 7 июля. Однако он не состоялся, так как Софья решил устранить сторонников старой веры силой и подкупом. За ней стояли дворяне – хребет московского государства – и регулярные полки. Часть стрельцов заколебалась после того как выборным от стрельцов и их начальникам было выплачено годовое жалование, а некоторые получили повышение в чинах. А когда остальным стрельцам были жалованы винные царские погреба, все московское стрелецкое войско в течение трех дней отошло от мятежа.

В это время вожди раскола из духовенства были схвачены верными власти частями. Рано на рассвете 11 июля на Красной площади Никита Добрынин был обезглавлен, а другие отцы были сосланы.

Хованский побоялся защитить своих единоверцев. Он да-

же через несколько дней после казни Никиты женился на вдове дьяка Лариона Иванова. Между стрельцами и холопами началась рознь. Софья тем временем со всем двором уехала из Москвы и этим поставила себя и правительство вне пределов досягаемости стрельцов и московской черни.

Затем вызванный к Софье под предлогом обсуждения вопроса церемониала князь Хованский был схвачен, обвинен в злоупотреблениях и превышении власти и казнен 17 сентября. Вместе с ним казнили еще несколько стрелецких выборных. Оставшиеся без военных и духовных вождей стрельцы очень быстро присмирели. Не выступив ни в защиту старообрядцев, ни на помощь Хованскому, они пропустили последнюю возможность захватить власть, восстановить старую веру и усилить свое влияние в Москве.

Давая оценку «хованщины» А.А. Безгодов в календаре Древлеправосланой Поморской Церкви на 2002 год писал: «Хованский со своими мечтами о старой Вере так же был одинок при дворе, как и десять лет до этого боярыня Морозова и княгиня Урусова. Сами старообрядцы, мало интересовались вопросами политики, были совершенно не подготовлены к борьбе за власть, многие считали «борьбы за Веру» неприемлемой для истинных христиан».¹⁷

На этом прямые политические следствия Раскола заканчиваются, хотя раскольничьи смуты долго еще вспыхивали то тут, то там – по всем необъятным просторам русской земли. Раскол перестал быть фактором политической жизни

ни страны, но как душевная незаживающая рана он наложил свой отпечаток на все дальнейшее течение русской жизни.

Смысл Раскола с точки зрения русского самосознания

В попытках осмысления духовной составляющей России XVII века обратимся к книге митрополита Иоанна Снычева «Самодержавие духа». В главе «Раскол как явление русского сознания» он пишет: «Как явление русского самосознания, Раскол может быть осмыслен и понят лишь в рамках православного мировоззрения, церковного взгляда на историю России.

Уровень благочестия русской жизни XVII века был чрезвычайно высок даже в ее бытовой повседневности. «Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и бесперывного стояния, – свидетельствует православный монах Павел Алеппский, посетивший в это время Москву в свите Антиохийского патриарха Макария. – Душа у нас расставалась с телом оттого, сколь длительны у них и обедни и другие службы... Что за крепость в их телах, и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются... Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях», – удивлялся Павел россиянам.

Слова его, конечно, не следует воспринимать буквально. Да и длительное стояние в церкви само по себе еще ни о чем не говорит. Однако всякий, имеющий внутренний молитвен-

ный опыт, знает по себе, сколь невыносимо тягостно пребывание в храме «по обязанности» и как незаметно летит время, когда Господь посещает наше сердце духом ревностной, пламенной молитвы, совокупающей воедино все силы человеческого естества «миром Божиим, превосходящим всякое разумение» (Флп. 4:7).

Помня об этом, мы по-новому оценим и ту приверженность обряду, то благоговение перед богослужебной формой, которые, несомненно, сыграли в Расколе свою роль. Говоря «умрем за единый аз» (то есть за одну букву), ревнители обрядов свидетельствовали о высочайшем уровне народного благочестия, самим опытом связанного со священной обрядовой формой.

Только полное религиозное невежество позволяет толковать эту приверженность богослужебной форме как «отсталость», «неграмотность» и «неразвитость» русских людей XVII века. Да, часть из них ударилась в крайность, что и стало поводом для Раскола. Но в основе своей это глубокое религиозное чувство было здоровым и сильным. Доказательством служит тот факт, что, отвергнув крайности Раскола, Православная Россия доселе сохранила благоговейное почтение к древним церковным традициям.

В каком-то смысле именно «избыток благочестия» и «ревность не по разуму» можно назвать среди настоящих причин Раскола, открывающих нам его истинный религиозный смысл. Общество расколосось в зависимости от тех отве-

тов, которые давались на волновавшие всех, всем понятные в своей судьбоносной важности вопросы:

– Соответствует ли Россия ее высокому служению избранницы Божией?

– Достоин ли несет народ русский «иго и бремя» своего религиозно-нравственного послушания, своего христианского долга?

– Что надо делать, как устроить дальнейшую жизнь общества, дабы обезопасить освященное Церковными Таинствами устроение жизни от разлагающего, богоборческого влияния суетного мира, западных лжеучений и доморощенных соглашателей?». ¹⁸

Разночтение в обрядах было лишь внешним проявлением Раскола. Его суть в разной трактовке взглядов на бытие России. Об этом говорили многие мыслители прошлого. Так, Николай Бердяев в своей работе «Русская идея» следующим образом оценивал сущность Раскола:

«Ошибочно думать, как это часто раньше утверждали, что религиозный раскол XVII в. произошел из-за мелочных вопросов обрядоведения, из-за единогласия и многогласия, из-за двуперстия и пр. Бесспорно, немалую роль в нашем расколе играл низкий уровень образования, русский обскурантизм... Обскурантское обрядоведение было одним из полюсов русской религиозной жизни, но на другом полюсе было искание Божьей правды, странничество, эсхатологическая устремленность. И в расколе сказалось и то и другое. Те-

ма раскола была темой историософической, связанной с русским мессианским призванием, темой о царстве. В основу раскола легло сомнение в том, что русское царство, Третий Рим, есть истинное православное царство. Раскольники почували измену в церкви и государстве, они перестали верить в святость иерархической власти в русском царстве. Сознание богооставленности царства было главным движущим мотивом раскола... Раскол был уходом из истории, потому что историей овладел князь этого мира, антихрист, проникший на вершины церкви и государства. Православное царство уходит под землю. Истинное царство есть Град Китеж, находящийся под озером. Левое крыло раскола, наиболее интересное, принимает резко апокалиптическую окраску... Раскольники провозгласили гибель московского православного царства и наступление царства антихриста. Аввакум видит в царе Алексее Михайловиче слугу антихриста. Когда Никон сказал: «Я русский, но вера моя греческая», – он нанес страшный удар идее Москвы, как Третьего Рима. Греческая вера представлялась не православной верой, только русская вера – православная, истинная вера. Истинная вера связана с истинным царством. Истинным царством должно было бы быть русское Царство, но этого истинного царства больше нет на поверхности земли. С 1666 г. началось в России царство антихриста. Истинное царство нужно искать в пространстве под землей, во времени – искать в грядущем, окрашенном апокалиптически. Раскол внушал русскому народу

ожидание антихриста, и он будет видеть явление антихриста и в Петре Великом, и в Наполеоне, и во многих других образах. Образовались раскольничьи скиты в лесах. Бежали в леса, горы и пустыни от царства антихриста... Раскол подорвал силы русской церкви, умалил авторитет иерархии и сделал возможной и объяснимой церковную реформу Петра. Но в расколе было два элемента – религиозный и революционный. Значение левого крыла раскола – беспоповства – в том, что он сделал русскую мысль свободной и дерзновенной, отрешенной и обращенной к концу. И обнаружилось необыкновенное свойство русского народа – выносливость к страданию, устремленность к потустороннему, к конечному». ¹⁹

Уже в середине XVII века перед Россией встала дилемма, по какому пути развития идти? Перед страной явно проступало три пути развития.

Один из них, который был сформулирован еще в начале XVI века старцем Филофеем, это идея Москвы, как Третьего Рима, именно его придерживались старообрядцы (староверы), движение которых вылилось в защиту «древнего благочестия».

Николай Бердяев так излагает идею Москвы, как Третьего Рима: «После народа еврейского русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, она проходит через всю рус-

скую историю вплоть до коммунизма. Для истории русского мессианского сознания очень большое значение имеет историко-философская идея инока Филофея о Москве, как Третьем Риме. После падения православного византийского царства Московское царство осталось единственным православным царством. Русский царь, говорит инок Филофей, «един-то во всей поднебесной христианский царь». «Престол вселенский и апостольский церкви имел представительницей церковь Пресв. Богородицы в богоносном граде Москве, просиявшую вместо Римской и Константинопольской, иже едина во всей вселенной паче солнца светится». Люди Московского царства считали себя избранным народом... Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. «Русские» определяются «православием». Россия единственное православное царство и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. На этой почве происходила острая национализация православной церкви. Православие оказалось русской верой. В духовных стихах Русь – вселенная, русский царь – царь над царями, Иерусалим та же Русь, Русь там, где истина веры». ²⁰

Об идее русского мессианства, которую в первую очередь поддерживали старообрядцы, говорил крупный славист, специалист по истории духовной культуры России С.А. Зеньковский в своей работе «Русское старообрядчество». «Все царства сойдутся в Руси» – это выражение можно понимать

или как указание на объединение всех православных русских земель в одну нацию, или же, как надежду на то, что все христианские народы составят вместе с Россией одно единое царство после того, как она превратится в единое царство Божие, царство Святого Духа. Пока же Русь должна только хранить чистое православие. Ее исторические задачи и обязанности в отношении православия и всего христианства, во всяком случае, определились, как охранно-консервативные, а не миссионерски-экспансионные. Более того, новая доктрина возлагала на Россию не новые права, а новые обязанности. Эти обязанности были четко определены: сохранение русским народом истинной православной веры до грядущего конца мира и сохранение самого русского народа в чистоте и святости православного учения». ²¹

Старообрядцы после Никоновской реформы выступили защитниками идеи Москвы – Третьего Рима, сторонниками сохранения самобытности России и Русской Православной Церкви, или «древнего благочестия», как они говорили. Ведь Русь, по их мнению, уже сподобилась Божией благодати и превосходит весь мир своим благочестием. Как считали старообрядцы, весь христианский мир, «исказивший» свою веру под гнетом мусульман, как греки, или владычеством римского папы, должны обращаться к России как к образцу православного благочестия. Так, Никита Пустосвят утверждал, что «в Российском государстве-царстве исстари самая истинная православная вера» и что она уже давно «благодата»

ти Божия сподоблена бысть». А в Челобитной царям Ивану и Петру Алексеевичам инока Сергия (1682 г.) утверждается: «Великое же Российское царство, Третий Рим, благочестием всех превзыде и все благочестие в него воедино собрася. И един российский под небесем христианский царь именуется во всей вселенной».

Свою правоту старообрядцы обосновывали, в том числе, и решениями Стоглавого собора 1551 года, закрепившими самобытные правила Русской Православной Церкви (например, двуперстное сложение при крестном знамении было запрещено менять под страхом анафемы). Формой выражения борьбы с изменением общего духовно-политического курса страны стала борьба за сохранение древней обрядности.

Церковная реформа, по мнению старообрядцев, меняла не только обряды, она изменяла тем важнейшим религиозно-философским установкам, которым служила Россия последние полтора века. Никоновская реформа и поддержка ее царем Алексеем Михайловичем показали защитникам «древнего благочестия» крахом, катастрофой, полной гибелью «Третьего Рима», уже воссиявшего на просторах Московского государства. И самое страшное для них было даже не в том, что «древнему благочестию» изменил патриарх. Самое страшное было в том, что измена исходила от царя – единственного истинного православного царя во всей Вселенной. А это значит, что Божий мир, которым правил русский царь, рушился на глазах. Для них была дика даже

мысль, о проклятии церковными иерархами тех, кто соблюдал старые обряды, в том числе двуперстое знамение. По их мнению, под проклятие попадали и все предки русского народа, в том числе Сергей Радонежский, Александр Невский и Креститель Руси – князь Владимир.

В эсхатологической доктрине раннего старообрядчества центральным был вопрос о том, как смотреть на переживаемое время, и он сводился к учению о времени пришествия в мир антихриста. Открытый спор об антихристе шел в среде староверов с самого начала. Еще до реформы, в 1648 году, в Москве появилась «Книга о вере», которая пророчила наступление «последних времен»: предтеча антихриста – папа римский, а явление самого антихриста связывали с 1666 годом (напомним, что 666 – это «число зверя» в Откровении Иоанна Богослова). Апокалиптические настроения еще более усилились, когда именно в 1666 – 1667 гг. на церковном соборе были осуждены и лишены духовного звания протопоп Аввакум и его сторонники.

В этой сложной и грозовой духовной атмосфере в старообрядческой среде рождаются несколько толкований учения об антихристе. Некоторые считают, что антихрист уже явился в мир, и угадывают его в патриархе Никоне, и даже в самом царе. Другие были более осторожны и называли патриарха и царя лишь его предтечами. И к концу века утверждается учение о «мысленном», или духовном, антихристе – уже пришедший антихрист властвует на земле, но невидимо, в

образе самой никонианской церкви. В 1694 году учение о приходе мысленного антихриста было провозглашено в качестве догмата на старообрядческом соборе в Новгороде.

Признание прихода антихриста, ожидание скорого конца света стали главными причинами «убегания» старообрядцев в далекие края, на край света. Они «убегали» не просто от власти, а от «антихристовой» власти, не из Московского государства, а из царства антихриста.

Другой путь развития России во всемирно-историческом процессе был связан с ориентацией на греческое православие, почитавшееся во всем православном мире как вселенское (стоит напомнить, что Константинопольский патриарх почитался первым среди других православных патриархов).

Именно этого пути придерживался Никон, сформулировав свою позицию, как патриарх словами: «Я русский, сын русского, но вера моя греческая». Сторонников этого пути стали именовать «грекофилами». Они считали, что хватит Руси идти особняком от других народов, надо возвращать Русскую Церковь на путь вселенского православия.

«Грекофилы» хотели перенести на Русь опыт современной греческой догматики и, соответственно, принципы схоластико-догматического мышления. Инициаторам такого перенесения казалось, что этот опыт, неизмеримо более глу-

бокий, древний и распространенный в православном мире, нежели собственно российский. Он позволит поднять русское православие на новую высоту, расширить его богословскую базу и все это, соответственно, усилит влияние русского православия, Русской Церкви и Российского государства среди других православных народов, позволит России принять на себя обязанности Вселенского православного царства. Именно эта идея – созидание на основе России Вселенского православного царства – была ведущей в «грекофильской» среде. В этом и был главный смысл никоновской церковной реформы.

«Грекофильство», по сути дела, разрывало с той традицией, которая считала Россию «Третьим Римом», ибо сама идея «Третьего Рима» изолировала Россию от других православных стран, концентрировала внимание на уже сложившемся прочтении православного учения, почитая все остальные прочтения неистинными. С точки зрения Греческой Церкви, это было серьезным заблуждением. Только в том случае, если Русская Церковь исправит свои ошибки, она сможет исполнять роль «Нового Израиля», «богоизбранной невесты», как называл идейный лидер «грекофильства» Епифаний Славинецкий Русскую Церковь в одном из своих сочинений, а Российское государство сможет стать оплотом и защитницей вселенского православия.

В середине столетия именно «грекофильство» стало идейным обоснованием проведения церковной реформы, ибо все

«грекофилы» считали, что Русская Православная Церковь слишком отдалилась от истинного – греческого – православия. Во второй половине XVII века «грекофильство» – это уже самое влиятельное течение, ставшее позицией официальной церкви и поддерживаемое царской властью. Особым влиянием оно стало пользоваться во времена патриарха Иоакима (1672–1690). Страстный борец за веру, Иоаким жестко противостоял и «латинству», и старообрядчеству. Именно в его правление были осуждены и подвергнуты наиболее жестоким репрессиям и сторонники «латинствующих», и старообрядцы. Среди ведущих «грекофилов» XVII века можно выделить Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, Афанасия Холмогорского, митрополита Тобольского Игнатия. Немалое число составляли и греки, приехавшие в Россию по приглашению властей, – Арсений Грек, братья Иоанникий и Софроний Лихуды и др.

Пока на Руси никониане и старообрядцы вели между собой непримиримую борьбу, на Русской земле появился и закрепился третий путь исторической перспективы. Он был совершенно новым для русской религиозно-философской мысли. Заключался он в ориентации на западноевропейский опыт, прежде всего, на опыт рационалистического мышления, привнесение в русскую жизнь элементов светской куль-

туры и образования. Как представлялось сторонникам этого направления, традиционная русская духовная жизнь, замкнувшаяся в узких национальных рамках, уже исчерпала себя в решении не только богословских, но и важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому требовался новый, рационально-критический взгляд на Священное Писание, на историю, на вероучительные проблемы, на судьбу самого Российского государства. Сторонников западного пути развития «грекофилы» называли «латинствующими». Наиболее крупными мыслителями «латинствующего» направления были Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

«Латинство» проникало к нам из соседней Литвы и Польши, через иностранных купцов, врачей и военных наемников. Под Москвой была упомянута выше Немецкая слобода. Как уже говорилось, в XVI веке иноземцев решено было выселить за пределы Москвы – «за село Елохово, за ручей Кукуй». Там и возникла первая, Старая Заяузская Немецкая слобода. «Немцы», так называли всех иностранцев, занимались ремеслами, мукомольным делом, торговали вином и пивом. В Немецкой слободе часто бывали русские дворяне и бояре, перенимали западные обычаи и даже брали себе жен из Немецкой слободы (Артамон Матвеев). Петр Алексеевич тоже частенько бывал в Немецкой слободе. Общительный и любознательный, он многому научился у слобожан, в том числе и языкам: голландскому и немецкому. Там же и познакомился с Анной Монс, первой красавицей Немец-

кой слободы, дочерью винооторговца. Он был влюблен в нее десять лет и даже хотел сделать Монс русской царицей. Ее воспитали в иной вере и в иной культуре, и она была равнодушна к России. Красавица восхищалась Западом и «заразила» этой страстью Петра. Да так, что Немецкая слобода стала своеобразной моделью будущей России для царя-преобразователя, а Анна Монс – идеалом женщины.

И уже при дворах царя Алексея Михайловича и его детей Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны «латинство» приобрело значительное влияние, они довольно благосклонно относились к западным новшествам. И ведь не случайно, одними из лучших друзей Алексея Михайловича был Артамон Матвеев, а воспитанником Федора Алексеевича – Симеон Полоцкий. Важен был и тот факт, что «латинствующие» всегда выступали на стороне царской власти и в ее защиту, что проявилось во время споров между царем Алексеем Михайловичем с патриархом Никоном о правах «царства» и «священства».

Однако уже в 80-е годы XVII века ситуация изменилась, и «латинствующие» были осуждены на соборе 1690 года. Впрочем, идеи, которые посеяли «латинствующие» на русской почве не пропали даром. Уже вскоре, во времена царя Петра Алексеевича, они дали самые бурные всходы.

Безусловно, Петр I по обрядности и идеологии был православным царем, но по образу жизни уже совсем не походил на своего отца Алексея Михайловича и брата по отцу Федора

Алексеевича, последнего царя православного уклада жизни.

Петр I, или Петр Великий, как его именовала российская историческая наука, за свое царствование выполнил ряд блестящих задач: во-первых, он создал регулярную армию и флот, завоевал выход в Балтийское море; во-вторых, развил отечественную промышленность и через Балтийское море начал мировую торговлю, основал Санкт-Петербург – «окно в Европу»; в-третьих, он усовершенствовал государственный аппарат и дал импульс развитию светской культуры.

Проводя в целом проевропейскую политику, Петр I не дал России отстать от европейских стран, Россия по промышленному и военному развитию почти вышла на уровень Европы, что означало создание ее политической безопасности. Но были и потери на этом пути. Увлечшись строительством Руси Великой, Петр I отступил от идеалов Руси Святой. Прорубив «окно в Европу», он впустил с Запада в Россию антирелигиозные идеи европейского бытия, в результате чего гуманистическая культура Запада начала теснить духовную культуру русского мира. Внешне это выразилось в упразднении Патриаршества (1700 г.) и во включении Церкви в состав государственного аппарата (Священный Синод, как 10-я коллегия государственного управления, с 1721 г.), а также в изменении быта и нравов русского дворянства (подражание западной культуре). Идее «Вселенского православного царства» была противопоставлена идея светской империи, взамен теории вселенской религиозной миссии России (идея

«Третьего Рима») на государственном уровне принималась теория «общего дела».

Именно начиная с Петра третий путь развития России вышел на первые рубежи. Не сладко пришлось «грекофилам» и особенно старообрядцам, гонения на которых достигли своего апогея. Недаром они считали Петра «антихристом».

Подводя итог церковного Раскола XVII века, С. Зеньковский в заключительной части своего труда «Русское старообрядчество» пишет: «Теперь судить, конечно, трудно, но надо полагать, что не будь нелепых затеек неистового Никона, русские церковные трудности не приняли бы такого трагического оборота, какой они приняли в результате введения нового обряда. Без знамени защиты древнего православия боголюбцы и капитоны вряд ли пошли бы на открытый разрыв с церковью, и ревнители прошлого не имели бы предлога проявить такой беспримерной преданности «старому закону» и «мучителя не дождавши, полками в огонь не дерзали бы за Христа».

Но знамя защиты русской веры было создано как безрассудностью патриарха Никона, так и упорной поддержкой его нововведений и царем, и правящим классом. Правящий класс, конечно, мало интересовался переменами, введенными в обряд, но зато решительно не хотел уступать «церков-

никам», будь они патриарх и епископы, как это было показано во время суда над Никоном, или «ревнителям благочестия», которые хотели поставить закон Бога над законами и политикой государства. Веяния секуляризационных настроений уже тогда были сильны, и, выходя из эпохи средневековой политики, культуры и технологии, Московская Русь, вернее, ее руководство выходило также и из эпохи средневековой веры и средневековых отношений между церковью и государством. XVII век был вряд ли подходящим веком для возрождения теократических утопий Третьего Рима»²².

Часть II. История старообрядческой Церкви и ее взаимоотношения с Московским патриархатом

Увы, единая до середины XVII века Русская Церковь, отбившаяся от мусульманства и римского владычества, распознавшая прелесть Флорентийской унии и переварившая свои доморожденные ереси, не смогла сохранить единства, впав в церковный Раскол, сохранившийся и до наших дней.

С. Зеньковский писал: «Как каждое большое историческое явление, будь это протестантская реформация или русская революция, так и русский церковный раскол XVII века не был результатом случайных столкновений, неудачных действий нескольких лиц или одного идеологического конфликта. Это уже видно из того, что при царе Алексее Михайловиче от русской церкви отошло не одно, а несколько разных по идеологии и разнородных по возглавлению и составу движений, которые нам известны под собирательным именем старообрядческого раскола. Конечно, это прежде всего было консервативное поповщинское «подлинно старообрядческое» движение, первыми вождями которого были старые боголюбцы, оставшиеся и после раскола в церкви верны-

ми основным канонам православия. Затем наиболее важным из этих течений являлось весьма отличное от традиционного православия эсхатологическое, с некоторым дуалистическим привкусом беспоповство. Наконец тогда же определились и два менее значительных течения: экзальтированная и мистическая, искавшая своих «Саваофов и Христов среди человек» христовщина, и весьма безразличная к духовным и обрядовым проблемам, почти что грешившая агностицизмом и нигилизмом нетовщина. Уже само наличие этих четырех очень отличных друг от друга оторвавшихся от церкви движений указывает, насколько глубок, сложен и разнообразен по своим корням был русский церковный раскол того времени»²³.

Преследование старообрядцев царской властью и их уход в пустынные места и леса

Ушли из жизни главные действующие лица Раскола, но противоречия между Московской патриархией и старообрядцами не утихали, а гонения на них усиливались. В 1684 г. по настоянию Московского патриарха Иоакима царевна Софья издала против людей древнего благочестия «Двенадцать статей», справедливо получивших в истории название «драконовских». В них последователей древнерусской Церкви, то есть старообрядцев, велено было называть не иначе как «раскольниками», «ворами», противниками Церкви. Тех, кто распространял старую веру, приказано было пытать и жечь в срубе, а пепел развеивать по ветру. А тех, кто тайно будет содержать древнюю веру, нещадно бить кнутом и ссылать в отдаленные места. Приказано бить кнутом и батогами даже тех из верующих людей, которые окажут хотя бы какую-нибудь милость гонимым христианам: дадут им или поесть, или хоть только воды испить. Установлено: бить кнутом и ссылать и тех людей, у которых преследуемые христиане лишь приютились. Всякое имущество староверов – дворы, поместья, вотчины, лавки и другие промыслы, а также заводы – приказано было отбирать и отписывать на «вели-

ких государей», т. е. брать в казну. От этих жестоких гонений спасти древлеправославных христиан могло лишь полное отречение от старой веры.

Эти 12 статей патриарха Иоакима и царевны Софьи безукоснительно предварялись в жизнь. Правительство беспощадно преследовало людей старой веры: повсюду пылали срубы и костры, сжигались сотнями и тысячами невинные жертвы. Староверам за проповедь вырезали языки, за исполнение старых обрядов рубили головы, ломали ребра клещами, закапывали живыми в землю по шею, колесовали, четверговали, выматывали жилы. Тюрмы, ссыльные монастыри, подземелья и другие каторжные места были переполнены страдальцами за старую веру. Духовенство и гражданское правительство с дьявольской жестокостью истребляло своих же родных братьев – русских людей – за их верность заветам и преданиям святой Руси и старой веры. Никому не было пощады: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей.

Великие и многотерпеливые страдальцы – русские староверы – явили миру необычайную силу духа в это ужасное время гонений. Многие из них отступили от истинной веры, разумеется, неискренне, не выдержав жестоких пыток и бесчеловечных мучений. Зато многие пошли на смерть смело, безбоязненно и даже радостно. Бывали случаи, что даже дети шли в пламя огненное бестрепетно и спокойно. Вот один из примеров. Привели однажды к осмоленному срубу на казнь

14 человек мужчин и женщин. Среди них была и девятилетняя девочка, сидевшая в тюрьме вместе со старшими. Всем стало жаль ее, и архиерейские приставы, распорядившиеся казнью, велели задержать ребенка. Сруб уже пылал. Девочка рвалась к своим, не обращая внимания ни на ласки, ни на уговоры окружающих. «Мы возьмем тебя вместо дочери», – утешали ее зрители. Но она все же рвалась к своим, горевшим в срубе. Тогда, желая напугать, державшие и уговаривавшие пустили ее, сказав: «А, ты не слушаешься, ну так ступай в огонь, только смотри, глаза не закрывай». Девочка, перекрестившись три раза, бросилась в огонь и сгорела.

Преследования вызвали уход старообрядцев в пустынные места и леса. Они уходили за непроходимые болота, на «край света». Здесь старообрядцы устраивали себе кое-какие убежища и приюты. Но и там власти их разыскивали, жилища разоряли и сжигали, а самих приводили в города к духовным властям для увещаний и, если они не изменяли своей вере, предавали мучениям и смерти. Через четыре года после узаконения статей Софьи патриарх Иоаким издал новый указ: «Смотреть накрепко, чтобы раскольщики (так он называл старообрядцев) не жили в волостях и лесах, а где объявятся – самих ссылать, пристанища их разорять, имущество продавать, а деньги присылать в Москву».

По подсчетам некоторых историков, реформу Никона и решение Московского Собора 1666-1667 гг. не приняла одна треть православных христиан в Московском государстве. Но

затем в результате гонений число приверженцев старой веры стало резко сокращаться. И те, кто шли на смерть весьма охотно и радостно, скорбели об одном, – что немало христиан, не выдержав чудовищных пыток, отрекалось от святой для них веры и погибали, как они считали, душой. А пытки действительно были чудовищными.

Чтобы спастись от пыток и сохранить свою веру, русские люди вынуждены были сами себя сжигать. «Нет нигде места, – говорили они, – только уход в огонь да в воду». Во многих местах, куда ожидалось гонители, сыщики и мучители, заранее приготавливались срубы для самосожжения или приспособлены были к этому отдельные избы, часовни, церкви, просмоленные и обложенные соломой. Как только получалось известие, что едут сыщики и мучители, народ запирался в приготовленных к сожжению строениях и при появлении гонителей заявлял им: «Оставьте нас или мы сторим». Бывали случаи, что гонители уезжали, и тогда народ избавлялся от самосожжения. Но в большинстве случаев преследуемые старообрядцы самосжигались. Сгорали люди сотнями и тысячами. В этих страшных кострах конца XVII – начала XVIII века погибло более 20 тыс. человек. Многие из них ожидали конца мира, некоторые, надев саваны, ложились заранее в гроб, ожидая архангельской трубы с небес о втором пришествии Христовом.

Церковный Раскол XVII века, за исключением отдельных бунтов и восстания, не вызвал в России религиозной войны, как это было в Западной Европе, после Реформации. Старообрядцы открытому сопротивлению предпочитали самоожжение и бегство в пустынные места и леса. Более двух с половиной столетий гонения на них то ослабевали, то снова усиливались, но никогда не прекращались.

Царь Петр I провозгласил веротерпимость в Российском государстве. Ею широко пользовались в России разные вероисповедания: римокатолическое, протестантское, магометанское, иудейское и языческое. И только одни старообрядцы не получили свободы в родном отечестве.

В 1699 году была введена особая пошлина за ношение бороды и усов (от 30 до 100 руб. в год). В качестве доказательства выплаты выдавалась медная бляшка, которую человек должен был всегда носить на себе. Все мужчины старообрядцы платили в казну огромные деньги, так как считали брандобритие очевидным грехом.

До 1725 г. в России последовательно проводилась политика истребления своего собственного народа по религиозному признаку. Царь Петр дозволил старообрядцам открыто жить в городах и селениях, но обложил их двойным окладом. Так, если последователь Московской патриархии пла-

тил в казну за себя 5 руб., то со старообрядца взыскивали 10 руб. Со старообрядцев взыскивали пошлину и в пользу духовенства Московской патриархии. Брали с них штрафы и за то, что старообрядческие священники совершали духовные требы. Словом, старообрядцы были источником доходов и для правительства, и для духовенства. Они выносили на себе двойные тяготы петровских преобразований. Однако за это они не пользовались в государстве никакими правами: им воспрещалось занимать, какую бы то ни было государственную или общественную должность; не дозволялось быть даже свидетелями на суде против православных, хотя бы последние были привлечены за воровство, убийство или за другие тяжкие преступления.

В 1722 г. для отличия от прочего населения царь повелел носить старообрядцам особую одежду: мужчинам – однорядку с лежащим ожерельем и сермяжный зипун со стоячим клееным козырем красного сукна, а женщинам – шапки с рогами и тоже сермяжный зипун с красным козырем.

Старообрядцы, записавшиеся в двойной оклад, числились записными. Но громадное большинство старообрядцев было незаписным: они жили тайно, скрываясь от властей. Такое состояние было, однако, еще разорительнее, ибо оно было крайне опасным. Их постоянно разыскивали и ссылали на каторгу. Причем разыскивать их были обязаны и сами записные старообрядцы. Правительство заставляло их быть предателями своих родных отцов и матерей, братьев и се-

стер. Чтобы иметь больше поводов преследовать старообрядцев, Петр приказал даже выдумывать ложные дела на них, а духовенство все ожесточеннее, все настойчивее требовало истреблять старообрядцев как врагов церкви и государства, хотя они были самыми верными чадами святой, истинно православной Церкви и самыми преданными сынами своего родного отечества.

В царствование Петра I власти, главным образом духовные, разоряли старообрядческие скиты, монастыри и другие духовные убежища, отбирали у них имущество и всячески преследовали людей старой веры. И неслучайно Петра они считали «царем-антихристом».

Не лучше старообрядческой церкви жилось и при преемниках Петра, хотя гонения смягчились. При императрице Елизавете жестокость против старообрядцев прекращается. Подобная политика проводится и в царствовании Екатерины II. В первые годы ее правления была продекларирована политика религиозной терпимости. В 1773 году издается закон о терпимости всех вероисповеданий, запрещающий православному духовенству вмешиваться в дела других конфессий; светская власть оставляет за собой право решать вопрос об учреждении храмов любой веры. Такая политика ослабила преследования старообрядцев. Началось возвращение старообрядцев из-за границы, как экономически активной части населения. В частности, они селились на специально отведенной для них территории – на Иргизе (совре-

менные Саратовская и Самарская области); им было разрешено иметь своих священников.

С 1782 г. старообрядцы освобождаются от двойного налогообложения, а с 1783 г. последователи старой веры стали официально именоваться старообрядцами (по закону 1745 г. христианам запрещалось даже называть себя староверами).

Однако свобода, данная Екатериной II старообрядцам, тоже ограничивалась гонениями. Правительство рассматривало старообрядцев не только как религиозное, но и как социально-политическое движение. В 1765 г. Сенат постановил, что старообрядцам не разрешается строить храмы, и Екатерина подтвердила это своим указом; были снесены уже построенные храмы. Разгрому в эти годы были подвергнуты не только храмы, но и целый город (Ветка) в Малороссии, который после этого перестал существовать. А в 1772 г. гонениям подверглась секта скопцов в Орловской губернии. И неудивительно, что Екатерина II, наряду с Петром I, считалась среди староверов предтечей антихриста.

Лишь только в царствование императора Павла I старообрядцы вздохнули свободно. 12 марта 1798 года Павел издал указ, разрешающий строительство старообрядческих храмов во всех епархиях Российского государства. В начале XIX века император разрешил принимать в церковное общение старообрядцев, желающих восстановления канонического единства. Так возникла единоверческая церковь. Единоверие стало третьим старообрядческим течением, хотя по-

давляющее большинство старообрядцев отказалось от примирения с официальной Церковью.

При императоре Александре I (1801-1825), в первую половину его царствования, правительство относилось к старообрядцам терпимо, но к концу царствования стало издавать указы, притесняющие духовную жизнь старообрядцев. В 1822 г. им вновь было запрещено строить свои храмы.

Последние крупные гонения на старообрядцев были в царствование императора Николая I (1825-1855). При нем старообрядчество жестоко преследовалось, царь был уверен в том, что в православном государстве должна быть только одна Церковь, поэтому раскол нетерпим, и все раскольники должны быть возвращены в лоно Матери-Церкви.

Так, с 1827 года даже простая покраска часовни должна была осуществляться только по особому разрешению. При нарушении храм могли сломать, а его прихожан арестовать.

Наиболее одиозным актом насилия над старообрядцами стала программа Особого комитета, возглавляемого министром внутренних дел графом Д.Н. Блудовым, официально объявившим, что власти видят в «раскольниках» особое общество, «имеющее потенцию» к антиправительственным действиям, в связи с чем требовалось усилить полицейские меры. Сильнейший удар по Старообрядческой церкви был нанесен в 1832 году, когда прием новых «беглых» священников был полностью запрещен. На старообрядческое священство император Николай I обрушил новые жестокие го-

нения, в результате чего староверы вообще могли остаться без священников, ведь последние «дозволенные» священники вымирали, принятых вновь власти вылавливали. Староверов насильно присоединяли к Синодальной церкви. Опасность по милости Божией была преодолена только после появления в России священников и епископов Белокриницкой иерархии, но Старообрядческая церковь выжила.

Не сумев лишить Церковь священников, власть предприняла попытку уничтожить духовные центры старообрядчества. Были разорены многие скиты. В Нижегородской губернии в уничтожении старообрядческих скитов лично участвовал известный писатель Павел Мельников (Андрей Печерский), и эти события были отражены им на последних страницах романа «На горах». 7 июня 1856 года были запечатаны алтари храмов Рогожского кладбища. Одновременно по всей России было закрыто множество храмов и молелен.

Был предпринят удар и по экономической самостоятельности старообрядчества. С 1853 года старообрядцы смогли записываться в купечество только на временном праве, что не освобождало от рекрутской повинности и ограничивало возможности заниматься торговлей и предпринимательством.

Однако с шестидесятых годов в царствование Александра II начинаются некоторые послабления. В 1863 году купцам-старообрядцам выдаются постоянные свидетельства, а в 1883 году, в царствование императора Александра III, зако-

нодательство по старообрядческому вопросу становится более либеральным. Древлеправославным христианам при соблюдении определенных условий разрешается проводить общественные богослужения и даже строить новые храмы.

После известного Указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года старообрядцы, наконец, были уравнены в правах с остальным населением России. Возрождение Церкви было мощным, стремительным, но не долгим. После октябрьской революции 1917 года старообрядчество подверглось (на этот раз вместе со всеми остальными верующими России) гонениям от безбожной власти. Церковь Христова снова украсилась кровью мучеников.

Главным местом сосредоточения старообрядческих скитов в конце XVII века стала Верхняя Волга и Пошехонье. Особенно славился староверами Нижегородский край (река Кержец, Вязниковские и Чернораменские леса). Вторым местом распространения Древлеправославной церкви стал Новгородский край и Поморье.

Как писал С. Зеньковский, «В Новгородском крае почва для церковного мятежа была очень хорошо подготовлена. Уже в XIV веке здесь начала быстро распространяться ересь стригольников, вслед за которой в конце XV началось дви-

жение жидовствующих. По всей вероятности, традиция этих ересей сохранялась под спудом в дебрях этого края, в котором всегда легко могли укрыться преследуемые в Новгороде и Пскове еретики. Кроме того, на настроения новгородских умов всегда могла действовать близость границы, через которую из Ливонии и Швеции просачивались протестантские идеи и пропаганда»²⁴.

Поморье, расположенное вблизи Пустозерска и Соловецкого монастыря, стало в конце XVII века главным местом распространения староверческой идеологии. «Поморье, да и вообще весь русский Север, – писал С. Зеньковский, – были особо подходящей почвой для распространения «старой веры», так как там до начала следующего XVIII века каждый приход являлся независимой и сильной церковной и административной единицей и выполнял почти все функции местного самоуправления... Здесь в церковной и особенно монашеской жизни сохранялся дух заволжских старцев, которые не любили ни централизации, ни предписаний в духовной жизни и организации своих скитов».²⁵

Сыльные попы и дьяки, в том числе Аввакум, положили начало в Сибири первым гарям и скитам. У С. Зеньковского читаем: «6 января 1679 года друг Аввакума поп Дометиан, принявший иночество под именем Данилы, организовал недалеко от Тюмени на берегах речки Тобола первую сибирскую гарь, в которой он сам сгорел с 300 или даже, су-

дя по другим сведениям, с 1700 своих последователей»²⁶. «К концу семнадцатого века, – пишет он далее, – значительное большинство населения Сибири примкнуло к расколу или, вернее, просто осталось со старым обрядом, предпочитая своих проповедников редким и не всегда слишком ретивым приходским священникам».²⁷

Старообрядческая проповедь имела успех и на юго-восточной окраине России, на Средней и Нижней Волге и особенно на Дону, куда уходили свободолюбивые люди, не ужившиеся с Москвой. Среди донских казаков старая вера особенно закрепилась среди низового казачества, более бедного и гулящего, по сравнению с домовитыми казаками юга Донского войска.

На Дону возникли старообрядческие монастыри и скиты. Как пишет С. Зеньковский: «В 1672 году на притоке Дона, реке Чире, пришедший с севера с десятью единомышленниками, старообрядцами-монахами черный священник Иов Тимофеев основал небольшой монастырь. Эти монахи поддерживали связь с пустозерским «центром». Во второй половине 70-х годов эта старообрядческая обитель насчитывала уже более двухсот иноков и инокинь и была главным центром сопротивления новому обряду на Дону. Другие старообрядческие скиты образовались по северным притокам Дона, рекам Хопру, Медведице, Цимле, Донцу и другим рекам и речкам»²⁸.

Старообрядчество пробралось и на украинские земли. Главным центром его стало так называемое Стародубье. Тот же С. Зеньковский пишет: «Главным районом старообрядческого выселения на юго-запад стал самый северный из «полков» Малой Руси – Стародубский полк, известный позже, в XIX веке, под названием Черниговской губернии и теперь являющийся частью Брянской области. Эмиграция великороссов в эти глухие и малозаселенные районы Украины началась еще до раскола, но после собора 1667 года сюда направились по преимуществу сторонники древлего обряда, искавшие убежища от религиозных преследований в Москве... До старообрядческого бунта 1682 года поселения ревнителей древлего благочестия на Стародубье были еще немногочисленны, но именно этот район, как и Дон, вскоре стал одним из главных мест старообрядческой эмиграции консервативного толка, стремившегося сохранить полный церковный обиход и державшегося священства»²⁹.

Что касается центральных районов России, то здесь старообрядческие общины представляли собой маленькие островки среди принявшего реформу Никона населения. «В районах к югу и юго-западу от Москвы старообрядческие общины являлись только отдельными островами среди оставшихся с церковью масс населения, – пишет С. Зеньковский. – Большинство городов и деревень к югу от Оки были недавнего заселения и здесь преданность старой традиции и старому обряду не была так сильна, как в Заволжье и на Се-

вере. Здесь старообрядцы были большей частью выходцами из Москвы, и их общины образовывали в этой части страны длинную цепочку, которая связывала Москву с их поселениями на польской границе в Стародубье и на Ветке. Главным звеном этой «цепочки» был город Калуга»³⁰.

Борьба старообрядцев с Московским патриархатом и царской властью

На преследования старообрядцы отвечали борьбой с никонианами (Московским патриархатом) и царской властью. Первым таким открытым противостоянием было Соловецкое восстание 1668-1678 гг. Вторым – мятеж стрельцов в Москве в июле 1682 г. («хованщина»). Стрелецкий мятеж и спор о вере, затеянный в Грановитой палате Никитой Пустосвятом с патриархом Иоакимом был последней открытой попыткой старообрядцев изменить ситуацию в России в свою пользу. После этого, как писалось в первой части нашего повествования, прямые политические следствия Раскола заканчиваются, и стадия борьбы старообрядцев с никонианами и царской властью переходят в стадию отдельных мятежей и бегством на окраины Русского государства.

К числу отдельных мятежей относился новый стрелецкий бунт в 1698 году. Он был вызван не только тяготами службы, но недовольством правительственными репрессиями против старой веры. Четыре стрелецких полка, стоявшие на польской границе, во время поездки Петра I с «Великим посольством» по Европе, подняли восстание и походом пошли на Москву. Но к возвращению Петра в Россию они полностью были разгромлены правительственными войсками около Вознесенского монастыря. Следствие по делу стрельцов

закончилось казнью более тысячи человек в Москве на Красной площади, где сам царь лично рубил головы стрельцам. После этого стрелецкое войско распускается и с 1699 года в России начинается комплектование новой регулярной армии, состоящей из пехотных и драгунских полков.

Победу над стрельцами Петр завершил не только казнями и упразднением стрелецкого войска, но и уничтожением одного из устоев старой Руси – ношением бороды и старорусской одежды. «Царь начал символическую европеизацию или, точнее, модернизацию двора и высшего русского общества – писал С. Зеньковский. На следующий же день по приезде в Москву, 26 августа 1698 года, на приеме придворных он сам начал резать бороды бояр, символ древнего русского уклада жизни. На тех, кто отказывался резать бороду, была наложена особая пошлина-пеня. Через шестнадцать месяцев по его же приказу в первый день нового года нового XVIII века его шуты стали резать и длинные старорусские одежды придворных. Так, хотя бы пока во внешности, государство Российское отказывалось и от старинных привычек, и от традиционной культуры и старалось сделать из старой Московской Руси новую, западного культурного типа страну»³¹.

Расправившись со стрельцами, Петр I, не любивший вмешательство Церкви в государственные дела, совершил новое беспрецедентное действие – ликвидацию Патриаршества на Руси.

После 14-летнего патриаршества Иоакима в 1690 году

патриархом был избран Адриан. Уже при нем молодой Петр отказался от некоторых старинных обрядов, в частности, от шествия на осляти, вместо него Петр ввел шумную поездку с попойками в Немецкую слободу. Это кошунственное действие, начавшееся в 1694 году, продолжалось десять лет и называлось «всеплутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоаникиты, патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя». Роль шута-патриарха здесь играл дьяк Никита Зотов – наставник молодого царевича с 6-летнего возраста.

Патриарх Адриан не знал, что ему делать с новыми явлениями царского двора, поэтому просто в своих проповедях обличал и отрицал новые формы жизни. Петр знал, что при глубоком различии в мировоззрениях патриарха Иоакима и патриарха Адриана, последний лично верен его царской власти, но в других архиереях он не был уверен. Вот поэтому после смерти патриарха Адриана (16 октября 1700 г.) Петр решил отсрочить вопрос о выборе нового патриарха и предложил править церковными делами «соборно», как уже не раз практиковалось в моменты междупатриаршеств. Патриаршим Местоблюстителем был избран митрополит Рязанский Стефан Яворский.

Правда, эта отсрочка затянулась на 217 лет, а «соборность» вылилась в простое подчинение церковных дел государству. Уже в 1701 г. вновь был восстановлен Монастырский приказ. Вновь церковные вотчины из рук иерархии бы-

ли переданы в управление государству. 25 января 1712 г. года Петр подписал Манифест об учреждении Священного Синода, получившей вскоре новое наименование *Святейшего правительствующего Синода*. Президентом его был назначен Стефан, митрополит Рязанский, за ним по старшинству следовали члены Феодосий (Яновский), архиепископ Симоновский, Леонид – архиепископ Петровский, Филофей – архимандрит Донской, греческий священник Анастасий Кондоиди, Иоанн – протопоп Троицкий, Петр – протопоп Петропавловский и иеромонах Варлаам Овсяников. Впоследствии во главе Священного Синода встал обер-прокурор, которым являлся личный представитель царя, а членами Синода преимущественно были светские люди.

Что касается старообрядцев, то для контроля за ними 8 января 1725 г. была учреждена так называемая *Раскольничья контора*, состоящая при Сенате. Первоначально Раскольническая контора была учреждена для заведования сбором с раскольников и бородачей и для выдачи знаков на право ношения бороды. Впоследствии она иногда преследовала по-таенных раскольников, ведала делами о бородачах и раскольниках, взятых в неуказном платье, делами о совершении треб по старопечатным книгам, о браках, о перекрещивании. Иногда она выдавала и паспорта раскольникам, но обыкновенно этим занималась общая администрация. С облегчением положения старообрядцев при Екатерине II Раскольническая контора 15 декабря 1763 г. была упразднена. Делами о

раскольниках приказано было ведать в губернских, провинциальных и воеводских канцеляриям, а купцов – в магистратах.

Старообрядцы с ликвидацией стрелецкого войска стали искать опору среди казачества. По сути дела все три казацко-крестьянских восстаний (Разинское, Булавинское и Пугачевское) носили следы возвращения к старой вере. Старообрядцы часто снабжали казаков деньгами и оказывали им всякий приют. Однако не следует считать, Старообрядческая церковь одобряла действия бунтовщиков-старообрядцев: Степана Разина, Кондрата Булавина и Емельяна Пугачева. Их имена не внесены в синодики страдальцев за благочестие.

После поражения старообрядцев в Москве в 1682 г. многие из них бежали на Дон, к казакам. Первым, кто среди казаков стал распространять старую веру, был иеромонах Иов. В 1685 г. бежал на Дон бывший игумен Никольского монастыря в Тихвине Досифей, который основал там два монастыря со строгим общежительством. Один из них, Чирская пустынь, стал центром старообрядчества на Дону. При всей строгости своих воззрений, он в отличие от других представителей Раскола отвергал самосожжения и не причислял самосожженцев к мученикам за истинную веру.

Одновременно с проникновением старообрядческой идеологии возник и чисто политический протест. Так, весной 1687 г. атаман Лаврентьев, в отсутствие войскового атамана Фрола Минаева, в Черкасской станице постановил признать старую веру официальным, государственным, исповеданием Дона. Поминание патриарха и царя на церковных службах было отменено. Приговор круга гласил: «Сверх старых книг ничего не прибавливать и не убавливать, и новых книг не держать», а того, кто с этим не согласен, «тех побивати до смерти».

Однако казаки Черкасской станицы добились поддержки одной лишь голытьбы. В 1688 г. донской атаман Фрол Минаев, вернувшись из Москвы, приводит казаков к присяге на верность Москве и «новой вере», а зачинщики волнения были выданы царскому правительству. Для укрепления позиций Православной церкви царское правительство решило построить новые церкви в Донской области и послать туда надежных попов для усиления миссионерской деятельности. Однако влияние старообрядчества на Дону в результате этих мер не ослабло. Казаки старообрядцы основали на реке Медведице крепость. Медведицкая старообрядческая крепость и селения просуществовали более десяти лет и только осенью 1698 г. верные Москве казаки осадили ее. Весной 1699 г. казаки – сторонники Минаева – начали более активные военные операции и 4 апреля взяли крепость приступом, ликвидировав этот упорный казачий очаг старообрядческого со-

противления.

Через девять лет после подавления этого первого казачьего старообрядческого движения Кондратий Булавин снова поднял там восстание против «князей, бояр, прибыльщиков и немцев» за то, что они «вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудеса прелестными». Так в своей борьбе за старые порядки и старую церковную традицию казаки сливали в одно целое религиозные и социальные мотивы.

Надо сказать, что Булавинское восстание спровоцировал сам Петр I. От нищеты и повинностей крестьяне южных областей России бежали на Дон, где издавна существовал обычай: «с Дона выдачи нет», – и все русские цари до Петра «де-факто» признавали это. Да и после тоже, например, Потемкин не только глядел сквозь пальцы, но даже подстрекал крестьян к бегству от помещиков в Новую Россию. И делалось это не из любви к крестьянам, а в интересах Российского государства.

Но царь Петр особенно не вникал в суть дела, и 6 июля 1707 г. приказал князю Ю.В. Долгорукову навести порядок на Дону: «...сыскать всех беглых и за провожатыми из женами и 3 детьми выслать по-прежнему в те ж города и места, откуда кто пришел».

Прибыв на Дон, Долгоруков начал расправы над казаками. Дело кончилось тем, что в ночь с 8 на 9 октября 1707 г. казаки под командованием атамана Кондратия Булавина

убили Долгорукова, с ним еще 16 офицеров и подьячих, солдат же обезоружили и отпустили. Так началось восстание. Район действий булавинцев простирался от Воронежа до Царицына и от Азова до Пензы. Против Булавина царь отправил 34-тысячную армию, то есть почти столько же, сколько воевало непосредственно с Карлом XII. Булавин попытался взять Азов, но потерпел поражение. После этого он был убит 7 июля 1708 г. в Черкасске в результате заговора казачьей верхушки. После этого на Дон были стянуты большие силы карателей. И вот тут наступил настоящий геноцид казачества. Казни вожаков и даже рядовых бунтарей были обычным явлением для XVIII века, возьмем, к примеру, восстание Пугачева. Но в 1708 г. Петр приказал не только казнить участников восстания, но и уничтожить десятки казачьих городков вместе с населением. Солдаты убивали женщин и детей (чаще всего топили в Дону) и сжигали все строения. Один только отряд В.В. Долгорукова (брата убитого Ю.В. Долгорукова) уничтожил 23,5 тысячи казаков мужского пола, женщин и детей не считали. Мало того, православный царь не постеснялся натравить на казаков орды ламаистов-калмыков. Калмыки резали всех подряд, но в отличие от князя В.В. Долгорукова не вели учета своим жертвам. И еще они не убивали женщин, а уводили их с собой.

В такой ситуации две тысячи казаков под командованием атамана Игната Некрасова в сентябре 1708 г. ушли с Дона на Кубань под защиту крымского хана. Позже к ним при-

соединилось еще несколько тысяч казаков, большинство которых было с семьями. Все они были приверженцами старой веры. В 1740 г. турки переселили некрасовцев с Кубани в Малую Азию на озеро Майнос. Кроме того, небольшая часть казаков переселилась на Дунай, в район Добруджи. Вплоть до 1854 г. казаки-некрасовцы участвовали во всех русско-турецких войнах и, по свидетельству русских монархических историков, «считались храбрейшей конницей в Турции». Тем не менее, они сохранили в чистоте русский язык, казацкие обычаи и древлеправославную веру. В 1962 г. значительная часть некрасовцев прибыла в СССР и поселилась в Ставропольском крае, Ростовской и Волгоградской областях. Для ученых – лингвистов и этнографов – это стало праздником: появились люди, говорящие на чистом русском языке начала XVIII века.

«Бунт Булавина, а через семьдесят лет бунт старообрядца Пугачева были подавлены, но казаки Дона и других областей юго-востока России сохранили свою преданность старой вере, и до XX века их значительное количество донских казаков остались верными старому обряду и старым взглядам на церковь», – писал С. Зеньковский в своей книге «Русское старообрядчество»³².

В 1688 г. инок Досифей вынужден был бежать с Дона в астраханские края, а затем подался на реку Кума, где умер около 1691 г. В результате этого старообрядчество утвердилось в Нижней Волге у астраханских казаков и на реке Куме

у гребенских казаков.

В середине XVIII века поголовно все яицкие (уральские) казаки были старообрядцами. Одной из причин, по которой они охотно поддержали Пугачева, было жалование «крестом и бородой», то есть сохранением старообрядческих традиций. Перед казнью на Болотной площади один из главных сподвижников Пугачёва Перфильев отказался исповедоваться у священника-никонианина – «...по раскольнической своей закоснелости он не восхотел исповедоваться и принять божественного причастия».

В 1802 г. уральские казаки-староверы отказались подчиниться введению погон на новой казачьей армейской униформе, посчитав их «антихристовыми» знаками. Оренбургский генерал-губернатор Волконский в 1803 г. выслал в Уральск карательную экспедицию. Казаков приказали пороть, пока те не наденут форму, было запорото до смерти несколько десятков человек. Причиной самой последней смуты в Уральском войске в 1874 г. послужил отказ от принятия присяги, предусмотренной новым положением о воинской службе. Большинство же приверженцев старой веры считали невозможным принесение каких-либо клятв. Несколько сотен упорствующих казаков было выслано в глухие зауральские пустыни, в 1877 г. за ними были высланы и их семьи.

В целом казачья борьба за старую веру была стихийной и не носила чисто религиозный характер, а перемешивалась

с политическими требованиями. К тому же у казаков не было явных религиозных лидеров. Как писал С. Зеньковский: «Оторванность и изолированность казачьего Юго-Востока от основных областей России не позволили им сыграть значительную роль в распространении и развитии организации старой веры. Кроме того, смерть игумена Досифея и других вождей Донской старообрядческой революции 1687 года и арест лояльными казаками других священников оставили в конце XVII века Дон и Северный Кавказ без выдающихся проповедников и организаторов. А среди местного казачьего духовенства своих значительных миссионеров и богословски подготовленных для ведущей роли в старообрядчестве вождей не оказалось. Поэтому руководящая роль в характерном для Юга поповском старообрядчестве выпала не казачьим землям, а новым поселениям вдоль польской границы – Стародубью и Ветке, а в беспоповщине главные центры образовались на Севере»³³.

Размежевание внутри старообрядчества. Поповцы

Через 25 лет после начала Раскола богословские споры и гонения привели старообрядчество к делению на различные толки и согласия. Первоначально Древлеправославная церковь разделилась на беглопоповцев (с XIX века поповцев) и беспоповцев.

С. Зеньковский в своей книге «Русское старообрядчество» писал: «В те годы, когда на далекой окраине России, на реке Куме, престарелый, но по-прежнему непреклонный игумен Досифей вел свои последние бои за древнюю веру, в старых, основных землях Московского государства, среди оставшихся верными старой церковной традиции «раскольников», происходило окончательное размежевание между традиционалистами-оптимистами, продолжавшими верить в возможность священства и таинства евхаристии, и радикалами-пессимистами, считавшими, что благодать Господня иссякла в церкви и поэтому ни священство, ни таинство причастия не могут больше существовать в этом грешном мире. Уже из предыдущего развития старообрядчества было видно, что ввиду противоположности их установок внутренний конфликт между этими крыльями противников «никонианства» делается неизбежным. Временно, в течение первых десятилетий церковного раскола, ожесточение противников

нового обряда было настолько велико, что внутренние разногласия отступили перед пафосом борьбы против иерархии и им просто не хватало времени выяснить и осмыслить свои собственные, часто противоречивые взгляды на мир и церковь.

Но время шло, и все резче вырисовывались не только невозможность примирения с патриаршей церковью, но и внутренние духовные разногласия между последователями боголюбцев и их союзников, боровшихся с новыми обрядами и с самоуправством Никона, с одной стороны, и последователями «лесных старцев», которые уже до Никона стали сомневаться в возможности спасения в лоне церкви и недоверчиво относились не только к епископату, но и к самому институту священства, с другой стороны. В 1680-х годах отношения между этими обоими крыльями старообрядчества стали все более обостряться из-за вопроса о гаях, принявших в это время характер зловещей, духовной болезни. Число гарей и участников в них росло с такой быстротой, что умеренным старообрядцам-традиционалистам, признававшим священство, полноту таинств и возможность нормальной христианской жизни на земле, делалось ясно, что им не по пути с этими мрачными изуверами, веровавшими, что христианская история человечества пришла к концу и сила зла на земле стала непреодолимой»³⁴.

Одной из первых проблем в управлении Древлеправославной церковью стала проблема епископства, отсюда и проблема рукоположения новых священников. Русская Церковь до ликвидации патриаршества при Петре никогда не имела большого количества епископов, самое большее – в ней бывало 15 святителей, при Никоне же количество их было еще меньше.

Первый из иерархов Русской Православной Церкви, кто не поддержал реформу Никона, был епископ Коломенский и Каширский Павел, за что Никоном был сведен с Коломенской кафедры и сослан в Хутынский монастырь, где 3 апреля 1656 г. без церковного суда по тайному приказу Никона был сожжен в срубе. Это была единственная казнь староверов при патриаршестве Никона. Никон не был сторонником крайних мер, но хорошо понимал, что староверов надо в первую очередь лишить епископства. Остальные же иерархи, боясь участи Павла, вынуждены были молчать.

Однако было известно о трех архиереях, что были не согласны с никоновскими нововведениями и служили по старым книгам: это Макарий, митрополит Новгородский; Маркелл, архиепископ Вологодский, и Александр, епископ Вятский. Но первые два скончались еще до собора 1667 г., на котором была проклята вся Древлеправославная церковь, а

последний подчинился «страха ради» этому собору. После, оставив кафедру, он удалился в пустыню и пошел по старине, но не дожил до окончательного Раскола в Церкви, скончавшись в 1679 году.

Таким образом, Древлеправославная церковь осталась без епископов, с одними лишь священниками и диаконами. Этих же духовных чинов осталось довольно-таки много у старообрядцев. Они продолжали служить по старым службникам, и были заодно со своей паствой. Страшные гонения заставили очень многих из них принять новые книги, ибо священнослужителей ссылали на каторгу, били нещадно батогами за то лишь, что они совершали службу Божию по старым книгам или даже за то одно, что совершали Божественную литургию на семи просфорах.

К концу XVII века в Древлеправославной церкви оставалось еще много твердых в своей вере священников и дьяконов. Но они не могли жить вечно. Эту проблему увидел еще Аввакум. Он высказывался за то, чтобы принимать священство из новообрядческой церкви: «И иже в православных церквах, где пение без примеса внутрь алтаря и на крылосах, а поп новопоставлен, о сем посудить – аще он поп проклинает никониан и службу их и всею крепостию любит старину: по нужде настоящего ради времени да будет поп. Как же в миру быть без попов? К тем церквам приходить», – писал протопоп Аввакум.

Руководствуясь древними соборными правилами о пере-

крещивание еретиков, раскаявшихся в своей деятельности, старообрядческая церковь стала принимать к себе духовных лиц, рукоположенных в новообрядческой церкви, в сущем их достоинстве. В старообрядчество шли охотно и вполне искренне, главным образом священники старого духа – из низов. Правительство объявило их «беглыми»: они действительно были в постоянных побегах, укрываясь от преследований и гонений, отсюда и пошло название беглопоповцы.

С течением времени перекрещивание было заменено миропомазанием – «вторым чином», а еще позже у части беглопоповцев «исправа» попов стала осуществляться через простое проклятие ересей, т. е. «третьим чином». Правда споры о чинопRIAтии беглых попов привели к разделению беглопоповцев на две части: «перемазанцев», составляющих огромное большинство, и дьяконовцев, отстаивающих прием беглых попов «третьим чином». Споры вокруг того, каким чином принимать беглых попов, занимали центральное место во внутренней жизни беглопоповцев весь XVIII век.

Священники Старообрядческой церкви совершали все присущие их власти таинства и требы: крестили, миропомазывали, исповедовали, причащали, венчали, елеопомазывали, погребали умерших и т.п. Они не имели власти освящать миро – эта власть принадлежит епископу. Но и это затруднение было разрешено согласно древним установлениям Церкви. Мира у священников было много, еще освященного прежними патриархами; сохранилось миро даже патриарха

Филарета. Но с течением времени оно уменьшалось, поэтому его стали разбавлять освященным елеем, что по необходимости разрешается церковными правилами.

Священники также не имеют права освящать церкви (храмы), если нет антими́нса. Но в старообрядческой Церкви сохранились древние антими́нсы, освященные прежними епископами. На них старообрядческие священники и освящали церкви и совершали Божественную литургию.

Затруднительные и сложные вопросы, возникавшие в старообрядчестве, разрешались соборно, общим голосом всей Церкви. На соборы съезжались игумены монастырей, священноиноки, иереи приходских церквей, почетные старцы (иноки) и уполномоченные от приходов мирские люди, главным образом начитанные мужи, знающие Священное Писание и церковные каноны. В соборных заседаниях принимали иногда участие и благоговейные инокини. Соборы объединяли в себе все церковное управление, устанавливали порядок и благочиние в церквях, определяли старшинство между духовными лицами, проверяли их деятельность, разрешали всякие сомнения и недоразумения и т.п.

Основными центрами беглопоповцев изначально был Нижегородский уезд, где скрывались десятки тысяч старообрядцев, Донская область Черниговская область. Беглопопов-

щина привлекала к себе главным образом посадское население и крепостных крестьян. Пользовалась она симпатиями и у донских казаков.

В Нижегородском крае на реке Керженец было основано множество старообрядческих сел и скитов, как беглопоповского, так и беспоповского толков. Так, в 1680-ые годы на Керженце было 77 старообрядческих скитов и более чем 2 тыс. монахов и насельников. Главным скитом здесь был Смольяны. Там нередко созывались старообрядческие соборы, шли шумные споры об истолковании старых книг, пророчеств и писаний апологетов старой веры, в том числе и Аввакума, и отсюда по разным общинам рассылались священники и миссионеры.

В Нижегородском крае в начале XVIII века насчитывались десятки тысяч старообрядцев. Церковные власти не ограничивались одними миссионерскими мерами и нередко посылали воинские команды для разорения старообрядческих скитов. Разгром Керженца начался при Петре I. В Нижнем Новгороде был казнён знаменитый старообрядческий диакон Александр, составивший книгу Ответов на вопросы Питирима (нижегородского епископа): ему отсекли голову, а тело его сожгли и пепел бросили в Волгу. Особенно боролся со старообрядцами епископ нижегородский Питирим, сам выходец из старообрядцев. Его стараниями старообрядческое население в нижегородском Поволжье сократилось в разы. Так, если в 1718-1724 гг. старообрядцев было более

122 тыс. чел., то к 1737 г. их число сократилось до 5 тыс. чел. Это оставшееся старообрядческое население сосредоточилось в скитах. Особенно были известны скиты Онуфриевский, Софроновский и Лаврентиевский, названные по именам тамошних старцев. Существовали мужские и женские скиты, находившиеся под руководством «отца» или «матери». Ряд скитов Нижегородской губернии был описан в романах П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах», где приводится подробное описание быта и обычаев нижегородских староверов.

После разгрома Керженца староверы бежали на Урал, в Сибирь, в Стародубье, на Ветку и в другие места. Выходцев из Керженских скитов на Урале и в Сибири стали называть кержаками, этот термин в дальнейшем распространился на всех старообрядцев Урала и Сибири.

Еще одним крупным центром беглопоповства стала Черниговская земля. Основание старообрядческой колонизации Черниговщины было положено в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII века. Сюда эмигрировала колония московских старообрядцев в 20 человек, имея во главе попа Кузьму. Они по указанию стародубского полковника Семена Самойловича, приятеля Кузьмы, заняли местечко Понуровку. На первых порах старообрядческое население было здесь крайне

немногочисленно, но быстро стало увеличиваться после подавления стрелецких восстаний. Основными центрами старообрядчества на Черниговщине было Стародубье и Ветка.

Стародубье находится в северной части Украины – в бывших Новозыбковском и Суражском уездах Черниговской губернии. Раскольнический стрелецкий бунт нашел здесь отзвук, вследствие чего из Москвы последовал указ о возвращении стародубских раскольников на родину. Поп Кузьма и другой поп Стефан, выходец из Белева, удалились за польскую границу и поселились на острове Ветке, образованного рукавами реки Сожа. Ветка находилась на польских рубежах, сейчас это современная Белоруссия. Как писал С. Зеньковский, «...во владениях польских панов Халецкого и Красильского эмигранты нашли радушный приют. Польские помещики были рады неожиданному притоку трезвого, спокойного и трудолюбивого населения. Со своей стороны, новые эмигранты были довольны, что оказались вне пределов досягаемости патриарха и его властей и вместе с тем оставались вблизи границы, через которую благодаря наличию своих же товарищей по вере по другую сторону рубежа Польши и России они могли легко переходить и быть в постоянной связи с поповщинскими общинами Стародубья, Калуги, Москвы и других городов и районов России»³⁵.

В конце XVII века духовным руководителем Ветковской общины стал священноинок Феодосий. При нем Ветка быстро разрослась и сделалась главным центром беглопоповщи-

ны, он сам до своей смерти около 1710 года он считался признанным главой староверов поповского толка всей России. Вокруг Ветки возникло 14 слобод с населением более 40 тыс. человек. Здесь было и два больших монастыря: мужской в 1200 иноков с большим числом послушников и женский с несколькими сотнями монахинь и сотнями послушниц. Сюда со всей России съезжались паломники, тянулись искавшие церковной свадьбы пары, здесь же обучалась молодежь, будущие наставники и миссионеры.

Царское правительство обратило внимание на Ветку, но ничего не могла с ней сделать, так как она находилась за границей. Но как только Польское королевство ослабло, русское правительство поспешило разогнать Ветку. В 1735 г. при императрице Анне Иоанновне царские войска осуществили так называемую первую «выгонку Ветки». Ветковцы, в своем большинстве беглые крестьяне, были возвращены в Россию и разосланы по прежним местам жительства. Однако очень скоро Ветка поднялась вновь. При Екатерине II в 1765 году произошла вторая «выгонка», а позднее и третья. Последняя партия старообрядцев была доставлена в Забайкалье в 1795 году.

После «выгонки» Ветки новыми центрами поповщины в конце XVIII века стали Иргиз, на Нижней Волге, а затем Ро-

гожское кладбище в Москве, где и до сих пор находится главное старообрядческое управление.

В 60-е годы XVIII века выходцы с Ветки основали на берегу реки Иргиза близи города Балаково в Саратовской области три скита, вскоре преобразованные в мужские монастыри. Позднее были основаны и два женских монастыря. В этих монастырях проходили «исправу» бежавшие из Московского патриархата попы. Иргизские монастыри приобрели объединительное значение в церковной и общественной жизни старообрядчества, они стали местом проведения церковных соборов. Иргизские священники ездили по всей России и повсюду совершали тайные службы и требы.

В царствование Николая I все иргизские монастыри были разгромлены и отобраны у старообрядцев. Тех, кто не хотел уходить из своих монастырей, на двадцатиградусном морозе поливали из шлангов водой, превращая в ледяные глыбы.

Рогожская старообрядческая община ведет свою историю с 1771 г., когда за Рогожской заставой, около большого села Рогожи, ныне город Ногинск, было основано кладбище для захоронения старообрядцев, умерших во время эпидемии чумы в Москве. Кладбище получило название Рогожского. Учитывая большой вклад старообрядцев в борьбу с эпидемией чумы в Москве, Екатерина II разрешила старообрядцам-поповцам строительство вблизи кладбища двух своих храмов. В дальнейшем здесь сложился целый поселок старообрядцев. (Эти места до сих пор носят название Рогож-

ский поселок).

Во время войны с Наполеоном французы побывали на Рогожском кладбище, но рогожане заблаговременно успели покинуть свои жилища и спрятать церковные ценности. По изгнанию Наполеона из Москвы столицу заняли донские казаки, в то время в большинстве своем старообрядцы. Атаман Матвей Платов был тоже из старообрядцев. Вернувшись из заграничного похода русской армии, он подарил Рогожскому кладбищу свою походную церковь, с которой казаки дошли до Парижа.

С начала XIX века Рогожское кладбище становится руководящим центром Древлеправославной церкви. В 1800 г. Рогожская община насчитывала 20 тыс. чел., в 1825 г. – 68 тыс., а в 1845 г. – более 120 тыс. чел., проживающих в Москве и Московской области. Община имела 12 священников. В общине Рогожского кладбища ведущую роль играли владельцы крупных московских мануфактур.

Однако укрепление старой веры сильно раздражало архиереев господствующей церкви и правительство Николая I. В 1854 г. у старообрядцев был отобран Никольский храм, а через два года были запечатаны алтари в Покровском и Рождественском храмах. Без малого полвека в алтари храма был запрещен вход. Они были распечатаны лишь 16 апреля 1905 г., за день до опубликования Указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости». В 1912-13 гг. по проекту архитектора Горностаева была воздвигнута одна из

красивейших московских колоколен с храмом во имя Воскресения Христова.

В 1911 г. при Рогожской общине был открыт особый старообрядческий богословско-учительский институт. В 1920-30-х гг. XX века Рогожская община подверглась гонениям, однако сумела выжить и существует и поныне. Сегодня Рогожское кладбище является духовным центром Русской Старообрядческой Церкви. Здесь находится резиденция митрополита Московского и всея Руси, управление делами Московской Митрополии и духовное училище.

Еще одним духовным центром христиан-старообрядцев является Гуслица. Вот как описывается это место в Энциклопедическом иллюстрированном словаре. Старообрядчество в России, «Гуслица – старинное название лесной и болотистой местности к востоку от Москвы.

Если выехать из Москвы по Рязанскому проспекту и в Люберцах повернуть на Егорьевск, то через час-полтора мы окажемся в Гуслице.

Загадочно имя Гуслицы. Оно как будто напоминает нам о былинном струнном инструменте, о гусях. На самом деле название связано с именем небольшой речки, которая петляет среди лесов и полей. Однако вполне возможно, что журчание этой лесной речки, звон ее струй напоминал нашим

предкам игру на многострунных гусях.

Первое упоминание о Гуслице относится к 1330-м годам и содержится в Завещании Великого Князя Ивана Калиты. После смерти он завещал Гуслицу своей жене Ульяне с детьми.

Сначала границы Гуслицы были гораздо меньше, чем принято считать сейчас. С XVI по XVIII век в состав волости входило всего 40 или 50 деревень. Теперь такой административно-территориальной единицы уже давно не существует, но название продолжает встречаться по сей день. И вот что интересно – название это так прижилось, что Гуслицей или Гуслицким краем все чаще стали называть и многие соседние местности, которые в старину имели свои особые имена. Считается, что территория современной Гуслицы охватывает примерно 400 квадратных километров. Вдоль восточной границы Гуслицы расположены города Егорьевск, Куровское, а с севера к ней примыкают Дрезна, Орехово-Зуево, Ликино-Дулево.

С конца XVII – начала XVIII веков Гуслица известна тем, что местное православное население, в основном крестьяне и ремесленники, не приняли Никоновых церковных реформ, твердо стояли на защите древнего благочестия. Гуслицкие села дали укрытие многим гонимым старообрядцам из других районов страны. Здесь в каждой деревне существовала моленная, а в селах, бывало, и по нескольку. Сегодня церкви и приходы Русской Православной Старообрядческой Церкви сохранились в селах Слободище, Устьяново, Шувое.

На прежних местах заново построены храмы в Давыдово и в Молоково. А если прибавить к этому церкви, находящиеся в примыкающих к Гуслице населенных пунктах, то количество храмов, где молятся гусяки, удваивается.

Особого, высочайшего мастерства старообрядцы-гусяки достигли в церковных искусствах. На всю Россию известны были гуслицкие мастера – иконописцы и книгописцы. Изготовители медноли-тых икон и крестов.

Их произведения отличаются яркой жизнерадостной силой и творческим своеобразием, и ученые говорят о самостоятельном гуслицком стиле, который особо проявился в искусстве переписки и украшения церковных книг.

Особенно известны певческие (крюковые) рукописи гуслицкой работы. Эта гуслицкая манера оформления книг окончательно сложилась к последней четверти XVIII века. Для местных нужд книги здесь писали еще в XVII в., но с начала XVIII в. книги гуслицкого письма стали появляться и в продаже. История сохранила некоторые имена выдающихся мастеров. Это Шитиковы, инок Илия, Федор и Матвей Батулины. Многие гуслицкие мастера работали и «на выезде», в других местностях.

Почерк гуслицких рукописей отличается от всех остальных. Узнать гуслицкую рукопись легко по заставке и заглавной буквице – инициалу. У крупных ярких инициалов нет длинных орнаментальных веток-отростков, а лишь один пышный стебель-цветок выюна, расположенный рядом с бук-

вицей. Внутренняя часть букв, объемных и широких, украшена золотыми и цветными завитками орнамента. Самая заметная особенность – цветная штриховка, употреблявшаяся для создания объемности и при раскраске элементов украшений. В заставках, инициалах и книжной миниатюре часто применялись яркие зеленый, синий, желтый и красный цвета. Именно такие сияющие краски, порой в сочетании с обильным золочением, позволяют сразу отличить работу мастеров-гусяков от работы других рукописных школ»³⁵.

Начиная с XIX века беглопоповский толк Древлеправославной церкви разделился на единоверцев и поповцев.

В 1800 г. в царствование императора Павла I небольшая часть беглопоповцев перешла под юрисдикцию Московского патриархата, сохранив всю дореформенную обрядность. Для них была создана отдельная структура – Единоверческая церковь.

Еще в правлении Екатерины II в 1763 г. Синод объявил о том, что употребление двуперстия не должно считаться признаком раскола. В 1765 г. митрополит Платон (Левшин) издал книгу «Увещевание в утверждении истины и надежду действия любви евангельской», в которой говорилось о единении веры при разности обрядов. Книга стала своеобразным руководством для рассмотрения возможности при-

соединения старообрядцев к Русской Православной Церкви с сохранением для них дореформенных чинопоследований.

Первыми, кто высказал идею примирения с Московским патриархатом, стали беглопоповцы Стародубья. В 70-80 годах XVIII столетия в Стародубских слободах проживал весьма начитанный и энергичный старообрядческий инок Никодим. Он состоял в близких отношениях со знаменитыми государственными деятелями Екатерининского периода – князем Потемкиным и графом Румянцевым-Задунайским. Никодим решил при их помощи и сочувствии приобрести для старообрядчества самостоятельного епископа и право ему совершать богослужения по старопечатным книгам. В 1783 г. он представил князю Потемкину письменное условие из 12 пунктов, в которых предлагал, чтобы все клятвы и проклятия, произнесенные на двуперстие и на древнее чиносодержание, были уничтожены, чтобы никакого чиноприема старообрядцам не было делаяемо, чтобы их не принуждали на общее моление с никонианами, чтобы находящиеся в старообрядчестве иеромонахи, священники, диаконы и иноки оставались на своих местах как законные, чтобы по указу императрицы был прислан епископ в Стародубье из «великороссийской породы», который состоял бы «при старообрядчестве», совершал бы все богослужения по старым книгам, рукополагал для старообрядцев священнослужителей, каких они сами изберут; при этом чин поставления обязательно должен быть совершаем по древним чиннопоследованиям.

Это прошение подписали полторы тысячи старообрядцев.

Князь Потемкин составил к проекту Никодима перечень замечаний и объединил его со своим планом заселения Новороссии. Согласно этому плану, при переселении в Таврический край старообрядцы получали епископа. Однако после смерти инока Никодима 12 мая 1784 г. проект учреждения старообрядческой иерархии в лоне Российской Церкви не был реализован.

Но в 1799 г. небольшая часть московских старообрядцев обратилась к Московскому митрополиту Платону с новым ходатайством, изложенным в 16 пунктах, очень схожих с прежними, никодимовскими. Москвичи, так же как и Никодим, прежде всего, просили «разрушить преждеположенные клятвы на двуперстное сложение и другие подобные ему обряды». Также просили, чтобы служащие в старообрядчестве священники были признаны имеющими право продолжать свое служение и чтобы «учиненные ими священнодействия» были «оставлены в существенной их силе». Просили московские старообрядцы, чтобы вновь поставляемые для них священники рукополагались «по прежде печатным книгам» и чтобы они были избираемы «по согласию прихожан». О даровании старообрядцам епископа московские просители не посмели намекнуть даже: так безнадежны были желания старообрядцев получить себе епископа, совершающего богослужение по старопечатным книгам.

Митрополит Платон назвал этих старообрядцев-соеди-

ненцев единоверцами и со своими замечаниями в качестве правил Единоверия отправил проект на утверждение императора Павла I, который 27 октября 1800 г. подписал указ о создании Единоверческой церкви.

Святейший Синод и царское правительство пошло на этот шаг в надежде, что это – временное учреждение, которое должно непременно исчезнуть, слившись во всем с Московским патриархатом. Многие старообрядцы прозвали единоверие «ловушкой» и «западной». В единоверие вступила незначительная часть старообрядцев, и то лишь в некоторых губерниях.

Единоверческие приходы образовались в Москве (1801), Калуге (1802), Екатеринбурге (1805), Костромской епархии (1804) и других местах. На первых порах единоверие влачило самое жалкое существование. Старообрядцы сторонились его, как действительно опасной ловушки. Только в царствование императора Николая Павловича единоверие быстро и сильно разрослось: правительство насильно загоняло старообрядцев в единоверие, повсеместно, по всей России, у старообрядцев отбирались церкви, часовни, монастыри, скиты со всем их церковным имуществом, и все это отдавалось единоверцам. С таким имуществом единоверие расцвело, стало богатым, многочисленным, но зато более ненавистным и более чуждым всему остальному старообрядчеству.

Единоверцы сами тяготились своим необычайным положением: они и не новообрядцы и не старообрядцы. Служат

они по старопечатным книгам, содержат старые обряды и чины, имеют священников, служащих у них тоже по старым службникам и требникам. Но зависимы они все же от новообрядческих архиереев и от правительствующего Синода, которые продолжают смотреть на них как на раскольников и как на людей невежественных, непросвещенных, чужих им, а на все их книги и обряды как на ошибочные и еретические.

В течение более чем столетнего своего существования единоверцы неоднократно обращались к Синоду с настойчивыми просьбами дать им единоверного и единообрядного епископа. Но каждый раз получали решительный отказ. Даже после 1905 г., когда и старообрядцам была дарована религиозная свобода, единоверцам было отказано в назначении им своего епископа. Неоднократно обращались единоверцы в Синод с просьбой снять клятвы соборов 1653 и 1667 гг., а также уничтожить все осуждения и ругательства на старые обряды в прежних полемических книгах. В утешение им Синод издал в 1886 г. лишь «Изъяснение», что полемические книги принадлежат частным лицам, а клятвы положены лишь на раскольников за отделение их от церкви.

Только после большевистской революции заседавший в Москве Всероссийский собор РПЦ, наконец, решил дать единоверцам архиереев, но только так называемых «викариев», то есть таких, которые состоят лишь помощниками у правящих епархиальных епископов и от них зависимы.

И сегодня в лоне Русской Православной Церкви суще-

ствуует единоверие, где в приходах сохраняются все дореформенные обряды, но при этом они признают иерархическую юрисдикцию Русской Православной Церкви и Русской Православной Зарубежной Церкви.

Поповские общины страдали от отсутствия епископов, правомочных совершать рукоположения священников; трудно было пользоваться и услугами беглых священников. Споры среди поповцев о возможности получить канонически правильную иерархию не прекращались. Старообрядцы вели переговоры с архиепископом Грузии и другими православными епископами, но безрезультатно. 180 лет старообрядческая Церковь не могла восстановить полную трехчинную иерархию.

Наконец, стараниями некого Петра Васильевича Великодворского епископ, решивший перейти в старообрядчество, был найден. Старообрядец П.В. Великодворский в 1836 г. стал монахом в Стародубском монастыре с именем Павел. В 1844 г. он побывал в старообрядческом монастыре в Белой Кринице (территория Австрийской империи), где игуменом был Геронтий. Здесь на территории Австрийской империи с 1783 г., когда император Иосиф II вручил дунайским старообрядцам грамоту о разрешении селиться в его империи и свободно справлять все обряды, существовала

уже довольно— таки сильная старообрядческая община. Отсюда инок Павел вместе с другим иноком Алимпием (Афанасий Зверев, он же Милорадович) отправился на поиски подходящего епископа. Павел и Алимпий побывали в Константинополе, затем в Палестине, Сирии и Египте и обнаружил, что в этих странах церковные обычаи, например троеперстное крестное знамение, противоречат воззрениям староверов; разочарованные они вернулись в Константинополь. Между тем их агенты обнаружили кандидата на старообрядческую епископию — митрополита Амвросия Боснийского.

Амвросий (Андрей Попович), грек по происхождению, родился в 1791 г. в небольшом селении Маистра в пяти километрах от города Эноса, тогда входившего в Турецкую империю, а ныне находящегося в Болгарии. Сын священника он сам стал священником, но овдовел и принял пострижение. В 1835 г. Амвросий был возведен в сан митрополита на босно-сараевскую кафедру. Амвросий был лучшим из греческих архиереев, являвшихся в Боснию: он заботился об угнетенном народе и из-за этого вошел в столкновение с турецкими властями. Отозванный в Константинополь (1840), он оказался в числе безместных архиереев, влачивших жалкую жизнь среди унижения и лишений всякого рода в городе Константинополе.

Когда белокриницкие депутаты Павел и Алимпий предложили Амвросию сделаться старообрядческим архиереем, Амвросий ответил решительным отказом, видя в предложе-

нии их оскорбление православной вере. Тогда они выставил старообрядчество в таком виде, что это не показалось Амвросию изменой православию. Однако Амвросий все еще колебался и только когда иноки Павел и Алимпий в последний раз пришли к нему, чтобы попрощаться и ехать дальше, митрополит Амвросий остановил их. Он рассказал, что ночью ему явился Святитель Николай чудотворец и повелел без колебаний довериться русским инокам. По словам Амвросия тот сказал ему: «Что ты много утомляешься размышлениями о сделанном тебе предложении? Это великое дело тебе суждено от Бога исполнить и от русского царя пострадать».

28 октября 1845 г. Амвросий «перемазался» в старообрядческую веру, после чего 15-16 апреля 1846 г. между ним и Павлом Великодворским был подписан договор, по которому старообрядцы обязывались содержать Амвросия и платить ему жалованье по 500 австрийских червонцев в год. Со своей стороны, Амвросий обязался вступить в старообрядчество в звании митрополита, исполнять монастырский устав без нарушений и поставить себе преемника.

28 октября 1846 г. в Белой Кринице был совершен прием митрополита Амвросия в сущем сане. В течение одного года Амвросий поставил Геронтия архимандритом Белокриницкого монастыря и рукоположил двух епископов – Кирилла и Аркадия. Так было положено начало Белокриницкой иерархии.

Российский Святейший Синод не признал его в качестве

Белокриницкого епископа, а также совершенные им рукоположения. Эта позиция определила и точку зрения российского правительства на Амвросия и лиц, им посвященных, и потому их служение в России встретило препятствия. В декабре 1847 г. император Николай I потребовал от правительства Австрии прекратить деятельность Амвросия и закрыть Белокриницкий монастырь. В декабре 1847 г. Амвросий был вызван в Вену, и оттуда выслан в Цильский монастырь, где и умер в 1863 г. Но к тому времени в старообрядчестве было уже два епископа – Кирилл и Аркадий. Восстановленная иерархия была названа Белокриницкой, потому что митрополит Амвросий присоединился к старообрядчеству в Белокриницком монастыре и носил титул архиепископа Белокриницкого и митрополита всех древлеправославных христиан. В России Белокриницкую иерархию еще называли старообрядцами австрийского согласия, или старообрядцами, приемлющими священство.

В 1996 г. на Всемирном старообрядческом соборе в Белой Кринице митрополит Амвросий был причислен к лику святых, как великий угодник и исповедник Православной веры. Память его совершается 30 октября по ст. ст.

Однако примерно треть поповцев не признали Белокриницкую иерархию и продолжали себя именовать беглопоповцами, принимающими иереев из господствующей церкви.

Беспоповцы и их согласия

Согласно Зеньковскому вторым религиозным течением, отошедшим от официальной церкви, была *беспоповщина*. Она же была вторым толком в старообрядчестве.

Как известно, часть старообрядцев, не признавшая каноничности священников, поставленных в свои должности по новым реформированным книгам, вынужденно пришла к отрицанию возможности сохранения в мире «истинного» духовенства и сформировала так называемый *беспоповский толк*. Старообрядцы (именуемые официально как «древле-православные христиане иже священства не приемлющие»), отвергнувшие священников нового поставления, и оставшись совершенно без священников, стали в быту называться *беспоповцами*.

Беспоповцы первоначально селились в диких необжитых местах Поморья на территории между Онежским озером и Белым морем, потому стали называться поморами. Другими крупными центрами беспоповцев стали Олонецкий край (современная Карелия) и речка Керженец в Нижегородских землях. Много беспоповцев было и в Новгороде.

Корни беспоповщины уходят к так называемым «заволжским старцам» – к Капитону (о Капитоне и его последователях см. главу «В преддверии Раскола»).

Капитон когда-то считался своим и у поповцев-старове-

ров, но со временем слава Аввакума затмила память о Капитоне и его учениках. Однако, как основатель *капитоновщины*, он остается признанным отцом-основателем беспоповщины. Так, князь С.Д. Мышецкий, беспоповец-поморец, называл Капитона «своим» (то есть беспоповцем) и чтил его, как «пророка». Имена Капитона и его учеников, Вавилы, Прохора и Леонида были занесены в первые строки раскольнического Сводного Синодика, составленного в Выговском скиту в Поморье беспоповцами братьями Денисовыми.

Капитоны-беспоповцы бежали и на север, в Поморье, где впоследствии и возникло самое крупное беспоповское согласие, *поморское*. В Поморье, в этих северных, малозаселенных и удаленных от Москвы, областях было мало храмов, не хватало священников, и люди годами оставались без причастия, а дети без крещения. Здесь сложилась практика совершения некоторых служб (утрени и вечерни, молебнов) без священника, благочестивыми и ревностными к вере мирянами (*наставниками*), что неизбежно приводило к появлению самочинных обрядов и обычаев. Потом беспоповцы с Выга объявили эту внецерковную практику «Поморским уставом».

В статье «Сохраним и укрепим древлеправославную веру!» из календаря Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 год так объясняется явление беспоповства, «руководителями в наших общинах стали наставники (настоятели). Являющиеся нехиротонисанными церковными пас-

тырями, исполняющими духовные обязанности в допустимых для мирян пределах... По Божью попущению истинное священство пало, его больше нет на земле... Наши предки осознавали нужду лишения церковных таинств, в первую очередь причащения и браковенчания. Почти до середины XVIII в. были надежды обрести благочестивого епископа за пределами России, но они оказались тщетными. Некогда православный Восток, поработенный турками, с помощью Запада даже ранее, чем Русь, стал уклоняться от Древле-православия. Однако примеры древней церкви давали надежду на душевное спасение и без видимого причащения, и они, уповая на милость Божию, стремились вести благочестивую жизнь, строго соблюдать посты, усердно молиться, чтобы Господь сподобил их причаститься невидимо. Со временем, беспристрастное рассмотрение Писания и церковной истории привело большинство к приемлемости безсвящен-нословного брака»³⁶.

У поповцев и беспоповцев есть еще люди, отвечающие за правильность толкования и цитирование духовных книг. Их называют *начетчиками* от слова «чтение». Это образованные, обладающие большой начитанностью люди, знатоки богословия, истории и церковного права.

К беседам начетчиков с миссионерами господствующей

церкви или между собой всегда проявлялся большой интерес. Послушать рассуждения о сущности и свойствах истинной Церкви, о церковной иерархии, о приходе антихриста, о других важных предметах веры обычно собирался народ со всех окрестных мест. Начетчики съезжались на собеседования, привозя с собой на подводах целые горы тяжелых старинных книг. Это делалось для того, чтобы делать ссылку на ту или иную духовную книгу. Так, слепой начетчик А. Коновалов, который по необходимости должен был держать в голове целую «библиотеку», приводил с собой на беседы ученика, к которому по мере необходимости обращался: раскрой такую-то книгу на таком-то листе и читай такое-то место.

Безусловно, самым известным старообрядческим начетчиком был и остается Федор Мельников. С юных лет он принимал участие в религиозных спорах с противниками Старообрядческой церкви и всегда выходил победителем. После того, как власть в 1917 году в России захватили коммунисты, Мельников стал выступать с лекциями против коммунизма и безбожия. За это он был заочно приговорен к расстрелу и был вынужден скрываться в сибирской тайге, а затем тайно бежать в Румынию. Перу Мельникова принадлежит множество интересных книг в защиту старообрядчества, в том числе «Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви».

Большой интерес для старообрядцев представляет собой

и запись бесед Ф. Мельникова и Д. Варакина с беспоповским начетчиком Л. Пичугиным. Беседы продолжались 4 дня и проходили в мае 1909 года в центре Москвы, в зале Политехнического музея. Газеты того времени с восторгом писали, что глубокие познания старообрядческих начетчиков в церковной истории и канонах, их полемическое искусство поразили москвичей и вызвали небывалый всплеск интереса к старообрядческому богословию.

Впервые идеология беспоповства была оглашена на соборе в Новгороде в 1692 году, где вождем беспоповцев выступал некий дьячок Феодосий Васильев.

С. Зеньковский так писал об этом соборе: «Это первое письменное высказывание беспоповщинских взглядов касалось частных, а не общих вопросов, и не являлось еще общей декларацией их взглядов на мир и на церковь, но и оно уже отчетливо показывало, как далеко от православия уходило радикальное крыло противников патриаршей, «никоновской» церкви. Прежде всего бросается в глаза, что при перечислении участников собора на первом месте были «учителя из простецов», а не духовные лица, перешедшие в их движение из православной церкви... Важным решением, принятым этим первым новгородским собором, было запрещение браков и чадорождения членами беспоповской церкви.

По их решению ввиду отсутствия благодати священства и таинств брак был невозможен, а внебрачное сожителство и рождение детей являлось грехом. Четвертой важной чертой этих решений было строгое запрещение общения членов беспоповской церкви с представителями окружающего их мира, будь это никониане, поповцы или иноверные. Кто не повиновался этому постановлению, тех было решено «из чину измотать и отлучать...

Более полная формулировка беспоповщинской веры была выработана уже через два года вторым новгородским собором беспоповцев, который собрался 3 июня 1694 года под руководством тех же наставников – Харитона Карпова или Карповича и Феодосия Васильева, который, видимо, уже тогда выдвигается на руководящее место в движении, и других новгородских отцов. Новый приговор состоял из двадцати вполне отчетливо составленных положений, из которых первое догматически было, конечно, самым важным. Оно гласило: «... по грехом нашим в кончину века достигохом, в няже и антихрист царствует в мире ныне, но царствует духовно в видимой церкви, седе на престоле Бога живаго, под именем инаго Исуса, показуя себя яко Бога, и тем, чрез воинство антихристово, раззоряющее церкви Божия, вся таинства ея истребил и всякую святыню омрачил и свое новодействие возстановил». Этим заявлением собор окончательно решал все недоумения беспоповцев, ожидавших пришествия Антихриста и конца мира. Теперь уже они говорили

не о «последнем отступлении» и неминуемой победе Антихриста, вслед за которой должно было быть второе пришествие Христа, а об окончательном воцарении Антихриста в мире. Не дождавшись в 1692 или, по их исчислению, 7200 году от «сотворения мира» конца видимой вселенной, новгородские отцы теперь определяли, что умственный (духовный, нечеловек) Антихрист уже пришел и что он царствует в патриаршей церкви, которая вместе с поддерживающим ее государством сделалась «воинством антихристовым». Благодаря иссякла, священство прекратилось и вместе с ним прекращались и таинства евхаристии и брака, совершаемые священством. Поэтому могли оставаться только таинства крещения и исповеди, которые и по учению православной церкви в отсутствие священства в особо тяжелых и исключительных условиях могли совершаться и мирянами.

Но так как таинство крещения, совершенное «никонианцами», делалось теперь в глазах беспоповцев недействительным, то собор категорически предписывал (пол. 2-е и 3-е) перекрещивать всех тех, кто захотел бы перейти из «никонианской» церкви или поповства или иного иноверия в беспоповщину.

Положения 4-е до 17-го этого приговора занимались вопросом безбрачия, которое становилось обязательным для беспоповцев. «Брачное супружество совершенно отвергать законополагаем, – решали новгородские отцы, – почему и обязываем и законополагаем: всем нашего братского сосло-

вия жить девственно и соблюдать себя как можно от совокупления с женами». Нарушающие эти правила подвергались епитемии и временному отлучению от церкви, но после третьего нарушения девственности «блудодействующие» окончательно отлучались «от соединения церковного и братского союза». Прежние, заключенные до перехода в беспоповский «союз и братство» браки объявлялись недействительными, так как весь свет и русское царство, в частности, «православного священства в конец лишились».

Положения 18-е и 19-е предписывали особый обряд очищения еды, купленной «на торгу», то есть не у беспоповцев, а последнее 20-е решение собора предписывало строго выполнять все составленные соборными отцами правила.

Решения новгородских беспоповских соборов только подводили итоги всей предыдущей проповеди русских религиозных радикалов пессимизма»³⁷.

Новгородские беспоповцы помимо безбрачия проповедовали и самосожжение во имя спасения души от греховного мира. Несмотря на всю радикальность и странность их учения, которое поклонение обряду ставило выше самого содержания православия, эти учителя очищения душ огнем гарей имели широкий успех в среде крестьян и посадских людей Севера.

Отсюда возникает вопрос. Почему крестьянское и посадское население русского Севера оставляет свои церковные приходы и уходит в беспоповский старообрядческий раскол?

Во многом это объясняется малым числом священников в этих местах, а главное нерадением в выполнении священнических обязанностей. Как писал С. Зеньковский, «...позже, в 1628 году, во всех обширнейших Заонежских погостах было всего лишь 12 церквей при 9 поповских дворах, что показывало, что у властей и надежд не было найти достаточно священников для всех храмов. В более близком к Новгороду погосте Олонецком было 7 поповских дворов при 9 церквах, а в Пиржинском и Важинском – всего 3 храма при 2 поповских дворах. Недостаточное число священников вело к злоупотреблениям и сборам населения за требы. Очень интересен в этом отношении отчет о причинах большого беспоповского похода 1693 года на Пудожский погост, происшедшего в разгар гарей и борьбы против церковных новшеств. Жалуясь на своих священников, крестьяне говорили, что «нас, мирских людей, те Пудожские попы не исповедуют, не причащают, к болящим не ходят, и родительницы без покаяния умирают. За погребение умерших берут по 2, по 3 и по 5 рублей, а у кого деньги не имеются, те лежат без погребения, и попы забыв страх Божий, пьют только да бражничают. За крещение, за молитву родильницам, за сватьбу берут попы в четверо». Немудрено, что обозленное и привыкшее обходиться без духовенства население легко пошло за проповедью беспоповцев, которые сами безвозмездно совершали требы и учили, что «последовавшие за антихристом» иереи вовсе не являются носителями благодати. Вожди этого по-

хода простецы Журавский и Зайцев перекрещивали сразу по 20-30 человек, а на одной «Ердани» Журавского в беспоповство перешли даже 77 перекрестников. Вот почему на этой древней православной, но церковно скудной почве легко возросли семена беспоповской веры»³⁸.

Одним из догматов раннего беспоповства, как уже говорилось, была проповедь самосожжения. В огне гарей беспоповцы искали спасение от пораженного грехом сего мира и воздаяние в «сладчайшей» жизни загробной. В период с 1682 по 1692 гг. учителями самосожжения было организовано на севере России несколько грандиозных гарей. Так, в 1687 г. некий черный дьякон Игнатий, бежавший из Соловецкого монастыря, захватывает со своими приверженцами Палеостровский монастырь и при появлении правительственных войск сжигает две с половиной тысячи добровольных жертв и сам гибнет с ними. Через полтора года здесь же гибнет еще полторы тысячи людей. По старообрядческому преданию по приказанию Никона здесь был убит или сожжен первый мученик за старую веру епископ Павел Коломенский. В Пошехонье некий поп Семен сжигает вначале 4 тысячи, а потом еще 5 тысяч человек. Далее сухая статистика говорит, что в «Кореле», в лесу, сожглись около пяти-сот человек, а в Совдозере, тоже в Карелии, сожглись около

трехсот человек, в Олонце в 1687 г. сгорело около тысячи человек. Наряду с этими грандиозными самоубийственными аутодафе были десятки, а может быть, и сотни меньших гарей, в которых каждый раз погибало от нескольких десятков до нескольких сот человек. Таким образом, в 1682-1692 гг. зловещим пламенем озарились северные леса вокруг Онежского озера и территории между Онегой и Белым морем.

С. Зеньковский писал: «Какой-то дикий и страшный энтузиазм смерти и самоуничтожения охватывал увлеченных апокалиптическими вождями и приверженных старому обряду жителей Севера. Участники гарей, обнявшись, прыгали с крыш верхних горенок изб в пламя костров. Охвативши друг друга, девушки с разбегу бросались в огонь, дети тянули в огонь родных, отцы и матери шли на гари с младенцами на руках. Василий Волосатый не только водил свои жертвы на костры, но и уговаривал замаривать себя голодом; некоторые бросались целыми семьями в реки. Многие, ожидая с часу на час, особенно в 1666, 1667, 1691 и 1692 годах, окончания мира, ложились в гробы, чтобы встретить Страшный суд на смертном ложе»³⁹.

Казалось, что гари уже к началу XVIII века положат конец беспоповщины Новгорода, Пскова и других центров русского северо-запада. Но вот в 1996 г. Феодосий Васильев, один из главных отцов новгородских соборов, ушел со своей семьей и приверженцами из России в Литву, где и обосновался около Невеля. Там, на свободе от царских и патри-

арших властей, он организовал бракорборную общину, давшую основание *федосеевской беспоповщине*, или в просторечии *федосеевщине*. Община существовала как общежительная коммуна, где было 600 мужчин и 700 женщин со строгим уставом и беспрекословным подчинением наставнику Феодосию. Местные польские и католические власти к федосеевцам относились снисходительно, но в 1709 г. община была разграблена и разорена польскими солдатами из-за опасения, что федосеевцы поддержат Карла XII в войне с Россией и Польшей.

Феодосий возвращается в Россию, где совершенно неожиданно находит могущественного покровителя в лице тогда почти всесильного Меньшикова, который и исхлопотал у царя разрешение для невельских эмигрантов вернуться на родину. С позволения Петра община Феодосия переселилась под Псков, где и поселилась на так называемой Ряпиной Мызе.

Однако судьба бывает переменчива. Несмотря на заступничество влиятельного любимца царя, Феодосий был задержан церковными властями; вскоре его надломленные странствованиями и постом здоровье пошатнулось, и он скончался в заточении (1710 г.). Через несколько лет его община, находившаяся все еще на Ряпиной Мызе, распадается.

Но *федосеевщина* пережила своего основателя и в конце XVIII и начале XIX века вновь возрождается и становится одним из самых сильных и влиятельных согласий не только

среди беспоповцев, но, может быть, даже во всем русском старообрядчестве.

Одновременно с федосеевским возникло и *поморское согласие* беспоповцев.

«Несколько другой характер, чем в Новгороде и в ранних федосеевских общинах, приняло развитие беспоповщины на крайнем севере Руси, в Поморье, — пишет С. Зеньковский. — Как это ни странно, но там, в глуши северных лесных дебрей и болот, в пустынях этого бесконечного и малозаселенного многоозерного и богатого реками края русская историческая традиция и верность древнему церковному преданию оказалась гораздо крепче, чем среди беспоповцев стариннейших русских городов северо-запада во главе с бывшим Господином Великим Новгородом. Может быть, это явление можно объяснить тем, что в иноческих скитах Поморья социальная сторона русского церковного движения протеста играла значительно меньшую роль, чем в посадской городской среде старых поселений северо-запада, да к тому же Поморье было гораздо менее доступно возможным духовным влияниям соседних протестантских стран, чем Новгород или Псков. Поморское беспоповское движение развилось на старинной земле русских монашеских скитов, что лежала между озером Онегой и Белым морем, вернее, Онежской же губой это-

го моря. Там по озерам, рекам и речкам шла древняя дорога из Новгорода на Онегу и Соловки, в то время как с юга к этой дороге примыкала другая – из Москвы, тоже на Онегу, Соловки и Белое море, но через Тверь или Вологду»⁴⁰.

Основателями поморского согласия считают Данила Викулина (1653-1733) и Андрея Денисова (1672-1730), которого старообрядцы считают одним из последних отпрысков рода князей Мышецких. Ими в 1694 году на территории современной Карелии на берегу реки Выг, которая впадает в Белое море, был основан один из самых больших и старых старообрядческих монастырей – Выговское общежительство. Здесь, на Выге, уже около полутора десятка лет проживал знаменитый своим опытом и летами инок Корнилий, который скончался как раз через год после переселения туда Викулина и Денисова, достигнув в 1695 г. ста двадцати пяти лет. Корнилий после собора 1667 г. сделался не только упорным противником никонианства, но и настойчивым бракоборцем. Он благословил Викулина и Андрея Денисова продолжать его дело.

Благодаря усилиям и способностям обоих основателей Выговского поселения их обитель уже в течение двух последующих десятилетий стала ведущей не только в Поморье и беспоповщине в целом, но и во всем русском старообрядчестве. Викулин занимался организацией самого общежития, а Андрей Денисов и его брат Семен (1682-1741) стали известны как выдающиеся богословы, историки, основатели выгов-

ской литературной школы.

Андрей Денисов составил объяснения «старой веры» в так называемых «Поморских ответах», а Семен Денисов в лирическом произведении «Виноград Российский» описал историю дониконовской Руси. В частности, Андрей Денисов разработал учение об огнепальном причастии. Таинство причастия возможно и нужно, считал он, но так как в прямом исполнении ввиду отсутствия правильных священнослужителей оно не возможно, то существует духовное или огнепальное причастие, т. е. те, которые страстно желают причаститься, но, не имея возможности получить св. Дары, все же мистически общаются с Христом. Денисов приводит в пример ряд святых, которые мистически так причащались: Мария Египетская, св. Феоктиста, преп. Петр Афонский и др.

В Выговской общине вся власть принадлежала грамотным энергичным мирянам. Настоятелем монастыря был так называемый большак, выборный старец. На Выге были заведены строгие правила: жесткая дисциплина, отвержение своей воли, непрерывная борьба с плотью, сводящая к минимуму даже необходимые потребности, отказ от личного имущества. Было запрещено отдельно от всех принимать пищу. Здесь был составлен свой богослужебный устав, так называемый *Поморский устав*. В нем помимо отрицания существования истинного священства и соответственно отрицание таинства причастия (кроме огнепального), было еще не принятие таинства брака. Если нет истинного священства, то не

может быть и освященного брака. Поморцы беспоповцы Выговской общины принимали к себе новоженцов только после покаяния и епитимии. Соответственно мужчины и женщины в ранней Выговской общине жили как монашествующие.

Одновременно с успехами на духовном поприще выговцы развивали успешную хлебную торговлю, судоходство, добывали руду, плавил металл, выделывали полотно, писали иконы и рукописные книги для Севера. К середине XIX века Выговский монастырь и все окрестные поселения старообрядцев были уничтожены по приказу властей.

В XVIII веке общины беспоповцев поморского согласия именовались, как не приемлющих священства и брака. Но так как остро стоял вопрос о продолжении рода и сохранения христианской семьи, то у поморцев появилось учение о бессвященнословном браке. Возникло убеждение, что Бог может подать свои дары благодати и освятить брак по вере брачующихся пар. Чин бракосочетания стали совершать в поморских храмах (общинных моленных) наставники, или лица, исполняющие их обязанности, а такие общины стали называться приемлющие брак.

Так, в конце XVIII века из Поморского согласия выходят так называемые *новопоморцы*, которые вернулись к принципу признания необходимости брака. Вот, что о них пишет С. Зеньковский: «Беспоповство, в частности поморцы, дали основание другим гораздо более умеренным толкам. Так, в 1730-х годах сами поморцы ввели уже молитву за царя,

в то время как в 1690-х годах их съезд провозглашал, что они свободные люди евангельской веры и за царя не молятся. В 1740-х годах стародубский поморец Иван Алексеев (1718-1776) начал проповедовать возвращение к браку, изложив свое учение в обширном сочинении «Тайна брака», и вскоре вокруг него образовалось целое согласие новожен или новопоморцев, которые признавали брак, освященный наставником общины. Значительная часть этих новожен или новопоморцев присоединилась к поповцам после того, как последние в 1840-х годах восстановили иерархию и уже свое, а не бегствующее из никонианской церкви священство. Да и из других согласий во второй половине прошлого и в начале этого веков большое число беспоповцев перешло в поповщину, радуясь восстановлению полноты церковной жизни в старообрядчестве»⁴¹.

Но как всегда бывает в таких случаях, кто-то оставался упорным бракоборцем и беспоповцем, а значит, от поморского согласия откалывались новые толки и согласия, например, так называемые филипповцы, о коих и им подобных будет сказано нише.

В русской дореволюционной литературе не так много написано про старообрядцев. Считается, что о раскольничьем быте много можно узнать по произведениям Павла

Ивановича Мельникова-Печерского (1818-1883). Многими этот писатель воспринимался как один из авторитетных авторов данной тематики. Но, по мнению старообрядцев, ввиду его должности (как начальник статистической экспедиции он принимал непосредственное участие в преследованиях старообрядцев, в том числе в разорениях старообрядческих скитов и молелен в Нижегородском крае) многие сделанные им описания старообрядческой среды и нравов носят тенденциозный характер, что отражено в ряде архивных и филологических исследований.

Можно упомянуть также Николая Сергеевича Лескова (1831-1895), его произведение «Запечатанный ангел», повествовавшее о чуде, приведшем раскольничью общину к единению с православием.

Что касается художественных произведений описывающих историю Раскола XVII века то, здесь можно назвать только два произведения – это дореволюционный роман Д.Л. Мордовцева «Великий раскол», впервые опубликованный в 1880 году в журнале «Русская мысль» и современный роман в трех книгах Владимира Личутина «Раскол».

Но, пожалуй, наиболее правдиво о старообрядцах писал Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954), известный писатель-натуралист и путешественник. В одном из первых своих произведений «В краю непуганых птиц», опубликованном в 1907 г., целую главу он посвятил Выговской пустыни. Вот наиболее характерные выдержки из нее.

«Соловецкий монастырь для Выговского края когда-то был такой же святыней и экономическим центром, как стал потом Даниловский (Выговская пустынь). Вот почему ужас, трепет охватил всех, когда в январе 1676 года войска проникли в осажденный, ставший раскольничьим Соловецкий монастырь. Виновники были наказаны беспощадно: сотни казненных были брошены на лед.

В это время на Севере почти непрерывная ночь. И словно над всею русскою землею на десятки лет повисла такая же беспросветная, страшная ночь. Глядеть в эту бездну тьмы – страшно. Что там видно? Сожжение еретиков, костры саможигателей? А может быть, уже начинается? Может быть, уже горит небо и земля, архангел затрубит, и настанет страшный, последний суд! Казалось, что вся вселенная содрогается, колеблется, погибает от диавола. Он, этот диавол, «злосознанный, страшный черный змий» явился. Сбывалось все, что было предсказано в апокалипсисе. Верующие бросали все свои земные дела, ложились в гробы и пели;

Деревянен гроб сосновый,

Ради мене строен,

В нем буду лежати,

Трубна гласа ждати;

Ангелы вострубят,

Из гроба возбудят...

А на покинутых полях бродила скотина и жалобно мычала. Но этот ужас перед концом мира был только в бессиль-

ной душе человека. Природа по-прежнему оставалась спокойной, звезды не падали с неба, светили луна и солнце. И так годы шли за годами. Над человеком будто кто-то смеялся.

Гонения все усиливались. Правительство Софьи издало указ: всех нераскаявшихся раскольников жечь в срубах. Тем, кто отказывался причащаться, вкладывали в рот кляп и причащали силой. Оставалось умереть или бежать в пустыню.

А в пустынях Выговского края беглецы встречали радушный прием. Там, у озер, в лесных избушках жили старцы, рубили лес, жгли его и, раскопав землю *копорюгой*, сеяли хлеб, ловили рыбу. Эти старцы иногда выходили из леса и учили народ. Они учили его старинному дониконовскому благочестию и рисовали ему ужасы наступающего страшного суда. Народ их слушал и понимал, потому что здесь он издавна привык к таким учителям»⁴².

М. Пришвин повествует не только об отцах основателях Выговской пустыни, Даниле Викуличе и Андрее Мышецком, но и об их предшественниках: Игнатии Соловецком, сжегшем в Палеостровском монастыре себя и вместе с собой три тысячи раскольников, старцах-отшельниках Захарии и Корнилии. «Корнилий, – писал М. Пришвин, – не только советовал им, но настойчиво убеждал и благословлял переселиться к Захарию на Выг. Он предсказывал для Выговской пустыни блестящее будущее: «Места эти распространятся и прославятся во всех концах. По умножении же поселятся с матуш-

ками и с детками, с коровушками и с люлечками». Вообще Корнилий был полною противоположностью ученому ригористу фанатику Игнатию, он проповедовал мирный, здоровый труд, простоту, любовь к людям. Когда, вернувшись к братии, Данил и Андрей передали им ответ Корнилия, то все были очень рады. Но скоро пришел и сам Корнилий, чтобы благословить их. Все собрались вместе, помолились и тут же принялись за работу. Так основалось Выговское общежитие (в 1695 году)»⁴³.

Обитель устроилась в трудах и постоянной борьбе с суровой северной природой, пережила она и «зяблые годы», т. е. холодные, неурожайные. Выжила Выговская пустынь и когда в 50 верстах от нее прошел Петр I, прокладывая «Осудареву дорогу» из Белого в Балтийской море.

«Когда Петр Великий, в котором раскольники видели антихриста, – пишет М. Пришвин – появился в выговских дебрях, то их охватил такой ужас, что некоторые хотели бежать, а некоторые, по примеру отцов, принять огненное страдание. В часовне уже были приготовлены смола и хворост. Все пребывали в неустанной молитве и посте.

При переправе через Выг Петру, конечно, донесли, что тут недалеко живут раскольники.

– А подати платят? – спросил он.

– Подати платят, народ трудолюбивый, – отвечали ему.

– Пусть живут, – сказал Петр.

«И проехал смирно, яко отец отечества благоутробней-

ший», – радостно повествует скоропишущая трость Ивана Филиппова.

Точно так же и против Пигматки донесли Петру о пустынныхиках, но он опять сказал: «Пускай живут». «И вси умолчаша, и никто же смеяше не точию что творить, но и глаголати».

Но Петр не забыл о пустынныхиках. Вскоре в Повенце был князь Меншиков для устройства железодельного завода. Место завода было выбрано возле Онего на реке Повенчанке, а в Выговскую пустынь был послан указ, в котором говорилось: «Его императорскому величеству для Шведской войны нужно оружие, для этого устраивается завод, выговцы должны исполнять работы и всячески содействовать заводу, а за это им дается свобода жить в Выговской пустыни и совершать службу по старым книгам».

Пустынные согласились. Это была первая крупная уступка миру, ради удобств совместной жизни. Раскольники должны были изготовлять оружие, которое прокладывало путь в Европу. Этим они покупали свободу. «И с того времени начала Выговская пустынь быть под игом работ его императорского величества и Повенецких заводов»⁴⁴.

Так на примере истории Выговской пустыни, М.Пришвин показывает историю взаимоотношений государства с русским старообрядчеством. «По приказу Петра, – пишет он, – раскольники изготовляли оружие для войны. Потом, во время господства иноземцев при Анне Иоанновне, когда на вы-

говцев посылались целый ряд правительственных кар, они согласились даже молиться за царя. То же и относительно брака. При невозможности устранить соприкосновение «сена» с «огнем» решено было желающих вести семейную жизнь отправлять в скиты, а потом и вовсе признали брак. По мере того как выговцы богатели, они теряли совершенно характер мрачных аскетов. Вот почему на всем протяжении короткой истории общежития поморского согласия от него отделился целый ряд более радикальных беспоповских фракций: федосеевцы, филипповцы и другие.

Из этих жизненных фактов, казалось бы, сама собою должна вытекать немудреная политика и по отношению к выговцам. Правительство иногда понимало это. Особенно хорошо жилось раскольникам во время царствования Екатерины II. В это время был даже уничтожен установленный Петром I двойной оклад податей. По этому поводу один из современников Екатерины пишет: «Прежде все раскольники платили двойной оклад, но в наш благополучный век, когда совесть и мысль развязаны, двойные подати с них уничтожены».

Благополучно просуществовала Выгореция вплоть до суровых николаевских времен, когда, совершенно не считаясь ни с интимными сторонами народного духа, ни с экономическим значением общины в таком глухом краю, правительство ее уничтожило. Дамоклов меч опустился именно тогда, когда раскольники были только полезны...

7 мая 1857 года, как рассказывает Е. Барсов (автор книги «Акты, относящиеся к истории раскола XVIII в., изданной в 1889 г., авт. ред.), «выговцы собрались вечером в часовню на всюнощную ко дню Иоанна Богослова. Большак вынес из келий свою икону, чтобы петь перед ней величание, в это время чиновник Смирнов со становым приставом, волостным головой и понятыми, явился в часовню, объявил собравшимся, чтобы прекратили служение и вышли вон; потом запечатал часовню и приставил к ней караул». Наутро «целые горы икон, крестов, книг, складней были навалены и увезены неизвестно куда». Говорят, что чиновники нарочно садились на воза, чтобы показать свое презрение к тому, на чем сидели. Часовни и другие здания потом были сломаны на глазах раскольников.

– А слышали вы, – спросил я старика-раскольника, – о манифесте, данном семнадцатого октября, о свободе совести?

– Как же, слышали, слышали, – отвечал старик – спасибо государю, он милостивый. – А потом в раздумье прибавил: – Да только на что ж теперь свобода? Теперь уж нам не подняться»⁴⁵.

«И все это удивительное создание самостоятельного народного духа, просуществовав более полутора века лет, погибло без следа, – пишет в заключение М. Пришвин. Картину прежнего величия можно себе нарисовать теперь лишь с помощью книг, рассказов стариков, свидетелей прежнего благополучия, наконец по множеству вещей, икон, рисун-

ков, книг, которые встречаются особенно часто у заонежских крестьян.

Эти даниловские вещи находили даже за тысячи верст, на далекой Печоре...

На месте когда-то цветущего городка теперь жалкое село-волость; в нем есть православная церковь, живут попик и диакон, писарь, старшина. Можно и не обратить внимания на полуразрушенные ворота на берегу Выга, несколько раскольничьих могил на кладбище и несколько старых даниловских домов. Впрочем, старичок Лубаков, бывший когда-то, кажется, нарядником, а теперь по традиции называемый большаком, может еще порассказать о былой славе Выгореции: со слезами передает он путешественнику о всех ненужных жестокостях при разрушении народной святыни.

Вообще нельзя сказать, что было труднее раскольникам: победить ли суровую природу Выговского края, или уметь избежать падения постоянно висевшего над ними дамоклова меча в лице правительства»⁴⁶.

Распад беспоповщины на отдельные согласия не ограничился расхождением северного раскола на радикальных федосеевцев и умеренных поморцев. Беспоповщина стала быстро делиться на все более и более мелкие толки, которые уже отличались друг от друга не основными и широки-

ми установками в отношении церкви и проблемы благодати, а второстепенными различиями в толковании отдельных обрядов или деталей устава.

В конце XVIII и в начале XIX века из федосеевского согласия выделилось несколько направлений, отказавшихся от учения о безбрачии. Эти толки получили несколько названий: *аристовищины*, по имени их учителя Ариста, *польских* (в бывших областях Речи Посполитой), *рижских* (в городе Риге). Но ортодоксальное ядро федосеевцев продолжало упорствовать в учении о безбрачии и принимало новоженое только после разлучения супругов, шестинедельного поста и обязательства дальнейшего целомудрия. В Москве при Преображенском кладбище федосеевцами была основана большая община.

Преображенская старообрядческая община ведет свою историю с 1771 г., когда во время эпидемии чумы старообрядцам-беспоповцам под кладбище были переданы земли за Преображенской заставой. В дальнейшем около этого кладбища, получившего название Преображенского, и сложилась Преображенская община старообрядцев-беспоповцев, где, кстати, были не только федосеевцы, но и беспоповцы других согласий. Основателем этой общины считается купец И.А. Ковылин (ум. 1809).

Здесь была построена Успенская церковь. В начале XIX века на территории общины сформировались отдельные мужская и женская обители. В 1806 г. обители были обнесе-

ны каменными стенами с башенками. В 1811 г. была возведена Крестовоздвиженская церковь (церковь Воздвижения креста Господня). При Николае I в 1854 г. Успенская церковь была преобразована в единоверческую. Здесь был освящен придел св. Николая, по которому церковь стали называть Никольской. В 1866 г. на территории мужской обители был создан Никольский единоверческий монастырь. Оставшаяся у старообрядцев обитель стала называться Преображенским богадельным домом.

После Октябрьской революции Никольский единоверческий монастырь был закрыт, в помещениях монастыря разместились различные учреждения. В 1930-е годы была уничтожена значительная часть стен, окружавших обители. Часть территории бывшего монастыря была передана Преображенскому кладбищу. Существенно пострадала и старообрядческая община. Например, сейчас часть территории бывшего Преображенского богадельного дома занимает Преображенский рынок.

Вместе с тем, в настоящее время Преображенская старообрядческая община вновь возродилась. Сейчас она занимает почти все корпуса бывшего Преображенского богадельного дома и Крестовоздвиженскую церковь.

Как писал С. Зеньковский, «...поморцы со временем ста-

ли распасться на толки: первыми из поморства выделились непримиримые *филипповцы*, названные так по имени бывшего стрельца Фотия Васильева, в монашестве Филиппа, который после смерти Андрея Денисова захотел стать главой Выгорецкой киновии и оспаривал руководство ею у брата Андрея Семена Денисова. Филипповцы во главе со своим фанатичным основателем согласия отличались более радикальным мировоззрением, чем поморцы, возвели самосжигание в догму как способ очищения души от грехов путем огнеопальной смерти, отказывались молиться за царя, остались твердыми бракорборцами и постепенно приблизились в своем учении к проповеди Феодосия. В 1743 году, когда отряд правительственных войск хотел арестовать Филиппа, то «тот собрався со своими последователями, числом семьдесят человек, обоего полу прописными, и запершися, згоре совсем». Вслед за Филиппом в огне гарей погиб его ученик Терентий со своими последователями, а затем и другие филипповские учителя. По наблюдению историков, ни в одном беспоповщинском согласии не было столько случаев самоумерщвления, как среди мрачных и непреклонных филипповцев. Кроме того, в то время как представители других согласий все чаще и чаще встречались с «никонианами» и другими иноверными, филипповцы оставались «крепкими христианами», непримиримыми противниками сношений с внешним миром и резкими критиками существовавшего строя России. Число филипповцев оставалось все же

незначительным, и их общины в течение прошлого столетия существовали главным образом в Олонецкой и Архангельской губерниях, в обеих столицах, в селе Кимры Тверской губернии и наконец, в древнем городе Угличе, в котором в начале XIX века их соборы неоднократно собирались»⁴⁷.

Ко всему сказанному можно добавить, что Иваном Филипповым (1655-1743) была написана книга «История Выговской старообрядческой пустыни» – первое историко-религиозное исследование старообрядчества в России. Эта книга последний раз издавалась в 1862 году и с тех пор не переиздавалась. Михаил Пришвин в своей книге «В краю непуганых птиц», в главе, посвященной описанию Выговской пустыни, главным образом опирался именно на эту книгу.

Но, несмотря на всю радикальность филипповцев, нашлись проповедники, которые и их считали соглашателями. Так в начале второй половины XVIII века появился бывший солдат из Переяславля Залесского некий Евфимий. Он обвинил филипповцев, с которыми он одно время жил в Москве, в том, что они платят налоги, появляются в коронном суде, выбирают паспорта и хоронят своих покойников на православных церковных кладбищах.

«Решив, что Антихрист не духовное явление, т.е. не совокупность «последнего отступления», гонений, исправления

книг и других никонианских заблуждений, а определенная физическая личность, он [Евфимий] объявил, что им был давно умерший император Петр I. «Апокалипсический зверь – есть царская власть, икона его – власть гражданская, дело его – власть духовная», – учил этот новый проповедник богословских и общественных крайностей. Поэтому, по учению Евфимия, надо порвать всякую связь с обществом и государством, не брать паспортов, не идти на военную службу, не обращаться в суд, не платить налоги. «Достоить таиться и бегать», то есть не иметь дома, семьи, а только постоянно скрываться и избегать всякой связи с носящими печать Антихриста. В 1772 году Евфимий пришел к заключению, что подлинный «православный» должен сам принимать новое крещение и при этом сам себя крестить, чтобы быть уверенным, что никто, связанный с Антихристом, не участвует в его перекрещивании. Так зародился новый толк странников, или бегунов, который сначала развивался в знаменитом за столетие перед этим своими гарями Пошехонье и на юге Ярославской губернии. В отличие от филипповцев, которые учили, что от преследования властей надо спасаться в огне гарей, бегуны проповедовали, что от преследований надо просто бежать.

Бегуны никогда не были многочисленны, но последователи их все же быстро распространились в Костромской, Ярославской, Олонецкой и Владимирской губерниях и в Западной Сибири. Секта эта, по всей вероятности, существует и

поныне, но особенно активна она стала во время преследований старообрядчества при Николае I. «Ваш господин, император, есть представитель власти антихриста, как потомок Петра Великого», «власть царя над собою не почитаю», «христианином его [царя] не признаю», «царя и власти считаю нужными, но того кто повелевает христиан держать в тюрьмах, за царя не почитаю, а за мучителя», – заявляли в 1840-х годах пойманные полицией странники. Одним из последних хорошо известных бегунов, может быть потому с восторгом принявших в 1917 году революцию и советскую власть, был талантливый поэт Клюев, сам проводивший немало времени в странствованиях по России и за границей» – пишет о бегунах С. Зеньковский⁴⁸.

Среди крестьян и, в меньшей степени, мещан среднего Поволжья, от Вязниковских и Нижегородских пределов до Саратовщины была распространена так называемая *нетовщина*, или Спасово согласие, которую С. Зеньковский вообще выносит за скобки беспоповщины, считая нетовщину не старообрядческим толком. Основателями его были Козма Андреев (ум. в 1716 г.) и Козма Панфилов (ум. в 1714 г.). «Их учение было просто, – характеризовал его С. Зеньковский. – «Благодати Божией несть ни в церквях, ни в чтении, ни в пении [т. е. богослужении], ни в иконах, ни в какой ве-

щи, все взято на небо». Так как проповедники этой новой веры провозглашали несть внешним проявлениям церковной и духовной жизни и утверждали, что даже богослужение или общая молитва уже невозможны, то согласие присвоило себе название, или же было прозвано, нетовщина, а само учение своими негативными чертами со временем приблизилось к своеобразному религиозному и духовному агностицизму»⁵⁰.

«Нетовщина, – продолжал С. Зеньковский, – не очень четко примыкает к старообрядчеству. Обряд, старые книги, ограничение от никонианцев, характерные для беспоповцев и поповцев, видимо, мало захватывали нетовцев, которые своей религиозной индифферентностью скорее напоминают западного типа агностиков или скептиков XVIII века, чем подлинное старообрядчество. Из старообрядческих черт у них можно найти только двуперстное сложение и весьма неясные разговоры об Антихристе. Надежд у них на таинства как на путь к спасению нет, и поэтому нетовцы обычно для крещения или брака обращались к православным священникам, видимо, почитая оба обряда просто как регистрацию у ответственного «за акты гражданского состояния» лица. Крещение совершали иногда и родители, и повивальная бабка (бабушкино согласие), а иногда нетовцы и самокрестились, следуя учению какого-то Романа, учившего в 1700-1720-х годах... Отсутствие священства, частое отсутствие икон и двуперстие скорее всего напоминают учение Капитона и некоторых его учеников, но у нетовцев, как указывалось выше,

совсем нет фанатизма и горячей веры непосредственных последователей «лесных старцев»; у нетовцев скорее угасание веры, сведение ее к редким и очень несложным обрядам и индивидуальной молитве. Да и молитва не всегда может спасти, полагают нетовцы, только Спас знает, кто спасется и как спастись, и поэтому нетовцы иногда называют себя Спасовым согласиём или спасовцами. Это учение, что только Спас знает, кто спасется, а сам человек своему спасению помочь не может, несколько напоминает учение о предопределении, но вряд ли эта черта была заимствована ими из кальвинизма, скорее всего они просто пользовались подходящими для этого текстами из Евангелия»⁵¹.

После разгрома при Петре I раскольнических скитов в Керженских лесах, из области Волги нетовцы распространились на Урал, на Юг и в Сибирь, где они были довольно многочисленны в Томской губернии.

Состояние русского старообрядчества в начале

XX

века

Подводя итог развития движения русского старообрядчества в начале XX века, С. Зеньковский пишет: «Несмотря на многочисленность крупных и мелких старообрядческих согласий, число которых умножалось чуть ли не с каждым годом, в начале этого века, незадолго до революции 1917 года, сами старообрядцы насчитывали шесть основных группировок сторонников двуперстного знамения и древлего преда-

ния. Это были:

1. Поповцы, которые в свою очередь делились на мощное белокриницкое согласие, которое в 1846 году восстановило свой епископат и в котором перед революцией было больше половины всех старообрядцев с шестью или десятью миллионами прихожан; на беглопоповцев, продолжавших принимать иереев из «российской» церкви; и наконец на т. н. часовенных, которые были остатками тех поповцев, которые во времена старообрядческого погрома, предпринятого Николаем I, оказались без священников и с тех пор, считаясь формально поповцами, фактически остались без иереев.

2. Поморцы или новопоморцы, которые с конца XVIII века снова вернулись к принципиальному признанию необходимости брака и наставники которых давали благословение «новоженам» (полтора – два миллиона).

3. Старопоморцы и федосеевцы, не приемлющие брака, но фактически восстановившие семью в своих общинах. Часть их все же сопротивлялась всем попыткам восстановить семейное начало в своих общинах (два – два с половиной миллиона).

4. Филипповцы, не признававшие брака (общее число незначительно, несколько десятков, может быть, сто тысяч).

5. Бегуны-самокрещенцы, слившиеся с другими мелкими радикальными толками. (Число последователей не поддавалось учету, но вряд ли превосходило тысячи или немногие десятки тысяч.)

6. Нетовщина, или Спасово согласие, признавали брак в «великороссийской» церкви как регистрацию легального состояния (от одного до двух миллионов; ввиду их религиозной индифферентности нетовцы особенно трудно поддавались учету)»⁵².

Если взять статистику С. Зеньковского, то перед революцией в России проживало от 10 до 15 млн. старообрядцев. Но вот перепись населения Российской империи 1897 года насчитывает 2 млн. 204,5 тыс. старообрядцев, из них в пределах современной России – 1 млн. 682 тыс. человек. В отчете Обер-Прокурора Святейшего Синода за 1903-1904 гг. общая численность старообрядцев в Российской империи исчисляется в 1 млн. 984 тыс. чел. (в 1909 году – 1 млн. 900 тыс.), правда, отмечается, что данные, составленные на основе докладов епархиальных архиереев весьма условны.

Я думаю, что весьма условно число старообрядцев и по переписи населения 1897 г., далеко не все из них объявили себя старообрядцами, или просто избегали переписи, ведь Высочайший Указ «Об укреплении начал веротерпимости» появился только в 1905 году, и после него вряд ли число старообрядцев уменьшилось как того хотелось епархиальным архиереям.

С. Зеньковский определил шесть основных группировок старообрядчества на начало XX века. Однако помимо поповцев белокриницкого согласия и беглопоповцев, приемлющие священство из официальной церкви, были еще еди-

новерцы и, наконец, в 1923 году появилась, так называемая Новозыпковская иерархия (о ней речь будет вестись позже). А среди беспоповцев помимо новопоморцев, старопоморцев, федосеевцев, филиповцев, бегунов, спасовцев было множество мелких, экзотических согласий вроде, аристовцев, скрытников, дырников, часовенного, Ааронова, Пастухова, Любушково согласия и д.т. и п. д.

К числу беспоповских согласий в ряде случаев относили и относят некоторые псевдохристианские секты на том основании, что последователи этих сект также отвергают окормление официальным священством. К числу их можно отнести духоборов, молокан, хлыстов и другие сексты, возникшие на территорию России под западным влиянием.

Дырники (они же дыромоляи, щельники, окнопоклонники) – это старообрядческая группа беспоповцев-самокрещенцев, отличающихся от остальных старообрядцев в основном тем, что они отрицают иконы как осквернённые образа и молятся строго на восток, для чего в стенах домов проделывают отверстия, чтобы иметь возможность молиться в зимнее время. Данная группа является ответвлением нетовщины.

Почти во всех убеждениях дырники полностью согласны с остальными самокрещенцами, из среды которых и вышли,

за исключением некоторых отличий. Дырники не признают над собой религиозных наставников. Дырники не почитают икон, написанных после церковной реформы патриарха Никона, поскольку священники, рукоположённые до реформы уже умерли, а освятить «новые» иконы кроме них больше никто не может. Иконы же, написанные до реформы, дырники также не признают, поскольку считают их осквернёнными от принадлежности их «еретикам». Именно данные убеждения послужили поводом к принятию дырниками решения молиться в сторону востока.

Также у дырников отсутствуют специальные помещения для проведения богослужений (поскольку их также некому освятить), поэтому летом члены группы молятся под открытым небом, а зимой для этих целей проделывают в стенах своих домов специальные отверстия (дыры или окна). Поскольку молиться сквозь стену дома или сквозь застеклённое окно почитается дырниками за грех, отверстия закрываются специальными затычками.

Местом обитания дырников является Центральная Сибирь.

Владимир Соловьев в предисловии к своему философскому трактату «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» так описывает секту дырников, или дырмоляев, как он ее называет: «Много лет тому назад прочел я известие о новой религии, возникшей где-то в восточных губерниях. Эта религия, последователи которой назы-

вались *вертидырниками* или *дыромоляями*, состояла в том, что, просверлив в каком-нибудь темном углу в стене избы дыру средней величины, эти люди прикладывали к ней губы и много раз настойчиво повторяли: «*Изба моя, дыра моя, спаси меня!*» Никогда еще, кажется, предмет богопочитания не достигал такой крайней степени упрощения. Но если обоготворение обыкновенной крестьянской избы и просто-го, человеческими руками сделанного отверстия в ее стене есть явное заблуждение, то должно сказать, что это было заблуждение правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили в заблуждение; про избу они так и говорили: *изба*, и место, просверленное в ее стене, справедливо называли *дырой* ⁵³.

А вот другая экзотическая старообрядческая группа, вышедшая из поморского беспоповского согласия. Это *скрытники*. Они отрицают все материальное и духовное, что появилось в мире после раскола – книги, средства коммуникации, продукты (в том числе и введенные в обиход после раскола картофель и томаты), средства транспорта. Отвергаются также все предметы, имеющие знаки, которые могут быть истолкованы как «печать антихриста» (к примеру, денежные знаки и документы).

Скрытники ведут крайне замкнутый образ жизни и мини-

мизируют контакты с внешним миром.

В 1905 г. Михаил Пришвин, побывав на севере, оставил такие воспоминания о скрытниках в своей повести «В краю непуганых птиц»:

«В глухих, еще не тронутых топором лесах Архангельской губернии, в этих «пустынях» живут поодиночке в маленьких избушках или же небольшими группами пустынники, которые называются здесь скрытниками, или странниками. Полесник иногда наткнется на такую избушку в лесу у озера, постучится, войдет. Живет старичок или старушка, висят темные образа, старинные книги лежат на полочке, у стены кровать. Бывает и несколько избушек, иногда маленький огородик, где растет картофель. Полесник летом отдохнет у избушки, зимой обогреется. Он хорошо знает, что у этих людей нельзя спрашивать, кто они и откуда. Но по здешним местам это даже и не удивит никого. Живут себе люди, скрываются, спасаются.

Эта странническая секта стремится воспроизвести ту самую жизнь, которой жили первые выговские пионеры. Их учение так похоже на учение тех аскетов, что, кажется, будто бы и не было столетий опыта. Словно этих старцев рубка леса испугала и заставила перейти в более глухие места. Подойдет бревенная вывозка сюда, и они уйдут еще глубже в Архангельские леса вместе с медведями, лосями и оленями.

Хотя Выговская пустынь уничтожена и недавно, но выговцы, или поморцы, давно уже не были господами всей беспо-

повщины. По мере того как они вживались в общую жизнь и шли на соглашения с окружающей средой, от них отделялись те, которые не шли на уступки и основывали новые секты»⁵⁴.

Далее Пришвин приводит разговор с одними из таких скрытников по имени Муха:

«— Эх, Михайло,— говорил он, — есть гражданская наука, а есть душевная. Это тоже наука. Я тебе вот что скажу: что ты знаешь, того мы близко не знаем; что мы знаем, того ты близко не знаешь. А если ты хочешь по этому делу идти, то все узнаешь, мы тебе все укажем, на все дадим ответ. Я тебе не отвечу, найдутся умнее меня. Здесь не найдутся, из Ярославля ответ дадут, без ответа не оставим... Вот недавно в Каргополе беседа была, привезли полтораста пудов книг от нас и полтораста от них...

Такие беседы стало возможным для скрытников устраивать лишь после 17 Октября, а раньше было опасно. Старик рассказал мне, как однажды их собрали на беседу, да тут же перевязали и отправили в Сибирь.

— Мы благодарим государя, что дал свободу, мы по нем скорбим... Вот и Алексей Михайлович сначала какой был, а под конец жизни и покорился... Говорить стало свободнее, а из лесов выйти невозможно.

— Да почему же? — спросил я.

— А паспорта-то! Им же дадут петровские паспорта... Ведь Петр паспорта завел, а кто был Петр?..

Муха умолк и значительно посмотрел на меня. Петр был,

по мнению Мухи, антихрист.

Скрытники, по смыслу учения, конечно, не должны были иметь паспортов, и, таким образом, выйти из лесов, в самом деле, для них дело почти невозможное. Но не только паспорта им запрещены, а даже за простой ответ на вопрос «откулишний» полагается восемнадцатидневный пост, то есть – почти полное голодание...

– Ты говоришь: из лесов выйти. Хорошо, позовут нас к государю. Ведь тогда уж надо рассказать все... до конца... А разве он выдержит? Не-ет, брат, не выдержит. То же будет, что с соловецкими монахами, как их солдаты на лед выводили, да в ердан окунали, да за ребра вешали. И все тут видели, как ангельские душки в сорочицах на небо отлетали...»⁵⁵.

Западное влияние. Псевдохристианские секты

С. Зеньковский в последней главе своей книги «Русское старообрядчество» обращает внимание на появление параллельно со старообрядческими толками и согласиями различных сект, возникших под западным влиянием, а именно о так называемых *христовцах*, или *хлыстах*. Он пишет: «Помимо этих старообрядческих группировок, которые в основе все вели свое начало от великого раскола русской церкви в середине XVII века, почти одновременно, но независимо от старообрядчества зародилось и другое религиозное движение, возникшее, видимо, под влиянием западной мистической мысли и укрепившееся в стране уже в третьей четверти того же XVII века ввиду ослабления дисциплины и надзора церкви над паствой во время происходившей тогда на Руси религиозной смуты. Обрядовый и идеологический элементы мышления, столь характерные для старообрядчества, не играли роли в этом движении, ставшем известным под именем *христовщины*, а позже прозванным *хлыстовщиной*»⁵⁶.

В современной религиоведческой литературе как равнозначные используются термины «*хлысты*» («*хлыстовщина*») и «*христововеры*» («*христовщина*»). Наименование «*хлысты*» происходит от встречавшегося в их среде обря-

да самобичевания или от видоизмененного слова «христы», так как официальные духовные лица считали неприличным в названии секты употреблять имя Иисуса Христа. Христоверы (самоназвание – «люди Божьи», «Христова вера») учили, что Христос *уже во второй раз* пришел на землю, поэтому они верили, что Христос может вселиться в каждого человека, но для этого необходим строгий аскетизм и молитва в виде «радения», когда верующие приводят себя в состояние религиозного экстаза с целью соединения со Святым Духом.

Основателем секты хлыстов считается крестьянин Костромской губернии Данила Филиппович (Филиппов). Предание гласит, что в 1645 г. в Стародубской волости Муромского уезда Владимирской губернии, в приходе Егорьевском, на горе Городина, сокатил на землю сам Господь Саваоф и вселился в плоть Данилы Филипповича и дал людям 12 новых заповедей. В дальнейшем Данила Филиппович жил в Костроме и умер на сотом году жизни 1 января 1700 г. Так как по учению хлыстов Саваоф сошёл на землю лишь однажды, то преемники Данилы Филипповича были уже «Христами» (помимо христов-преемников в каждой общине также были свои христы). Первым Христом стал Иван Тимофеевич Суслов, проживавший в селе Павлов Перевоз Нижегородской губернии. Второй Христос – Прокопий Данилович Лупкин, живший сначала в Нижнем Новгороде, а позднее в Москве. При Христах были и «Богородицы»: имя

первой не известно, а вторую звали Акулина Ивановна. В 1716, 1721 и 1732 годах были возбуждены первые судебные дела о хлыстах. В 1739 г. Сенат постановил выкопать и сжечь тела Ивана Сулова и Прокопия Лупкина, ранее похороненные в Московском Ивановском женском монастыре, в котором они пользовались влиянием среди монашествующих.

О появлении этой секты писали еще в конце 1670-ых годов такие законоучителя Раскола, как дьяк Феодор, инок Авраамий и протопоп Аввакум. Аввакум Кондратьев еще не имея достаточных сведений о хлыстах дал правильное их толкование. «Как писал С. Зеньковский: «Протопоп писал Ионе в середине 70-х годов: «А иже держат Евангелие и Апостол, а святые иконы отмещут, то явные фряги [то есть западного учения] есть, сиречь немцы. И их вера такова: не приемлют святых семь собор[ов], ниже словес святых отец, ни иконного поклонения, но токмо Апостол и Евангелие, и евангелики глаголются, також лютерцы и кальвинцы. Священнический сан, иноческий отринувше; и баба и робя умеюще грамоте, то и поп у них». Не имея в своем далеком Пустозерске точной информации, Аввакум прежде всего обратил внимание на непоклонение иконам и наставничество женщин, которое было характерно для христовцев, имевших не только своих «христов» и «саваофов», но и «богородиц». Кроме того, Аввакум в своем послании предупреждал своих «верных» не только об опасностях христовской проповеди, но и выступал против учения протестантов, будь они после-

дователи сект мистического или рационалистического склада»⁵⁷.

У хлыстов существовали отдельные общины, которые назывались «кораблями». Они понимаются в качестве «внутренней», тайной церкви в отличие от «внешних» православных церквей. Эти корабли были совершенно независимы друг от друга. Во главе каждого стоит «кормщик», называемый также Богом, Христом, пророком, апостолом и т. п. Каждый кормщик в своем корабле пользуется неограниченной властью и громадным уважением.

Движение хлыстов с самого начала не было жестко централизовано, являясь своего рода ассоциацией независимых общин. Начиная со второй половины XVIII века, в среде хлыстов появляются обособленные течения, признающие Христом лишь своего единственного руководителя и четко отделявшие себя от иных общин.

С. Зеньковский пишет об исследовании некоего В. Фролова одной из хлыстовских общин, или «корабля», которую возглавлял некий Иван Нагой:

«Схематизируя учение христовской секты, Фролов пишет: «Сия же их пакостная ересь: 1. иконам не поклоняется, 2. своему учителю Ивану честь и поклон отдает, подобный яко Христу, 3. руку его целовали яко Христу, 4. свечи перед ним вжигали, 5. девку имели некую скверную за Богородицу, 6. за 12 апостолов имели мужиков простых, 7. ядуще нощию тайно от людей, 8. во одной келий темной жил мужеск пол и

женск..., 9. сей Иван Нагой дивы некия несказанныя мерзкия показоваше своим последователем, страшно иже писати...»⁵⁸.

Естественно, что такой вождизм в каждой общине приводил к расколу внутри движения хлыстов на множество сект и групп, враждующих друг с другом. Так, примерно в 1770 г. возникла секта *скопцов*, первыми проповедниками которой стали Андрей Петров Блохин и Кондратий Иванович Селиванов. Влияние Селиванова проникло и в дворянскую среду: в 1817 г. в Петербургском Михайловском дворце проходили радения «Духовного союза», созданного Екатериной Филипповной Татариновой.

В первой четверти XIX века возникло течение «постников» во главе с тамбовским крестьянином Аввакумом Ивановичем Копыловым, который возродил авторитет Библии и усилил пищевые запреты. В 1830-х годах из постничества выделилось объединение «Израиль» (позднее именовавшееся «Старый Израиль»), основатель которого Перфил Петрович Катасонов реформировал хлыстовщину, ограничив экстатическую обрядность и фактически узаконив брачный союз. После смерти Катасонова в 1886 г. В.Ф. Мокшин и особенно его преемник Василий Семенович Лубков создали наиболее реформированную разновидность хлыстовщины – «Новый Израиль», в котором были окончательно отменены экстатические обряды и формальные посещения православных служб.

Русскую общественность часто шокировали обрядами хлыстов. Богослужения хлыстов (радения) проходят ночью и состоят в самобичевании, кружении, при котором они доходят до состояния экстаза. По утверждениям некоторых письменных источников, в ряде кораблей радения (пусть и не каждый раз) заканчивались сексуальными и особенно гомосексуальными оргиями, так называемым «свальным грехом», что не вполне достоверно доказано. Во время радений исполнялись собственные духовные песни, являющиеся важным источником для понимания мировоззрения хлыстов.

О секте хлыстов можно прочесть в самом капитальном труде М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Вот диалог между Самгиным и некой Мариной Зотовой:

– Значит, ты... член сектантской организации?

– Я – кормщица корабля. Попы, по невежеству своему, зовут кормщиков – христами, кормщиц – богородицами. А организация есть церковь, и немалая, живет почти в четырех десятках губерний, в рассеянии, – покамест, до времени... Я ненавижу поповское православие, мой ум направлен на слияние всех наших общин – и сродных им – в одну. Я – христианство не люблю, – вот что! Если б люди твоей... касты, что ли, могли понять, что такое христианство, понять

его воздействие на силу воли...

Марина говорила вполголоса: Тогда Саваоф, в скорби и отчаянии, восстал против Духа и, обратив взор свой на тину материи, направил в нее злую похоть свою, отчего и родился сын в образе змия. Это есть – Ум, он же – Ложь и Христос, от него – всё зло мира и смерть. Так учили они...

«Это, конечно, мистическая чепуха, – думал Самгин, разглядывая Марину исподлобья, сквозь стекла очков. – Не может быть, чтоб она верила в это».

– И радость – радения о Духе – была убита умом...

– Радение? – спросил Самгин. – Это – кажется, нечто вроде афинских ночей или черной мессы?»⁵⁹.

Вскоре Самгину удалось в щелочку посмотреть на радения хлыстов. Вот как это описывает М. Горький:

«Стали входить люди – босые, с зажженными свечами в руках, в белых, длинных до щиколоток рубахах, подпоясанных чем-то неразличимым. Входили они парами, мужчина и женщина, держась за руки, свечи держали только женщины...

Марина вышла не очень эффектно..., шагнув вперед, она поклонилась, сказав:

– Здравствуйте, сестры и братья по духу!

Полсотни людей ответили нестройным гулом...

– Матушка, родимая, владычица духовная...

Каждый из них, поклоняясь Марине, кланялся всем братьям и снова – ей... Не разрывая полукруга, они бросали све-

чи за спины себе, в угол. Марина громко и сурово сказала:

– Так исчезнет свет ложный! Воспоем славу невидимому творцу всего видимого, великому духу!

В сумраке серый полукруг людей зашевелился, сомкнулся в круг. Запели нестройно, разноголосо и даже мрачно – на церковный мотив:

Пресветлому началу
Всякого рождения,
Единому существу,
Ему же нет равных
И вовеки не будет,
Поклоняемся духовно!
Ни о чем не молим,
Ничего не просим, –
Просим только света духа
Темноте земной души...

Круг людей медленно двигался справа налево, двигался всей массой и почти бесшумно, едва слышен был шорох подошв о дерево пола. Когда кончили петь, – заговорила Марина:

– Зажигайте огонь духовный!

У чана с водою встал Захарий, протянул над ним руки в широких рукавах и заговорил не своим, обычным, а неестественно высоким, вздрагивающим голосом:

– Сестры и братья, – четвертый раз мы собрались порадеть о духе святе, да снизойдет и воплотится пречистый свет! Во

тьме и мерзости живем и жаждем сошествия силы всех сил!

Круг вращался быстрее, ноги шаркали слышной и заглушали голос Захария.

– Отречемся благ земных и очистимся, – кричал он. – Любовью друг ко другу воспламеним сердца!

Плотное серое кольцо людей, вращаясь, как бы расталкивало, расширяло сумрак...

– Испепелится плоть – узы дьявола – и освободит дух наш из плена обольщений его, – выкрикивал Захарий, – его схватили, вовлекли в хоровод, а он всё еще кричал, и ему уже вторил тонкий, истерический голос женщины:

– Ой – дух! Ой – свят...

– Рано! – оглушительно рявкнул густой бас. – Куда суешься? Пустельга!

На место Захария встал лысый бородатый человек и загудел:

– Тут есть сестры-братья, которые первый раз с нами радуют о духе. И один человек усумнился: правильно ли Христа отрицаемся! Может, с ним и другие есть. Так дозвожь, кормица наша мудрая, я скажу.

Марина не пошевелилась, а круг пошел медленнее, но лысый, взмахнув руками, сказал:

– Ходите, ходите по воле! Голос мой далече слышен!

Он густо кашлянул и продолжал еще более сильно:

– Мы – бога во Христе отрицаемся, человека же – признаём! И был он, Христос, духовен человек, однако – соблазнил

его сатана, и нарек он себя сыном бога и царем правды. А для нас – несть бога, кроме духа! Мы – не мудрые, мы – простые. Мы так думаем, что истинно мудр тот, кого люди безумным признают, кто отменяет все веры, кроме веры в духа. Только дух – сам от себя, а все иные боги – от разума, от ухищрений его, и под именем Христа разум же скрыт, – разум церкви и власти...

Лысый оратор встал в цепь круга и трубным голосом крикнул:

– Шибче! Ой – дух, ой – свят!

– Ой свят, ой дух, – несогласно и не очень громко повторили десятки голосов, женские голоса звучали визгливо, раздражающе. Когда лысый втиснулся в цепь, он как бы покачнулся, приподнял от пола людей и придал вращению круга такую быстроту, что отдельные фигуры стали неразличимы, образовалось бесформенное, безрукое тело, – на нем, на хребте его подскакивали, качались волосатые головы; слышнее, более гулким стал мягкий топот босых ног; исступленнее вскрикивали женщины, нестройные крики эти становились ритмичнее, покрывали шум стонами:

– Ой – дух, ай – дух!

– Ух, ух, – угрюмо звучали глухие вздохи мужчин...

Самгин протер глаза платком, сняв очки, – без очков всё внизу показалось еще более бесформенным, более взбешенным и бурным. Он почувствовал, что этот гулкий вихрь вовлекает его, что тело его делает произвольные движения,

дрожат ноги, шевелятся плечи, он качается из стороны в сторону, и под ним поскрипывает пружина кресла...

В щель, в глаза его бил воздух – противно теплый, насыщенный запахом пота и пыли, – шуршал куском обоев над головой Самгина. Глаза его приковано остановились на светлом круге воды в чане, – вода покрылась рябью, кольцо света, отраженного ею, дрожало, а темное пятно в центре казалось неподвижным и уже не углубленным, а выпуклым...

Это было последнее, в чем он отдал себе отчет, – ему вдруг показалось, что темное пятно вспухло и образовало в центре чана вихорек. Это было видимо только краткий момент, две, три секунды, и это совпало с более сильным топотом ног, усилилась разноголосица криков, из тяжело охающих возгласов вырвался истерически ликующий, но и как бы испуганный вопль:

– И на-кати-ил, и нака-ти-ил...

Кто-то зарычал, подобно медведю:

– Ух, ух!

Кольцеобразное сероватое месиво вскипало всё яростнее; люди совершенно утратили человекоподобные формы, даже головы были почти неразличимы на этом облачном кольце, и казалось, что вихревое движение то приподнимает его в воздух, к мутненькому свету, то прижимает к темной массе под ногами людей. Ноги их тоже невидимы в трепете длинных одеяний, а то, что под ними, как бы волнообразно взбухает и опускается, точно палуба судна. Всё более живой и

крупной становилась рябь воды в чане, ярче – пятно света на ней, – оно дробилось; Самгин снова видел вихорек в центре темного круга на воде, не пытаясь убедить себя в том, что воображает, а не видит. Он чувствовал себя физически связанным с безголовым, безруким существом там, внизу; чувствовал, что бешеный вихрь людской в сумрачном, ограниченном пространстве отравляет его тоскливым удушьем, но смотрел и не мог закрыть глаз.

– Шибче, братья-сестры, шибче! – завыл голос женщины, и еще более пронзительно другой женский голос дважды выкрикнул незнакомое слово:

– Дхарма! Дхарма!

В круге людей возникло смятение, он спутался, разорвался, несколько фигур отскочили от него, две или три упали на пол; к чану подскочила маленькая коротковолосая женщина, – размахивая широкими рукавами рубахи, точно крыльями, она с невероятной быстротою понеслась вокруг чана, вскрикивая голосом чайки:

О, Аодахья! О, непобедимый!

Захарий, хватая людей за руки, воссоединил круг, снова придал вращению его бешеную скорость, – люди заохали, завыли тише; маленькая полуседая женщина подскакивала, всплескивая руками, изгибаясь, точно ныряя в воду, и, снова подпрыгивая, взвизгивала:

Дхарма! Дхарма! О, Чудомани. Солнечная птица. Пламень вечный!

Люди судорожно извивались, точно стремясь разорвать цепь своих рук; казалось, что с каждой секундой они кружатся всё быстрее и нет предела этой быстроте; они снова иступленно кричали, создавая облачный вихрь, он расширялся и суживался, делая сумрак светлее и темней; отдельные фигуры, взвизгивая и рыча, запрокидывались назад, как бы стремясь упасть на пол вверх лицом, но вихревое вращение круга дергало, выпрямляло их, – тогда они снова включались в серое тело, и казалось, что оно, как смерч, вздымается вверх выше и выше. Храп, рев, вой, визг прокалывал и разрезал острый, тонкий крик:

Дхарма-и-и-я...

Круг всё чаще разрывался, люди падали, тащились по полу, увлекаемые вращением серой массы, отрывались, отползали в сторону, в сумрак; круг сокращался, – некоторые, черпая горстями взволнованную воду в чане, брызгали ею в лицо друг другу и, сбитые с ног, падали. Упала и эта маленькая неестественно легкая старушка, – кто-то поднял ее на руки, вынес из круга и погрузил в темноту, точно в воду.

Самгин уже ни о чем не думал, даже как бы не чувствовал себя, но у него было ощущение, что он сидит на краю обрыва и его тянет броситься вниз. На Марину он не смотрел, помня памятью глаз, что она сидит неподвижно и выше всех. Глаза его привыкли к сумраку, он даже различал лица тех людей, которые вырвались из круга, упали и сидят, прислонясь к чану с водою. Он видел, как Захарий выхватил, вытолкнул

из круга Васю; этот большой человек широко размахнул руками, как бы встречая и желая обнять кого-то, его лицо улыбалось, сияло, когда он пошел по кругу, – очень красивое и гордое лицо. Плавно разводя руками, он заговорил, отрывисто и звучно, заглушая тяжелый шум и точно вспоминая слова забытые:

– Дух летит... Витает орел белокрылый. Огненный. Поет – слышите? Поет: испепелю! Да будет прахом!.. Прах – прахом... Кипит солнце. Орел небес. Радуйтесь! Низвергнет. Кто властитель ада? Человек.

Два голоса очень согласно запели:

Силою сил вооружимся,
Огненным духа кольцом окружимся,
Плавать кораблю над землею,
Небо ему парусом будет...

Круг пошел медленнее, шум стал тише, но люди падали на пол всё чаще, осталось на ногах десятка два; седой высокий человек, пошатываясь, встал на колени, взмахнул лохматой головой и дико, яростно закричал:

– Богам богиня – вонми, послушай – пора! Гибнет род человеческий. И – погибнет! Ты же еси... Утешь – в тебе спасение! Сойди...

Вскрикивая, он черпал горстями воду, плескал ее в сторону Марины, в лицо свое и на седую голову. Люди вставали с пола, поднимая друг друга за руки, под мышки, снова становились в круг, Захарий торопливо толкал их, устанавливал,

кричал что-то и вдруг, закрыв лицо ладонями, бросился на пол, – в круг вошла Марина, и люди снова бешено, с визгом, воем, стонами, завертелись, запрыгали, как бы стремясь оторваться от пола.

Самгин видел, как Марина, остановясь у чана, распахнула рубаху на груди и, зачерпнув воды горстями, облила сначала одну, потом другую грудь.

Вскочил Захарий и, вместе с высоким седым человеком, странно легко поднял ее, погрузил в чан, – вода выплеснулась через края и точно обожгла ноги людей, – они взвыли, закружились еще бешенее, снова падали, взвизгивая, тащились по полу, – Марина стояла в воде неподвижно, лицо у нее было тоже неподвижное, каменное. Самгину казалось, что он видит ее медные глаза, крепко сжатые губы, – вода доходила ей выше колен, руки она подняла над головой, и они не дрожали. Вот она заговорила, но в топоте и шуме голосов ее голос был не слышен, а круг снова разрывался, люди, отлетая в сторону, шлепались на пол с мягким звуком, точно подушки, и лежали неподвижно; некоторые, отскакивая, вертелись одиноко и парами, но все падали один за другим или, протянув руки вперед, точно слепцы, пошатываясь, отходили в сторону и там тоже бессильно валились с ног, точно подрубленные. Какая-то женщина с распущенными волосами прыгала вокруг чана, вскрикивая:

– Слава, слава!

Самгин почувствовал, что он теряет сознание, встал, упи-

раясь руками в стену, шагнул, ударился обо что-то гулкое, как пустой шкаф. Белые облака колебались пред глазами, и глазам было больно, как будто горячая пыль набилась в них. Он зажег спичку, увидел дверь, погасил огонек и, вытолкнув себя за дверь, едва удержался на ногах, – всё вокруг колебалось, шумело, и ноги были мягкие, точно у пьяного.

«Кошмар», – подумал он, опираясь рукою о стену, нащупывая ногою ступени лестницы. Пришлось снова зажечь спичку. Рискавая упасть, он сбежал с лестницы, очутился в той комнате, куда сначала привел его Захарий, подошел к столу и жадно выпил стакан противно теплой воды.

«Зачем она показала мне это? Неужели думает, что я тоже способен кружиться, прыгать?» Он понимал, что думает так же механически, как ощупывает себя человек, проснувшись после тяжелого сновидения»⁶⁰.

Чем-то сродни христоверам были секты *духоборов* (или духоборцев) и *молокане*.

У истоков духоборства стоял Силуан Колесников, живший в селе Никольское Екатеринославской губернии в 1755-1775гг. Наименование духоборцев им дал архиепископ Екатеринославский Амвросий в 1785 г., который хотел этим сказать, что новое учение есть противление Святому Духу. Сами представители этой конфессии, узнав о таком назва-

нии, охотно приняли его, в том смысле, что, отрицая религиозную внешность, они являются поборниками духа.

Духоборы отвергали церковь, иконы, кресты, они отказывались служить в армии, выступали за равенство людей, не признавали никакой власти. Вместо Библии они читали свою собственную «Животную книгу» (книгу жизни), которая состояла из псалмов, написанных самими духоборами. «Бог есть дух» – считают духоборы. Основы учения, религиозные тексты и напевы передаются духоборами из поколения в поколение.

Духоборов много раз переселяли внутри России. При Александре I они пользовались покровительством властей и создали свои общины-коммуны в Крыму, но при Николае I духоборы потеряли расположение властей и в массовом порядке были высланы в Закавказье (5 тыс. чел.). Здесь на свободных землях они создали 10 поселений в Грузии и 4 поселения в Азербайджане

В 1887г. на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность. В знак протеста по местам расселения духоборов прокатились волнения. В 1895г. несколько тысяч духоборов в Елизаветопольской и Тифлисской губерниях и в Карсской области по совету Петра Веригина заявили властям о своем полном отказе от военной службы. В ночь с 28 на 29 июня они снесли в кучу все имевшееся у них оружие, облили его керосином и под пение псалмов сожгли. На подавление волнений в селах Тифлисской губернии правительство выслало

казаков, и после экзекуции двести человек были посажены в тюрьму. Семьи зачинщиков, числом до четырехсот, разосланы по деревням Тифлисской губернии, по две-три семьи, без земли и с запретом общения между собою. Призванные и отказавшиеся служить духоборы были заключены в Екатериноградский дисциплинарный батальон.

В 1898-1899 гг. произошел массовый исход духоборов из России в Канаду, где они живут по сей день, сохраняя свои традиции и своеобразную культуру. В судьбе духоборов принимал участие Л.Н. Толстой: на его средства были зафрахтованы пароходы для их переселения.

Сейчас в Канаде живет до 30 тыс. потомков духоборов, немного их есть в Грузии. После распада Советского Союза часть из них уехали из Грузии и поселились в ряде областей Центральной России. В 1991 г. состоялся съезд духоборов, они создали свою организацию в России.

Название «*молокане*» объясняется по-разному: от названия реки Молочная или от некоего «духовного молока», которым они питаются (есть и другие версии). Молокане признают Библию, но по сравнению с духоборами их взгляды более умеренны. Во время службы они читают Библию и поют псалмы. В учении молокан присутствует элемент *эсхатологии* – ожидание скорого второго пришествия Христа и установления царства Божия на земле. В мире около 300 тыс. молокан, они живут в США, Канаде, Латинской Америке. В основном это эмигранты из России.

Некоторые молокане вернулись на родину. На Северном Кавказе, в Закавказье, на Украине и в Центральном районе России живут общины молокан как вернувшихся, так и сохранивших здесь свои поселения. В 1991 г., так же как и духоборы, молокане России провели свой съезд и объединились в союз, имеющий периодический печатный орган.

Ответвлением молокан является секта *прыгунов* (во время молитвы они приходят в состояние экстаза, в чем сходны с христоверами). В Азербайджане и Армении сохранились небольшие группы верующих этого направления.

Старообрядцы: купцы и предприниматели

Старообрядцы – люди трудолюбивые и предприимчивые. Они не могли добиться продвижения по чиновничьей службе, но вот в предпринимательстве достигли больших высот. Старообрядцам было разрешено записываться в купеческое сословие после Манифеста Екатерины II 1762 года. Именно в этот период начинают формироваться крупные старообрядческие капиталы, и работающие крестьяне-старообрядцы становятся основателями знаменитых купеческих династий. Правда, в правлении Николая I запись в купеческое сословие было для них затруднена, но в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века им вновь было разрешено записываться в купеческие гильдии и торговать на общих основаниях.

Достаточно назвать фамилии известных старообрядцев-фабрикантов, чтобы иметь представление об их успехах в бизнесе. Это династии – Морозовых, Рябушинских, Гучковых, Третьяковых, Бугровых, Кузнецовых, Мальцевых, Прохоровых, Горбуновых, Ковылиных, Трындиных, Ивановых, Щукиных, Шibaевы, Солдатенковых и многие другие. По некоторым версиям Демидовы, и кое-кто из Баташевых были тайными и явными старообрядцами.

Старообрядцы-купцы не занимались сомнительными с точки зрения христианского благочестия видами деятель-

ности. Они не торговали музыкальными инструментами, картами, табаком, вином, не содержали питейных заведений. Старообрядческие предприниматели предпочитали заниматься производством нужных и полезных вещей и продуктов. Они вели торговлю хлебом, лесом, металлом, бумажной пряжей. В руках староверов почти полностью находились даже целые отрасли экономики, например, литейное производство, текстильная промышленность, хлебная отрасль. Все производство и продажа текстиля – от закупок сырья в России или за границей и его фабричной переработки до реализации товара через оптовую (биржи и ярмарки) и розничную торговлю (магазины и лавки) – почти полностью принадлежали старообрядцам.

Так, династия промышленников Прохоровых с 1799 по 1918 годы владела известной Трехгорной мануфактурой, крупнейшим текстильным предприятием в Москве. За высокие достижения Прохоровы в 1912 году были удостоены наследного дворянства. В восточной части Московской губернии (Гуслицах) старообрядцами были построены многочисленные ткацкие, красильные и отбельные фабрики, выросли города: Орехово-Зуево, Ликино-Дулево, Дрезна. Из малонаселенного района Гуслицы превратились в крупный промышленный район.

Что касается хлеботорговли, то одно лишь старообрядческое село Балаково в Самарской губернии имело такие огромные хлебные операции, что диктовало цены на лондон-

ской бирже. Династия промышленников Кузнецовых контролировала две трети производства фарфора в стране, а в ряде стран кузнецовский фарфор вытеснил на местных рынках прославленный немецкий, английский и французский. Важную роль сыграли староверы в основании и развитии Демидовских, Олонецких, Кыштымских и других металлургических заводов.

Московско-Курская железная дорога, пароходство на Волге, нефтяные прииски на Каспии – все это было основано старообрядцами. Без купцов-старообрядцев не обходилась ни одна крупная ярмарка, ни одна промышленная выставка. Благодаря старообрядцу Савве Тимофеевичу Морозову, избранному председателем Нижегородского ярмарочного комитета, возродилась Макарьевская ярмарка – крупнейшая в России.

Долгое время старообрядцы к банковской деятельности относились с некоторым презрением, называя банкиров «процентщиками». Однако с дальнейшим развитием экономики негативный взгляд на финансовую деятельность изменился. Однако и тут, в банковской сфере, старообрядцы поставили дело по-своему. Банки и кредитные товарищества, основанные старообрядцами, имели репутацию консервативных, наиболее устойчивых и надежных, не занимались сомнительными проектами и не участвовали в спекулятивных сделках. Так, в 1902 г. братья Василий и Павел Рябушинские основали «Банкирский дом братьев Рябушин-

ских» (в 1912 году преобразованный в Московский банк).

По подсчетам некоторых исследователей, старообрядцы составляли свыше 60% торгово-промышленного сословия в дореволюционной России, в их руках было сосредоточено 64% всего российского капитала. Староверы дали России более двух третей всех предпринимателей-миллионеров.

Богатые старообрядцы всегда занимались благотворительностью. Об этой стороне их деятельности можно прочитать в энциклопедическом словаре «Старообрядчество в России»: «Богатство у купцов-староверов никогда не было самоцелью. Образ купца-расточителя и кутилы, так часто встречающийся в русской классической литературе (например, в пьесах А. Н. Островского), не имел ничего общего с большинством старообрядческих предпринимателей.

Староверы считали, что их долг – помощь Церкви и благотворительность. Каждый из них почитал за честь стать попечителем моленной или храма. Замечательные старообрядческие храмы, которые были построены в начале XX века, возводились на средства благочестивых жертвователей купцов. Алексеевская больница, родильный дом, ночлежный дом, биржа труда, общежитие для студентов Технического училища в Москве, богадельня в Орехове-Зуеве – это только небольшая часть заведений, построенных старообрядца-

ми Морозовыми.

В провинции были свои благотворители. Братья Мальцевы из волжского села Балаково строили богадельни и приюты в родном селе и уездном городе Николаевске (ныне Пугачев в Саратовской области), помогали содержать детские приюты по всей Самарской губернии, а в страшный голод, поразивший губернию, кормили за свой счет десятки тысяч людей.

Ничего общего не было у купцов-староверов и с карикатурным образом невежественного и недалекого купчины. В 1824 году купцы I гильдии впервые получили право подавать прошения об определении детей в университеты. Старообрядцы всегда ценили грамотность и книжную культуру, и потому вчерашние крестьяне сразу же воспользовались возможностью отправить своих детей учиться. Многие предприниматели-староверы имели прекрасное образование. С.Т. Морозов после окончания Московского университета изучал химию в Кембридже. В.П. Рябушинский, закончив Московскую практическую академию коммерции, изучал математику, химию и философию в Гейдельбергском университете. Сын крупнейшего поволжского землевладельца М.Т. Мальцева, П.М. Мальцев, учился в Московском университете. Таких примеров было множество.

Купцы-старообрядцы вообще жертвовали немало средств на образование. А.М. Мальцев из города Балаково помог получить образование, в том числе и в столичных универси-

татах, десяткам юношей-староверов, оплачивая их обучение и учреждая стипендии. М.С. Кузнецов ежегодно направлял мальчиков-крестьян из Гжели для обучения в московское Строгановское училище. В Академии художеств он учредил специальную стипендию. На средства купцов устраивались старообрядческие школы, был учрежден Старообрядческий институт в Москве.

Свой вклад купцы-староверы внесли и в развитие науки. Химические и физические лаборатории, исследовательские проекты часто финансировались старообрядцами. Ф.П. Рябушинский организовал географическую экспедицию для исследования Камчатки.

Деловая хватка не мешала старообрядцам-предпринимателям быть тонкими ценителями прекрасного. Среди староверов было много коллекционеров, знатоков древних рукописей, иконописи. В храмах Рогожского кладбища, других старообрядческих церквях было немало древних икон из коллекций купцов и промышленников. За счет этих коллекций во многом сформированы фонды современных государственных музеев – Третьяковской галереи, Русского музея, музея имени Андрея Рублева, провинциальных художественных галерей.

Т.С. Морозов издал памятник древнерусской литературы «Изборник Святослава». Собрание древних рукописей балаковского купца П.М. Мальцева стало основой фонда редкой книги библиотеки Саратовского государственного уни-

верситета.

С.Т. Морозов основал Кустарный музей, был покровителем Музея изящных искусств, Строгановского училища. Известна его помощь журналу «Мир искусства», художникам И.И. Левитану, В.А. Серову, В.Д. Поленову.

Старообрядец К.Т. Солдатенков вкладывал свои капиталы в издательскую деятельность. Он выпустил в свет первое Собрание сочинений В.Г. Белинского, стихотворения Н.А. Некрасова, А.В. Кольцова, Н.П. Огарева, А.А. Фета, произведения И.С. Тургенева, Д.В. Григоровича, исторические сочинения Т.Н. Грановского, В.О. Ключевского. Всего К.Т. Солдатенковым было выпущено 200 наименований книг. Свою коллекцию картин и библиотеку он завещал Румянцевскому музею.

Консерватизм старообрядцев, их приверженность старине нисколько не мешали им ценить новые направления в искусстве. Именно М.П. Рябушинский и был одним из первых среди старообрядцев ценителем и собирателем полотен французских художников-импрессионистов. Поддерживали они и русских художников М.А. Врубеля, А.Н. Бенуа. Купцы-староверы были первыми заказчиками знаменитых впоследствии архитекторов Ф.О. Шехтеля и братьев Весниных.

Вообще старообрядцы-предприниматели пользовались славой наиболее честных и добросовестных, их считали надежными и заслуживающими доверия партнерами. Определяющим правилом, руководившим жизнью купцов-старове-

ров, были слова Спасителя: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где червь и тля истребляют и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни червь, ни тля не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19-21). И даже заработав миллионные капиталы, купцы оставались благочестивыми чадами Святой Церкви»⁶¹.

Хотелось бы еще рассказать о Павле Михайловиче Третьякове (1832– 1898) – собирателе произведений русского изобразительного искусства, основателе Третьяковской галереи. Он родился в Москве, в купеческой семье. Получил домашнее образование, начал карьеру в торговле, работая с отцом. Развивая семейное дело, Павел вместе с братом Сергеем построил бумагопрядильные фабрики, на которых было занято несколько тысяч человек. Состояние П.М. Третьякова к моменту его смерти оценивалось в 3,8 млн. руб.

Павел Третьяков начал собирать коллекцию русского искусства в 1850-х годах, которую практически с самого начала намеревался передать городу. Уже в 1860 г. меценат составил завещание, в котором говорилось: *«Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, приносящего многим пользу, всем удовольствию».*

В 1874 г. Третьяков построил для собранной коллекции здание – галерею, которая в 1881 г. была открыта для все-

общего посещения. В 1892 г. Третьяков передал свою коллекцию вместе со зданием галереи в собственность Московской городской думы. Он скончался 4 (16) декабря 1898 г. в Москве. Последние слова его родственникам были такими: «Берегите галерею и будьте здоровы».

Справедливости ради надо сказать, что немаловажную роль в революционном движении и в свержении монархии сыграли купцы-старообрядцы.

Во-первых, это Александр Иванович Гучков (1862–1936). Его предки были единоверцами, перешедшими в единоверие из беспоповского толка. Предпринимательством начал заниматься еще его прадед Федор Алексеевич, организовав в Москве в конце XVIII века ткацкое дело. А.И. Гучков совмещал предпринимательство с политической деятельностью. Являясь директором Московского учетного банка, к 1917 г. он имел состояние порядка 600-700 тыс. руб. Гучков – лидер октябристов (партии «Союз 17 октября»), председатель III Государственной думы и депутат IV Думы, член Государственного совета Российской империи, Военный и морской министр Временного правительства России. Именно Гучков вместе с Шульгиным и генералом Рузским окончательно уговорили императора Николая II отречься от престола 2 (15) марта 1917 года.

Свержение императора Николая II с престола стало для Гучкова почти самоцелью его жизни. В своем стремлении свергнуть царя он был готов объединиться с любыми силами. Отсюда его вхождение в высшие в масонские круги и раскольнические сообщества, где главным объединяющим положением была непримиримая ненависть к царствующему Дому Романовых. Русский царь в глазах раскольников был антихристом. Служить «антихристу» означало для них страшный грех.

Возможно, по этому принципу оказывал помощь революционерам и Савва Тимофеевич Морозов (1862–1905) – крупнейший русский предприниматель и меценат. Он финансировал издание социал-демократической газеты «Искра», на его средства учреждены первые большевистские легальные газеты «Новая жизнь» и «Борьба». Морозов нелегально провозил на свою фабрику запрещенную литературу и типографские шрифты, в 1905 г. прятал от полиции одного из лидеров большевиков Николая Баумана. Дружил с Максимом Горьким, был близко знаком с Л. Б. Красиным.

После 9 января 1905 г. Морозов заявил председателю Комитета министров С. Ю. Витте о необходимости покончить с самодержавием; составил записку с требованиями свободы слова, печати и союзов, всеобщего равноправия, неприкосновенности личности и жилища, обязательного школьного образования, общественного контроля за государственным бюджетом.

Весной 1905 г. Морозов впал в тяжелейшую депрессию. По настоянию жены и матери Морозова был созван консилиум врачей, который пришел к выводу, что у Саввы Морозова *«тяжёлое общее нервное расстройство, выразившееся то в чрезмерном возбуждении, беспокойстве, бессоннице, то в подавленном состоянии, приступах тоски и прочее»*. Консилиум рекомендовал направить Морозова для лечения в Европу. Через несколько дней в сопровождении жены и доктора Селивановского Савва Морозов выехал в Берлин, а затем в Канны. Здесь 13 (26) мая 1905 г. он был найден в гостиничном номере мертвым, с простреленной грудью. Согласно официальной версии Морозов покончил с собой, однако нельзя исключать и другую версию: его могли убить, инсценировав самоубийство. Возможно, что причиной его смерти был отказ Саввы Морозова, после убийства великого князя Сергея Алексеевича (17 февраля 1905 г.), финансировать революционные организации. Похоронен был Савва Морозов на Рогожском кладбище в Москве.

Активно работала на революцию и семья Рябушинских. Основателями династии стали калужские крестьяне – старообрядцы братья Василий Михайлович и Павел Михайлович, открывшие в 1830-х годах несколько текстильных фабрик. В 1867 г. братьями был учреждён торговый дом «П. и В. Братья Рябушинские». Рябушинские были, подобно многим крупным московским предпринимателям, старообрядцами-поповцами (белокриницкая иерархия), П.М. Рябу-

шинский занимал видное место в московской старообрядческой общине Рогожского кладбища.

Семейное дело унаследовали сыновья Павла Михайловича: Павел, Владимир, Степан, Михаил, Николай и другие (всего в семье было 8 сыновей) с номинальным капиталом в 5,7 млн. рублей и 3 тыс. рабочих. К 1914 году стоимость годовой продукции составляла 8 млн. рублей, акционерный и запасной капиталы увеличились до 6,4 млн. рублей, на фабрике было занято 4,5 тыс. рабочих. В 1902 г. братья основали «Банкирский дом братьев Рябушинских» (в 1912 г. преобразованный в Московский банк).

Братья входили в число лидеров партии «прогрессистов» и издавали оппозиционную газету «Утро России». Наиболее активную антиправительственную деятельность осуществлял Павел Павлович Рябушинский (1871–1924). В годы Первой мировой войны Рябушинские вместе с другими либералами активно раскачивали корабль Российской империи, а во время Февральской революции фактически организовали свержение царской администрации в Москве. После Октября 1917 г. все братья эмигрировали во Францию.

Смягчение позиции царской власти и Московского патриархата по отношению к старообрядцам. Современное состояние старообрядчества

Отношение разных представителей Дома Романовых к старообрядцам было различным. Наиболее тяжело было им в царствование Алексея Михайловича, Софьи, Петра I и Николая I. Послабления были в царствование Павла I и последних Романовых (при Александре II, Александре III и Николае II).

Уже при Александре II министр внутренних дел граф Ландской выпустил так называемое «Наставление для руководства при исполненных действиях и совещаниях по делам раскола относящимся» от 1858 г., где предписывалось прекратить преследования старообрядцев за их веру, но и запретить им пропаганду своего вероучения. Государственным учреждениям было указано предоставить борьбу с Расколом – Церкви, но одновременно препятствовать созданию молитвенных домов и скитов, а также служению священников «австрийского рукоположения».

Несмотря на ограничения, «Наставление» принесло ста-

рообрядцам некоторое облегчение, чему способствовало влияние на правительство общественного мнения 60-х гг. Отдельные частные постановления 1862-1864 гг. позволили старообрядцам вступать в купеческие гильдии. Утвержденная императором докладная записка основанного Комитета по делам раскола в 1864 г. предусматривала расширение гражданских прав староверов. В 1870 и 1873 гг. членам «менее вредных» толков раскола предоставили право занимать общественные должности.

В 1874 г. вышел весьма важный закон о браках раскольников, вызванный введением всеобщей воинской повинности, в соответствии с которым местным властям было велено регистрировать браки староверов, заносая их в особые книги, тем самым они признавались действительными. Этот закон означал введение в России гражданского бракосочетания. Также было ликвидировано принуждение крестить по православному обряду.

Император Александр III относился к старообрядцам весьма благосклонно. Такого же воззрения на старообрядцев держался император Николай II. Но пока идеологическую основу самодержавия определял обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (занимал этот пост с апреля 1880 г. по октябрь 1905 г.), вопрос о веротерпимости тормозился. Победоносцева в борьбе с Расколом поддерживал профессор Московской Духовной Академии Н.И. Субботин.

«Оба они ненавидели раскол, – отмечает в своей книге «Православная Церковь и старообрядчество» протоиерей Александр Соколов. – Написанная по заказу Победоносцева брошюра Субботина «О сущности и значении раскола в России» (1881) отражает также и концепцию обер-прокурора. «Русский раскол есть болезненное порождение самой Русской Церкви. Это есть домашний, внутренний кровный враг ее, именно из вражды к ней получивший свое бытие... Положив в основу своего существования мысль об еретичестве и даже антихристианстве Греко-российской Церкви, раскол живет исключительно враждою к ней... Оградить законом полную свободу раскола во всех его религиозно-общественных отправлениях значило бы узаконить и оградить законом во всех ее проявлениях злейшую вражду против православия, стремление к ниспровержению или, по крайней мере, за невозможностью достигнуть этого, всякого зла православной Церкви»⁶².

В переписке с Субботиным Победоносцев сетовал, что не находит достаточной поддержки во властных структурах в подавлении раскола. 3 мая 1883 г. правительством был принят Закон о расколе.

Как пишет далее А. Соколов: «Закон о расколе от 3 мая 1883 г. показывает, что Победоносцев не нашел себе поддержки в законодательных инстанциях и, возможно, у самого императора. Этот закон, обязанный своим появлением решению Государственного Совета, подтвердил уже дарован-

ные старообрядцам гражданские права: свободного передвижения по империи, занятия торговлей и при известных условиях права занимать общественные должности. Закон разрешил им закрытые богослужения, строительство молитвенных домов без крестов и колоколен, он гарантировал лицам, совершающим эти богослужения, свободу от наказания, хотя и не признал их священниками. Как и прежние, новый закон запрещал всякую пропаганду раскола. Этот закон заложил основу административной практики на ближайшие три десятилетия»⁶³.

Новая веха в смягчении позиций царской власти по отношению к старообрядцам отразилась в Указах от 12 декабря 1904 г. и от 17 апреля 1905 г., последовавших в царствование императора Николая II.

В Именном Высочайшем указе Сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» в вопросе о взаимоотношении государства и религиозных организаций писалось: «Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 Февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установ-

ленного, стеснения».

Новый Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» фактически легализовал положение старообрядцев в Российском государстве.

В нем писалось: «В постоянном, по заветам Предков, общении со Святою Православною Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из Наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести».

В Указе отразилось семнадцать пунктов, которые касались не только старообрядцев, но также и инословных (т. е. христиан других конфессий) и иноверных (мусульман и буддистов). Отразим только пункты, касаемые старообрядцев:

«1) Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что, при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при та-

ковом же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии...

5) Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке.

6) Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков; учинение же из религиозных побуждений нарушения законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности.

7) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам.

8) Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно так же, как разрешение ремонта и их закрытие, должны происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены для храмов инославных исповеданий.

9) Присвоить духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, наименование «настоятелей и наставников», причем лица эти, по утверждении их в должностях надлежащею правительственною властью, подлежат исключению из мещан или сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу, и именованию, с разрешения той же гражданской власти, принятым при постриге именем, а равно допустить обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди этого духовенства положения, без употребления, однако, православных иерархических наименований.

10) Разрешить тем же духовным лицам свободное отправление духовных треб как в частных и молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с воспрещением лишь надевать священнослужительское облачение, когда сие будет возбранено законом. Настоятелям и наставникам (п.9), при свидетельстве духовных завещаний, присвоить те же права, какими в сем случае пользуются все вообще духовные лица.

11) Уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков.

12) Распечатать все молитвенные дома, закрытые как в административном порядке, не исключая случаев, восходивших чрез Комитет Министров до Высочайшего усмотрения,

так и по определениям судебных мест, кроме тех молелен, закрытие коих вызвано собственно неисполнением требований Устава Строительного...»

Лишь при императоре Николае II старообрядцы получили возможность открыто устраивать в родном отечестве свою церковную жизнь: строить храмы, монастыри, совершать крестные ходы, иметь колокольный звон, устраивать общины, открывать училища и т.п. Однако и при Николае II старообрядцы не получили полной религиозной свободы: не было признано их священство, не были отменены статьи уголовного закона, карающие за присоединение новообрядцев к старообрядчеству, не дано было права старообрядческим учителям быть преподавателями в общих государственных школах и т.п.

Были и другие стеснения. Уже во время Первой мировой войны не разрешалось старообрядцам держать экзамен даже на прапорщиков запаса и приходилось по этому поводу возбуждать особые ходатайства, тогда как для лиц других религий и совсем не русских наций (французской, немецкой, польской, армянской, грузинской, литовской и др.) был свободный доступ ко всем военным и гражданским чинам, включительно до генеральских и министерских постов.

Большинство старообрядцев с благодарностью отнеслись

к Указу «Об укреплении начал веротерпимости». Ведь старообрядческая Церковь получила возможность свободно совершать богослужения. В России с 1905 по 1917 год открылись около 1000 храмов, 10 старообрядческих монастырей, была создана многоступенчатая система духовного образования и просвещения, новый стимул получило развитие благотворительности и душевнопопечительских организаций.

Однако были те, в которых смягчение позиции царской власти к старообрядцам не ослабило их ненависти к Дому Романовых, в лице их последнего царствующего представителя – императора Николая II. И это было ошибочным в исторической перспективе развития России начала XX века.

Но тем удивительнее было то, как Синод Русской Православной Церкви отнесся к Февральской революции и свержению самодержавия в России.

Во время Февральской революции Святейший Синод на своём заседании 26 февраля 1917 г. отказался призвать православных мирян не участвовать в беспорядках и демонстрациях. По воспоминаниям товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова становится ясно, чем объясняется подобная реакция Синода: его председатель, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), был «обижен» «на императора Николая II за перевод с Петроградской на Киевскую кафедру. Синод последовательно проигнорировал просьбы выступить в защиту монархии, поступавшие от Екатеринославского отдела Союза русского народа (22 февра-

ля), от товарища (заместителя) синодального обер-прокурора князя Жевахова (26 февраля), от обер-прокурора Раева Н. П. (27 февраля, с началом вооружённого восстания). Показательно, что Синод ответил на просьбу Раева замечанием, что «неизвестно, откуда идёт измена – сверху или снизу».

5 марта 1917 г. Синод распорядился во всех церквях Петроградской епархии многие лета царствующему дому «отныне не провозглашать».

6 марта Синод «принял к сведению» указы об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича, постановил отслужить во всех церквях империи молебны с провозглашением многие лета «Богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея».

7 марта Синод начал именовать дом Романовых «царствовавшим» (в прошедшем времени), упразднив также «царские дни» (празднования дней рождения и тезоименитств царя, царицы, наследника, дней восшествия на престол и коронации).

И наконец, 9 марта Синод окончательно признал Февральскую революцию и Временное правительство, обратившись с посланием «К верным чадам Православной Российской Церкви» (даже именование Церкви изменили). В нем, в частности, говорилось: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ея новом пути».

В целом после Февральской революции господствующая церковь увидела возможность избавиться от опеки государства, заменив синодальное устройство на патриаршее. С этой целью в августе 1917 г. в Московском кремле открылся Поместный Собор Российской Православной Церкви. Среди иерархов, священников и мирян были горячие поборники и противники восстановления патриаршества, но вот среди крестьян не было ни одного противника избрания патриарха. Их настроение выразил один из участников Собора: «У нас нет больше царя. Нет отца, которого мы могли бы любить. Синод любить невозможно. А потому нам нужен патриарх. С этим меня и послали».

18 ноября (5 ноября по ст.ст.) 1917 г. состоялось избрание патриарха. После Божественной литургии и молебна в Храме Христа Спасителя старец Зосимовой пустыни Алексей вынул жребий перед иконой Владимирской Божией Матери, перенесенной из расстрелянного Успенского собора Кремля. Жребий выпал на митрополита Московского Тихона (Белавина).

Патриаршество восстановилось, когда в стране установилась новая власть. В советской России произошло сближение позиций Русской Православной Церкви и Русской Древлеправославной Церкви. Это во многом было вызвано тем,

что обе церкви подверглись гонениям со стороны безбожной власти, а также тем, что большевики попытались внести раскол, как в ряды РПЦ, так и в ряды РДЦ.

1 февраля 1918 г. патриарх Тихон предал анафеме советскую власть. Он выступил с осуждением жестокостей большевиков и призывом к пастве защищать Церковь: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной. Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какие-либо общения...».

Большевиков не устраивал патриарх Тихон и его верные чада, поэтому в недрах ОГПУ возникла идея раскола Церкви. Внутри Русской Православной Церкви в 1922 г. возникло так называемое движение *обновленчества*, основными группами которого стали «Живая церковь», «Церковное возрождение», «Союз общин древнеапостольской церкви». Обновленцы выступили против контрреволюционной деятельности церковного руководства во главе с патриархом Тихоном, провозгласили своим принципом лояльность по отношению

к Советскому государству. Идеологи обновленчества митрополит Введенский и другие проповедовали «коммунистическое христианство». Они ратовали за возвращение к т. н. демократическим порядкам раннего христианства, стремились отождествить коммунизм и христианство. Обновленцы внесли ряд изменений в церковное устройство, культ и быт духовенства (высшее церковное управление, демократизация прихода, женатый епископ, второбрачие духовенства, богослужение на русских языках и др.).

В 20-е – 30-е годы обновленцы захватили много православных храмов. В некоторых епархиях у них было храмов больше, чем у православных. Однако стойкая позиция патриарха Тихона, митрополита Сергия (Страгородского) и других иерархов РПЦ, а также изменение позиции Советского государства к Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны привели к тому, что это течение прекратило свое существование. Обновленческое духовенство со своими приходами после войны возвратилось в Русскую Православную Церковь.

Подобный эксперимент был проделан и внутри Древлеправославной церкви. В 1923 г. было создано так называемое *Новозыбковское согласие* (по названию города Новозыбков, Брянской области). Эту общину возглавил Саратовский архиепископ Николай (Позднев), присоединившийся к староверию из обновленчества. В 1929 г. к нему также присоединился «андреевский» единоверческий епископ Иргинский

Стефан (Расторгуев). Что их объединяло с обновленцами, так это признание советской власти и сотрудничество с нею.

Первоначально их центр был в Саратове (месте пребывания архиепископа). В 1924 г. он был перенесён в Москву – при Никольском храме на Рогожском кладбище; в 1955 г. в Куйбышев (Самару); в 1963 г. в Новозыбков Брянской области, в 2000 г. центр возвратился обратно в Москву.

Эта структура сохранилась и до наших дней. Она именуется Русская Древлеправославная Церковь (*беглопоповское согласие, новозыбковская иерархия*). Возглавляет ее патриарх. В настоящее время это Александр (Калинин). Она имеет 70 приходов в России, 6 – в Белоруссии и 5 – в Румынии. Считается, что РДЦ объединил тех беглопоповцев, которые не признали Белокриницкую иерархию.

В настоящее время большинство старообрядцев-поповцев относится к Русской Древлеправославной Церкви (Белокриницкой иерархии), которая в настоящее время представлена двумя поместными Церквями: одна – Древлеправославной Старообрядческой Церковью (центр в городе Брэила, Румыния) и вторая – Русской Православной Старообрядческой Церковью с центром в Москве.

Возглавляют ДСЦ и РПСЦ митрополиты. В настоящее время кафедру в Румынии возглавляет митрополит Туль-

чинский и всея Румынии Леонтий (Изотов). В его юрисдикции находятся епископы Буковино-Молдавской, Славской, Заграничной (США, Канада, Австралия) и Аугсбургской и всея Германии епархий.

Что касается Русской Православной Старообрядческой Церкви, то на момент революции, гражданской войны и построения социализма в СССР архиерейский престол возглавлял шестой по счету – митрополит Мелетий (Картушин) (1859–1934).

Сразу после Октябрьской революции в ходе массовой ликвидации домовых церквей закрылись домовые старообрядческие храмы (преимущественно в купеческих домах). В 1918 г. были упразднены почти все старообрядческие монастыри, Богословско-учительский институт в Москве и все старообрядческие периодические издания. Во время гражданской войны имели место случаи жестокой расправы красноармейцев и чекистов со старообрядческими священнослужителями.

В 1923 г. архиепископ Мелетий и епископ Геронтий выпустили «Архипастырское послание» с призывом к своей пастве быть лояльными по отношению к новой власти. В середине 1920-х гг. белокриницкому согласию по разрешению ОГПУ удалось провести несколько соборов (в 1925, 1926, 1927), на которых рассматривались вопросы устройства церковной жизни в новых социальных условиях. Возобновилось издание (в частных издательствах) «Старообрядческих цер-

ковных календарей». Епископ Геронтий организовал в Петрограде братство св. священномученика Аввакума с пастырско-богословскими курсами при нём. К концу 1920-х годов старообрядческая Церковь Белокриницкой иерархии включала в себя 24 епархии, которыми управляли 18 епископов, несколько монастырей, существовавших после 1918 г. и под видом «трудовых артелей», и сотни священнослужителей.

Политика правительства по отношению к старообрядцам резко изменилась в конце 1920-х годов, когда в ходе проводившейся в СССР коллективизации сельского хозяйства была развёрнута кампания по «ликвидации кулачества как класса». Старообрядческое крестьянское хозяйство в большинстве своем было достаточно зажиточным, и это дало основание Крупской сказать, что «борьба с кулачеством есть одновременно борьба со старообрядчеством», внутри которого наиболее крупным и организованным было белокриницкое согласие. В результате массовых репрессий против старообрядцев в 1930-х годах были закрыты все монастыри, многие области, прежде считавшиеся старообрядческими, лишились всех действующих храмов, было арестовано подавляющее большинство священнослужителей. При закрытии храмов и монастырей производилась тотальная конфискация икон, утвари, колоколов, облачений, книг, было уничтожено немало библиотек и архивов. Часть старообрядцев эмигрировала, преимущественно в Румынию и Китай.

В это же время было арестовано, расстреляно и умерло

в тюрьме более половины всех старообрядческих епископов. Когда скончался архиепископ Мелетий, собрать Освященный Собор для избрания нового Первосвятителя было невозможно. В живых на свободе оставалось не больше трех архиереев, и над каждым висела угроза ареста и гибели.

Лишь в 1941 г. предстоятелем старообрядческой Церкви в России стал вышедший из сталинских лагерей епископ Самарский Иринарх (Парфеев) (1881–1952). После войны было рукоположено несколько епископов, открылись десятки приходов, было разрешено издавать Православный старообрядческий календарь.

В 1986 г. одиннадцатым Первосвятителем Московским был избран архиепископ Алимпий (Гусев) (1929–2003). В 1988 г. на освященном Соборе, посвященном 1000-летию крещения Руси, было принято решение о преобразовании Московской Архиепископии Русской Православной Старообрядческой Церкви в Митрополию Московскую и всяя Руси. Первым митрополитом Московским и всяя Руси был избран архиепископ Алимпий (ум. в 2003 г.). В настоящее время тринадцатым Первосвятителем, митрополитом Московским и всяя Руси является Корнилий (Титов). Его резиденция находится в Рогожской слободе в Москве, кафедральным является собор Покрова Пресвятой Богородицы.

Для решения основных вопросов жизни Церкви ежегодно созываются Освященные Соборы, в них участвуют духовенство, иноки и миряне, избираемые на местах собраниями

церковных общин. Именно Соборам, по апостольским правилам, принадлежит решающее слово во всех церковных делах.

В настоящее время Церковь имеет Духовное училище для подготовки церковнослужителей, действуют школы начального религиозного обучения в приходах. Издаются журналы «Церковь», «Остров веры», «Духовные ответы», выходит информационный «Вестник Митрополии», архивный альманах «Во время оно» и ежегодный церковный календарь.

В РПСЦ, помимо Московской митрополии, объединяющей области центра России, существуют еще 12 епархий (Киевская и всяя Украины, Кишиневская и всяя Молдавии, Новосибирская и всяя Сибири, Уссурийская и Дальневосточная, Казанская и Вятская, Костромская и Ярославская, Кавказская и Донская, Петербургская и Тверская, Уральская, Нижегородская и Владимирская, Самарская и Саратовская, Иркутско-Забайкальская). На сегодня РПСЦ объединяет 260 приходов в России, около 60 – на Украине, 20 – в Молдове, а также есть приходы в Белоруссии, Казахстане и Австралии. Всего около 350 приходов. Число прихожан РПСЦ оценивается почти в 1 млн. чел.

Переписи старообрядцев после 1917 года не проводилось, но, по оценочным данным, в России общее число привер-

женцев древней Православной веры составляет до двух миллионов человек. Помимо старообрядцев-поповцев, свои общины сохранили и беспоповцы.

Так, в настоящее время существует Древлеправославная Поморская Церковь (ДПЦ) – *беспоповское брачное соглашение*. Она имеет духовно-административный центр в Москве на Преображенском кладбище. Особенностью религиозных воззрений последователей поморцев, как и раньше, является убеждение в том, что после Никоновской церковной реформы истинное священство иссякло, и теперь верующим христианам остается спасаться самим, «без попов». ДПЦ признает брак, но уже не как таинство. Современные поморские общины соблюдают только два таинства: крещения и покаяния. Церковные богослужения и некоторые частные требы в храмах ДПЦ совершают наставники – избираемые из числа мирян. Поморские общины существуют на основании Устава, восходящего еще к знаменитому Поморскому уставу. Братия общин выбирают людей, хорошо знающих Устав, которых называют уставщиками. Более слабые общины обращаются к ближайшим общинам, в которых есть грамотные уставщики, и у них они находят ответы на разные вопросы.

Точнее основы вероучения поморских общим изложены в Уложении Третьего Всероссийского собора Древлеправославной Поморской Церкви: «Древлеправославная Поморская Церковь, содержащая все догматы и обряды дораскольной Православной Церкви, которые удалось сохранить

в условиях вынужденного отсутствия священства, является православной Церковью, не имеющей трехчинной иерархии.

По преемственности от Соловецкого монастыря и Выговского общежительства в Древлеправославной Поморской Церкви сохраняются и совершаются избранными мирянами-наставниками таинства крещения и покаяния, церковный бессвященнословный брак, обеспечивающий сохранение христианской семьи.

Основами вероучения являются Священное Писание (канонические книги Ветхого и Нового Заветов) и Священное Предание (учение Святых Апостолов, Святых Вселенских и Поместных Соборов, Святых отцов). В своей церковной деятельности Древлеправославная Поморская Церковь руководствуется каноническими правилами, изложенными в книге Кормчей (Номоканоне), постановлениями Поместных Соборов Русской Православной Церкви, принятыми до церковной реформы XVII века, постановлениями Всероссийских Соборов Поморской Церкви 1909 и 1912 годов»⁶⁴.

По данным Министерства юстиции РФ на 1 мая 2012 года на территории России зарегистрировано 50 религиозных организаций ДПЦ. Кроме того, без регистрации действует ещё более 200 общин и групп. За пределами России также имеется порядка 250 общин.

В настоящее время имеется следующее количество общин: в России – около 250 общин, в Латвии – 72, в Литве – 61, в Белоруссии – 42, на Украине – 35 общин, в Эстонии

– 11, в Казахстане – 10, в Польше – 4, в США – 4, в Киргизии – 2, по одной общине в Молдавии, Румынии, Германии, Англии. Есть сведения о группах христиан-поморцев в таких странах как Финляндия, Швеция, Бразилия, Аргентина и Канада.

В настоящее время существует семь поместных объединений ДПЦ (Российское, Латвийское, Литовское, Белорусское, Украинское, Эстонское и Польское). Координационный орган – Единый Совет ДПЦ, созданный в 2001 году в Санкт-Петербурге, объединяющий духовные центры и отдельные общины на территории различных государств. Председатель Единого Совета является Олег Иванович Розанов.

В Древлеправославной Поморской Церкви действует несколько общественных организаций, издается периодическая литература (газеты и журналы), проводятся молодежные и детские летние лагеря, действует два духовных училища (в Риге и Санкт-Петербурге), имеется две монастырских обители. Журнал-Календарь издается тиражом 10000 экз.

Все основные решения в Древлеправославной Поморской Церкви принимаются на соборах. Так, в мае 2006 года, впервые с 1912 г., в Санкт-Петербурге (в Рыбацком) прошёл III Всероссийский Собор Древлеправославной Поморской Церкви. В мае 2012 года так же в Санкт-Петербурге, в Знаменском Соборном храме на Тверской улице состоялся IV Всероссийский Собор и Единый Собор ДПЦ в работе которого приняли участие все поместные объединения ДПЦ.

Поморские общины дольно таки замкнутые, они не приемлют общения не только с никонианами, но со старообрядцами поповского толка. В частности в Уложении Третьего Всероссийского собора ДПЦ говорилось: «Собор выражает серьезную обеспокоенность попытками отдельных лиц внедрить священство, главным образом, старообрядческих иерархий в традиционно поморских общинах в Латвии, на Украине, на Урале, и в других местах, одобряет и поддерживает действия региональных центров, руководителей и членов поморских общин в недопущении и противодействии этим явлениям». Отдельно принято обращение к христианам-поморцам Латвии: «Последние события в ДПЦЛ вызывают беспокойство и тревогу за судьбу поморского Староверия Латвии. Попытки уклониться от традиций древлего благочестия прежде бывших поморских отцов и переход в Белокриницкое согласие (поповцев) бывшего кандидата в наставники Василия Волкова (г. Екабпилс) с группой поддержки – есть уклонение в ересь. Христиане-поморцы не имеют молитвенного общения с членами РПСЦ (поповцами), не принимают ее таинств, не признают ее иерархию. Поэтому переход в Белокриницкое согласие есть отпадение от Древлеправославной Поморской Церкви»⁶⁵. Далее в уложении говорилось том, кого следует принимать в ДПЦ, «собор постановил: до будущих соборных решений о чиноприеме представителей различных групп старообрядцев-безпоповцев руководствоваться решением Предсоборного совещания 1-го

Всероссийского Собора – «крестить всех, кроме безбрачных (федосеевцев и филипповцев)»⁶⁶.

Что касается единоверцев, то еще при патриархе Тихоне Московский патриархат разрешил единоверцам иметь своих епископов. В июне 1918 г. Тихон возгласил хиротонию на первого архиерея единоверцев Симона – епископа Охтинского. Затем были хиротонисаны еще несколько епископов. В 1920-30-х гг. почти все единоверческие епархии, в которых не было ни одного случая присоединения к обновленчеству, были разгромлены, а все архиереи и священники-единоверцы репрессированы. В настоящее время двое из них причислены к новомученикам и исповедникам Российским – это Иоанн (Бороздин), служивший в Никольской единоверческой церкви на Рогожском кладбище, и Петр (Озерецкий), служивший в подмосковном селе Михайловская Слобода. В настоящее время к началу 2007 г. в Русской Православной Церкви восстановлено 20 единоверческих приходов. Наиболее многолюдным и благоустроенным является приход при храме арх. Михаила в селе Михайловская Слобода Раменского района Московской области.

На Соборе РПЦ от 10 (23) апреля 1929 г. при патриаршем местоблюстителе Сергии (Страгородском) Патриарший Священный Синод сформулировал три Постановления об отмене анафемы на тех лиц, которые не подчинились решению соборов 1666 и 1667 гг.

В этой первой отмене «клятв» писалось: «Без всякой просьбы со стороны старообрядцев и даже единоверцев признаем:

1. а) богослужебные книги, напечатанные при первых пяти Российских патриархах, православными; б) свято хранимые многими православными, единоверцами и старообрядцами церковные обряды по их внутреннему знаменованию – спасительными; в) двоеперстие, слагаемое в образ Святой Троицы и двух естеств в Господе Нашем Иисусе Христе – обрядом, в Церкви прежнего времени несомненно употреблявшимся и в союзе со св. церковью благодатным и спасительным.

2. Порицательные выражения, так или иначе относящиеся до старых обрядов, в особенности до двоеперстия, где бы оные ни встречались и кем бы ни изрекались, отвергаем и яко небывшая вменяем.

3. Клятвенные запреты, изреченные Антиохийским патриархом Макарием и другими архиереями в феврале 1656 г.

и собором 23 апреля того же 1656 г., а равно и клятвенные определения собора 1666-1667 гг. как послужившие камнем преткновения для многих ревнителей благочестия и поведшие к расколу св. Церкви разрушаем и уничтожаем и яко не бывшие вменяем.

Воистину это было хотя и запоздалое, но справедливое разрешение спора двух Русских Церквей. Остается лишь сожалеть, что уж очень запоздалое определение. Появись оно, хотя бы в конце XVII века русская история пошла бы совсем по другому руслу.

Вторая отмена «клятв» произошла на Поместном Соборе 30 мая 1971 года. Главной его задачей было избрание нового патриарха. Заместителем председателя Собора был избран митрополит Никодим (Ротов). Он сделал два доклада: «Об экуменической деятельности Русской Православной Церкви» и «Об отмене клятв на старые обряды и придерживающихся их».

Собор утвердил три предложенных митрополитом Никодимом Постановления Синода от 1929 г. Завершились деяния Собора следующими словами: «Освященный Поместный Собор любовно объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру». В свою очередь, Русская Православная Зарубежная Церковь в 1974 г. признала русские «старые» обряды равнозначными обрядам Православ-

ной Церкви и упразднила клятвы Московских Соборов 1656 и 1667 гг.

Через 17 лет в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси на Соборе 1988 г. были повторены определения Собора 1971 г. Было опубликовано «Обращение Поместного Собора Русской Православной Церкви ко всем держащимся старых обрядов православно верующим христианам, не имеющим молитвенного общения с Московским Патриархатом».

Как же старообрядцы отреагировали на смягчение позиции Московского патриархата к Древлеправославной церкви в годы советской власти?

Довольно-таки сухо. Как написано на одном из сайтов старообрядцев: «Слишком запоздало это определение – более чем на два с половиной века. Его следовало вынести на другой день после окончания собора 1667 г. Не опоздало бы оно и в 1682 г., когда происходили в Московском Кремле знаменитые «прения о вере», тогда «ревнители благочестия» умоляли и патриаршую и царскую власть «об исправлении православной христианской веры, дабы Церковь Божия была в мире и единении, а не в раздирании и мятеже». Тогда Церковь действительно осталась бы единой, не произошло бы раскола на две половины. Именно тогда нужно было провозгласить, что старые книги вполне православны, что обряды древней Церкви – спасительны, что и само двоеперстие, за которое столько было пролито по всей стране крови, – благодатно и

спасительно. Совсем другая тогда последовала бы история и Церкви, и всей Руси... Ни единоверие, ни старообрядчество пока ничем и никак не откликнулось на это «Деяние» Московской патриархии. Да в условиях безбожного ига в России и невозможно свободное обсуждение церковных и вообще религиозных вопросов. Для этого нужно ждать других времен»⁶⁷.

Список научной литературы

1. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995
2. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Москва. 1887 г.
3. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 2009
4. Митрополит Иоанн Снычев. Самодержавие духа. – Очерки русского самосознания. Саратов. Изд-во «Надежда», 1995
5. Бердяев. Н. Русская идея. Москва. «АСТ», 2002
6. Сиповский В.Д. Родная старина: Отечественная история в рассказах и картинках (С XVI до XVII ст.). Москва. «Современник», 1993
7. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Москва. «Издательство Астрель», 2005
8. Соколов А.Н. Православная Церковь и старообрядчество. Нижний Новгород. «Кварц», 2012
9. Гудзий Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», Москва. «Просвещение», 1973
10. Будкина И.Г., Волков В.В и др. Старообрядчество в России. Энциклопедический иллюстрированный словарь.

Москва. «ФАС-медиа» 2005

11. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Москва. 1901

12. Архимандрит Клавдиан. Постигение высокого Бого-
словия. Тула. Астра. 2011

13. Календари Древлеправославное Поморской Церкви на
2002, 2007, 2013, 2014 гг.

Список художественной литературы

1. Пришвин Михаил. В краю непуганых птиц. Собрание сочинений. Том 2. Москва. 1956.
2. Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть третья и четвертая. Москва. Художественная литература. 1987.
3. Лесков Николай. Запечатленный ангел. Собрание сочинений. Том 1. Москва. 1981.
4. Мордовцев Даниил. Великий раскол. Москва. 1986 г.
5. Личутин Владимир. Раскол. Роман в 3-х книгах. Москва. Ковчег. 1997 г.

Примечания

1. Митрополит Иоанн Снычев. Самодержавие духа. Саратов. Изд-во «Надежда», 1995. – С. 184.
2. Бердяев. Н. Русская идея. Москва. «АСТ», 2002 – С. 21-24.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 144.
4. Там же – С. 146.
5. Там же – С. 155-156.
6. Там же – С. 191.
7. Там же – С. 192-194.
8. Там же – С. 197.
9. Там же – С. 200-201.
10. Там же – С. 201-202.
11. Там же – С. 202-203.
12. Бехчанов Ф, Шамарин В. Сохраним и укрепим древле-православную веру. Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 г. – С. 5.
13. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 243.
14. Там же – С. 249.
15. Там же – С. 295-296

16. Там же – С. 297

17. Безгоднов А. Стрелецкое восстание в Москве в 1682 году и «пря о вере». Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 г. – С. 71.

18. Митрополит Иоанн Снычев. Самодержавие духа. Саратов. Изд-во «Надежда», 1995. – С. 190-191.

19. Бердяев. Н. Русская идея. Москва. «АСТ», 2002 – С. 22-24.

20. Бердяев. Н. Русская идея. Москва. «АСТ», 2002 – С. 19.

21. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 33.

22. Там же – С 496

23. Там же – С 486

24. Там же – С. 386

25. Там же – С. 392-394

26. Там же – С. 395

27. Там же – С. 396

28. Там же – С. 397-398

29. Там же – С. 398-399

30. Там же – С. 398

31. Там же – С. 415

32. Там же – С. 420

33. Там же – С. 424

34. Там же – С. 424-425

35. Будкина И.Г., Волков В.В и др. Старообрядчество в России. Энциклопедический иллюстрированный словарь. Москва. «ФАС-медиа» 2005 – С. 51-52

36. Бехчанов Ф, Шамарин В. Сохраним и укрепим древле-православную веру. Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 г. – С. 5-6.

37. Там же – Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 439-441

38. Там же – С. 494-495

39. Там же – С. 445

40. Там же – С. 453

41. Там же – С. 471-472

42. Пришвин Михаил. В краю непуганых птиц. Собрание сочинений. Том 2. Москва. 1956 – С 123-125.

43. Там же – 127

44. Там же – 133

45. Там же – 141-142

46. Там же – 140

47. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 468.

48. Там же – С. 469-470

49. Там же – С. 473

50. Там же – С. 475-476

52. Там же – С. 476-477

53. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Москва. «АСТ». 2011. – С. 7.
54. Пришвин Михаил. В краю непуганых птиц. Собрание сочинений. Том 2. Москва. 1956 – С 149
55. Там же – С. 159
56. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века. Москва. Изд-во журнала «Церковь», 1995 – С. 477
57. Там же – С. 479
58. Там же – С. 481
59. Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть третья и четвертая. Москва. Художественная литература. 1987 – С. 300-302
60. Там же – С. 345-352
61. Будкина И.Г., Волков В.В и др. Старообрядчество в России. Энциклопедический иллюстрированный словарь. Москва. «ФАС-медиа» 2005 – С. 67-69
62. Соколов А.Н. Православная Церковь и старообрядчество. Нижний Новгород. «Кварц», 2012 – С. 358-359
63. Там же – С. 359
64. Соборность Церкви и Третий Всероссийский собор Древлеправославной Поморской Церкви, Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2007 г. – С. 8.
65. Там же – С. 5.
66. Там же – С. 9.
67. [http: //www.rpsc.ru](http://www.rpsc.ru)